

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 5 (227)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 5 (227). – 182 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Пантин.</i> Российский выбор: Сделан, отсрочен, отменен	5
<i>Г. Станкевич.</i> Политический ислам и современная Россия (на примере религиозной ситуации в Дагестане)	29
<i>Н. Семёнов.</i> Роль мусульманских лидеров Поволжья в борьбе с терроризмом	43
<i>Алан Джиоев.</i> Экстремизм и безопасность Северо-Кавказского региона	55
<i>Диана Челпанова.</i> Террористическая активность в республиках Северного Кавказа	62
<i>Эльмира Муратова.</i> Преподавание ислама в Крыму	65
<i>Гусейн Бахар Вагиф.</i> Азербайджан в орбите мировой дипломатии	74
<i>Ренарт Шарипов.</i> Этнополитические процессы в постсоветской Центральной Азии	81
<i>Параг Ханна.</i> Казахстан: Счастье – это когда много трубопроводов	87
<i>Елена Ионова.</i> Туркмения: Стратегия развития	96
<i>Алишер Файз.</i> Современный Ташкент: Нюансы восточного города	104
<i>Георгий Рудов, Салтанат Ташматова.</i> Воздействие внешних факторов на стабильность в Центральной Азии	115
<i>Т. Имаков, С. Семедов.</i> Хомейнизм – идеология политического ислама	123
<i>Е. Кузнецов.</i> Афганистан: Новая политика и старые беды	135
<i>Е. Мелкумян.</i> Традиции и современность в Кувейте	145
<i>А. Брагин.</i> Нарастание политической напряженности в Сомали	155
<i>В. Ахмедов.</i> Военные и политический ислам на Ближнем Востоке	160

VII съезд российских востоковедов	170
<i>Роберт Ланда.</i> Новая трибуна исламоведов (по материалам первых номеров журнала «Современный ислам»)	174

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Игорь Пантин,
доктор философских наук,
(Институт философии РАН)
**РОССИЙСКИЙ ВЫБОР: СДЕЛАН,
ОТСРОЧЕН, ОТМЕНЕН?**

Сразу же подчеркнем: выбранный в качестве заголовка статьи набор вопросов сформулирован не автором, он повторяет название темы одного из межсекционных заседаний на III Всероссийском конгрессе политологов. Самое парадоксальное заключается в том, что на каждый из вопросов можно дать положительный ответ. В каком-то смысле демократический выбор России сделан, в другом – отсрочен, в третьем – отменен. Как ни странно, но любому из этих ответов соответствует позиция и идеология какой-то части российского политического класса, за каждым стоят социальные группы и определенные представления о будущем нашей страны. За подобного рода неоднозначностью скрывается реальность: выбор россиян не стал, да, пожалуй, и не мог стать принятым решением всех или большинства. Процесс трансформации старой политической системы в новую, как правило, асинхронен: демократический выбор раньше всего выражается в создании представительных институтов, формировании системы партий, проведении свободных, альтернативных выборов; затем – в идеологической сфере, где еще некоторое время имеют место разнонаправленные тенденции; лишь значительно позже начинаются изменения, затрагивающие духовную сферу, менталитет народа.

В России, как нигде, очевидна справедливость той истины, что свобода, как и демократия, – не просто естественная данность, а результат становления, развития. Свободными не рождаются, а становятся. А раз это так, то любому обществу, в особенности российскому, предстоит проделать свой нелегкий путь к свободе и демократии, прежде чем они наполнятся конкретным содержи-

ем. Короче, выбор приходится рассматривать как сложное многомерное явление: что-то ушло вперед, что-то догоняет, что-то активно сопротивляется новому.

Все в России сегодня осознают или чувствуют, что исторический вектор движения огромной страны поменялся, стал другим. Однако относительно того, куда мы идем, каким должно быть будущее страны, существует множество противоречивых, а порой и взаимоисключающих мнений. Примирить их почти невозможно ни с помощью политической науки – «вопрососпособность» в ней явно превалирует над «ответоспособностью», – ни с помощью существующих в нашей стране партийных идеологий и программ. Для того чтобы появились действительные решения и политические механизмы, способные преобразовать общие условия нынешней жизни людей, в стране должно появиться общественное движение – не по этикетке только, а по существу. Как появляются, развиваются подобные движения, в каких условиях утрачивают свое политическое качество, мы попытаемся рассмотреть на примере событий в России, происходивших конце XX – начале XXI в.

Прежде всего? в понимание целого придется ввести историческую составляющую нашего недавнего прошлого. Возмущенные вероломством коммунистических заговорщиков, сотни тысяч людей вышли в августе 1991 г. на улицы Москвы и Ленинграда, чтобы не дать «хунте» (ГКЧП) повернуть колесо российской истории вспять, к прежним коммунистическим порядкам. Эти люди не были демократами по убеждению, сформированному опытом и изучением политических явлений. Их демократизм был скорее чувством, верой, активным протестом, чем продуманной позицией, а тем более – идеологией. Собравшись 20 августа 1991 г. у Белого дома, они своим сопротивлением хотели доказать и доказали коммунистической «хунте», что единственный источник власти – народ, который сам способен выразить собственную волю.

Впервые после 1905 г. требования свободы, прав личности и суверенитета народа стали делом населения, пусть даже его меньшинства, а не диссидентов или интеллигентских групп. Ощущение первейшей ценности свободы на миг охватило широкие слои советского (тогда еще советского!) народа, породив стремление бороться за свою самостоятельность. Миллионы людей, озабоченных лишь проблемами непосредственного существования, неожиданно поднялись до понимания связи между улучшением условий своей жизни, уважением своих прав и политической свободой, демократией.

Коммунистический режим рухнул. Он не был свергнут в ходе массового политического движения, а как бы «просел» под тяжестью собственных противоречий. Власть буквально упала к ногам демократов и (в союзных республиках) националистов. Целое поколение либерально настроенных интеллигентов, представителей партийной и советской номенклатуры, втайне ожидавшее наступления кризиса и обсуждавшее его на кухнях, склонное к упрощению идей преобразования и идеализации Запада, внезапно, по стечению обстоятельств, оказалось в Москве и Ленинграде во главе сопротивления путчистам. Провал путча открыл этому поколению двери в общественно-политическую жизнь, а затем и во власть. То, что в других странах являлось итогом тяжелой и упорной борьбы, подготовленной предшествующими революциями, в России было получено – вернее, казалось полученным, – в одно мгновение в результате натиска на коммунистический ГКЧП, незаконно (даже по советским законам) присвоивший себе власть.

Однако действительность оказалась иной, совсем не похожей на то, что представляли себе участники событий августа 1991 г. Получив в 1991 г. неожиданно для себя власть в стране и не имея сколько-нибудь реальных планов по построению нового общества (плюс отсутствие массовой поддержки), либералы и демократы-антикоммунисты России попали в импровизаторский и демагогический циклон. Вместо трезвого анализа переживаемого страной хаоса, связанного с весьма своеобразным «первоначальным накоплением капитала», с коренной ломкой уклада жизни десятков миллионов людей, с ростом сепаратистских настроений, Б. Ельцин и его администрация, насколько это было возможно, отворачивались от действительности, тешили себя и других иллюзиями, будто знают выход из тяжелейшего кризиса. Рынок все устроит и все расставит по своим местам – эта идеология ориентировала ельцинскую администрацию и либералов из интеллигенции на оппортунизм по отношению к «новым русским» и их криминальному богатству. В результате последовали реформы Т. Гайдара, которые стали худшими из всех возможным вариантов выхода. Ни для ни кого не была секретом сила коммунистических привычек и традиций в массе населения. Однако бороться с ними первые демократы предполагали старыми способами: пытаясь ввести закон о люстрации, грозя судом над КПСС, над И. Сталиным и тому подобным. Момент «снятия» (в гегелевском смысле этого слова) просто игнорировался нашими радикалами: социализм выступал для них в одном-единственном ракурсе – иррационального

вторжения в историю и жизнь страны внешних и чуждых для нее факторов. Они не сумели понять, что отвергаемый ими социализм поднял ряд важнейших проблем российского общества, которые он, разумеется, не решил и решить не мог, но с которыми предстояло столкнуться российской демократии и вслед за тем решать их новыми средствами, на новой почве.

В итоге российская демократия, рванувшись напрямик из пролога в последний акт (нужно «устроить все, как на передовом Западе», – не меньше), застряла на начальных ступенях преобразований, не решила ряда важнейших проблем политического и социального переустройства страны.

Главное, что не удалось сделать демократическим силам в России, – это изменить сложившиеся веками отношения между властью и обществом. Как и раньше, новая власть оказалась закрытой от общественного мнения и гражданского общества, насколько оно себя проявляло. Как и раньше, выбранные на альтернативной основе «слуги народа» быстро превратились в центре и на местах в повелителей, стоящих над народом, над которыми не властен ни закон, ни обычай. В такой обстановке, когда никто не огражден от произвола администрации, выборной или невыборной – все равно, европейские демократические учреждения потеряли свой прогрессивный, цивилизующий характер и стали служить привычному рутинно-бюрократическому порядку дел.

Подтверждением отката первой демократической волны стали исчезновение с политической арены «Демократической России» – организации, которая была стержнем массового сопротивления в августе 1991 г., обстрел Белого дома в октябре 1993 г., разграбление государственной собственности путем ваучерной приватизации, залоговых аукционов, намеренного обанкрочивания предприятий «новыми русскими», резкое падение жизненного уровня трудящихся, разрушение социальной и экономической инфраструктуры и тому подобной. И все это происходило на фоне развала народного хозяйства, массовой «утечки мозгов», безудержного обогащения нуворишей, названных «олигархами», увеличения их влияния на центральную и региональную власти, невиданной ранее коррупции чиновничьего аппарата, гигантского роста криминала при полной неспособности государства справиться с ним, и так далее и тому подобное.

Было бы нелепо, говоря об откате демократической волны, не учитывать некоторые особенности нашего недавнего прошлого. Ни в одной стране не было такой плотности, такой универсально-

сти тоталитарных связей, пронизывавших все сферы общественной жизни, как в СССР / России. Ни в одной из европейских стран не сохранилось народной культуры, сформировавшейся до частной собственности и в противовес ее морали. А если добавить к этому государственную собственность на все средства производства, исключая любые законные формы частного бизнеса, вспомнить о господстве военно-промышленного комплекса в экономике, громадной армии, разветвленном аппарате КГБ, идеологической и политической монополии КПСС, то станет ясно, что демократии, перенесенной с Запада, так же, как и капитализму, предстоит укорениться и прорасти в России на весьма каменистой почве.

И все-таки не только факторы исторического порядка встали на пути демократического политического и общественного строя в России. Причины, думается, лежат глубже. Они связаны с условиями, в которых произошел политический переворот, с характером сил, перехвативших политическую инициативу, наконец, с проблемами, которые предстояло решить. В отличие от ряда крупных общественных переворотов прошлого, например, Великой французской революции, эпохе нынешних реформ в России, предполагавшей резкий разрыв с накопленным историческим опытом, не предшествовала революция в умах и нравах, в мышлении. Разумеется, в России были просветители, люди, по складу своего ума стремившиеся к полноте всеобъемлющего понимания явлений жизни, к проникновению в «причины причин» политического развития страны после 1917 г., которое образовало эпоху в российской и мировой истории и одновременно обусловило тупики нашего сегодняшнего существования. Были просветители, но не существовало Просвещения, готовившего общество к переменам. Вот почему историческая специфика предстоявшего переворота не была в нужной мере осмыслена, отрефлектирована так же, как не были вполне продуманы ни задачи реформирования государства и общества, ни план демократизации. Отсюда судорожные, далеко не всегда плодотворные попытки найти точку опоры в западном опыте – европейском и американском. В известной мере они были неизбежными, поскольку в России практически отсутствовала собственная демократическая традиция (народничество не в счет). Забывали, однако, что всякая демократия, опираясь на чужой опыт, должна быть ориентирована на свои национальные проблемы.

Далее. Россия приступила к реформам, сделала выбор в отсутствие общественного субъекта преобразований. Ни одно общественное движение, ни одна политическая партия (я уже не говорю о группах населения) не дотягивали до политической, культурной гегемонии. Наоборот, в обстановке хаоса и деморализации, охватившей население в годы «шоковой терапии», происходит отток активных, т.е. демократических элементов из сферы политики, их место занимает новый «политический класс» – журналисты, юристы, люди, получившие «должность» после переворота, аферисты и тому подобные. Потребность, толкавшая разные силы на борьбу с коммунизмом, была общей, однако взгляды на будущее и далекое, и близкое – существенно разнились, а иногда и радикально противоречили друг другу. Антикоммунизм, объединивший на время все мало-мальски активные слои общества, по определению не способен был стать эффективным средством демократизации, вывести большинство простых людей из состояния пассивности и направить их в организованное и цивилизованное русло освободительного движения. Более того, антикоммунизм сеял иллюзии легкости движения к демократии, сбивал людей с пути, поскольку пристегивал их фантазии и ум к утилитарным ценностям западного образа жизни, обуржуазивал – в худшем смысле этого слова – сознание масс, побуждая активные слои общества стремиться не к лучшему политическому и социальному порядку, а к вульгарному личному обогащению, «прихватизации».

В итоге во главе преобразований, называвшихся то либеральными, то демократическими, встали общественные силы, интерес которых заключался главным образом в разрушении старой экономики и в приватизации государственной собственности. Демократизация поменяла свое содержание, она стала прикрытием своекорыстных устремлений определенного слоя людей, использовавших бюрократический аппарат государства в целях собственного обогащения. При этом способы «демократического» грабежа государственной собственности не имели значения: они могли быть «законными», а если надо, то и криминальными.

Ужасающими выглядят и последствия подобного рода «реформ». Десятки миллионов людей, насильственно вброшенные в рыночные отношения, без средств к существованию, без опыта, без поддержки государства, вынуждены были во имя выживания действовать на свой страх и риск. Сотни тысяч пошли в криминал, чтобы погибнуть в бесчисленных бандитских разборках и в столкновениях с милицией. В стране полупатриархальной морали за

три-четыре года сформировался огромный рынок проституции. Казино, ночные клубы, «массажные» салоны росли, как грибы после дождя. Промышленное производство топталось на месте, более того, стагнировало. Рабочих и служащих увольняли. Квалифицированные кадры сотен НИИ очутились на улице. Миллионы людей превратились в «челноков», торгуя товарами из Турции, Польши, Китая. Бывшие «теневики», кооператоры, подпольные миллионеры с помощью подкупленных чиновников за бесценок приватизировали «бесхозное» государственное имущество: заводы, шахты, магазины и т.п. Жульническая ваучеризация (вклад государства в ограбление своих граждан), всевозможные финансовые пирамиды, создававшиеся при попустительстве власти с целью изъять у населения последние накопления, подставные фирмы, куда переводились полученные «грязные» деньги, разрушение социальной инфраструктуры, созданной при советской власти, духовный кризис и деморализация народа – вот что стояло у истоков современного российского капитализма. И если в развитом состоянии затушевываются черты генезиса, что происходит у нас на глазах с российским капитализмом, то многие «родимые пятна» его криминального происхождения еще долгое время будут напоминать о себе обществу.

«Демократизация» 90-х годов XX в. расколола российское общество на две неравные части. С одной стороны, это слой крупных собственников («олигархи»), часть чиновников, сконцентрировавших в своих руках огромные богатства и, главное, контроль над важнейшими сферами экономической и общественной жизни; с другой – основная масса населения с мизерными доходами, бесправная перед чиновничьим произволом. Сгладить эту поляризацию общества могли бы средние слои, но их формированию мешали и мешают до сих пор коррумпированное чиновничество и криминал – оборотная сторона политической монополии крупного капитала. Таким образом, политический и социальный прогресс, осуществляемый «сверху», административно, стал реальностью. Государственный аппарат стал сам себя реформировать, разумеется, по правилам чиновничьей логики и в противовес интересам общества. Новое государство, мыслившееся как подотчетное и подконтрольное гражданскому обществу, народу, стало самостоятельной, самодовлеющей силой, стоящей над обществом, над народом.

А теперь от описания событий начала политических перемен в стране перейдем к политико-философскому осмыслению про-

изошедшего исторического сдвига, его проблем и противоречий под углом зрения и в контексте всемирного развития. Такого рода рассмотрение проблемы небезразлично для понимания существа и объективного содержания политической эволюции совершающегося в нашей стране. Подчеркнем прежде всего: воздействие исторической среды – международных отношений, экономических и культурных связей – играет сегодня огромную роль в победе того или иного вектора развития страны. Россия в этом смысле не исключение: в эпоху глобализации мира эволюция нашей экономики должна соответствовать мировым тенденциям. Экономические отношения с Западной Европой, США, шире – со всем миром, культурные взаимосвязи, торговля, обмен передовыми технологиями, опытом хозяйствования составляют в своей совокупности важнейший, но отнюдь не однозначный фактор исторического развития любой страны. В этом смысле можно говорить об определенной, хотя и асимметричной корреляции развития Запада и России. Но проблема соотношения Запад – Россия неизмеримо сложнее, чем это кажется нынешним «западникам» и «почвенникам». Современный глобализированный социум с его всесторонними экономическими и культурными связями между странами заставляет народы – иногда во имя сохранения самобытности! – быстро перенимать опыт и достижения Запада и Востока, перерабатывая их в соответствии со своими потребностями и внутренними условиями, историческими и этнонациональными особенностями, менталитетом населения, наконец. Формируется совершенно иной тип разнообразия, когда каждая страна или группа стран выступают в качестве исторически особой и вместе с тем интегральной части всемирного целого. Различия, связанные с преобразованием стихийных географических и естественно-исторических условий, с автохтонностью развития, отступают на второй план.

Сказанное нельзя понимать в том смысле, что глобальная капиталистическая экономика обуславливает неизбежность перехода всех стран к демократическим режимам. Это далеко не так. Все зависит от исторического и социокультурного развития народа, от его способности вбирать и перерабатывать опыт стран и народов, ушедших вперед. В одних странах, таких, например, как Россия, воздействие исторической среды катализировало разложение старой государственно-бюрократической организации общества, благодаря чему процесс распада старых форм значительно обогнал рождение новых, демократических. В других странах (Ки-

тай) коммунистический режим, сумевший приспособиться к современному капиталистическому развитию, укрепил, по крайней мере на время, свои позиции, получив пространство для социального маневра. Вот почему так важно понять, как именно тот или иной народ подошел к переменам, какое содержание он вкладывает в понятие «демократические преобразования». Короче, реализация социальных и политических реформ – это конфликт и равнодействующая разных, порой противоборствующих тенденций, итог борьбы которых предвидеть заранее невозможно.

Не только воздействие Запада (экономическое, культурное) определило крах командно-административной экономики и политических отношений в России, хотя и сыграло существенную роль. С высоты сегодняшнего дня становится очевидным, что кризис, разразившийся в России в конце XX в., носил не столько политический, сколько системно-экономический характер. Если не обольщаться демократической фразеологией, а вдуматься в суть перемен, последовавших за августовским переворотом, то станет очевидным, что значение 1991 г. в связке с 1993 г. в итоге сводится не столько к демократизации страны (здесь как раз сделано очень мало), сколько к решению вопроса, важнейшего для России: какая экономика – рыночная, капиталистическая, или командно-административная, «социалистическая», – соответствует реалиям конца XX – начала XXI в., положению страны в глобализованном мире? Ход событий у нас в стране и в мире поставил под вопрос само интегрировавшее общество основание – тотальное огосударствление экономики. Государственная форма собственности и централизация народного хозяйства, послужившие в 20–30-х годах XX в., несмотря ни на что, орудием модернизации производства и создания индустриального могущества СССР, в конце столетия превратились в оковы для поступательного движения общества, стали решающим фактором экономического застоя, нетерпимого на фоне экономических успехов стран Запада. Обновление экономики страны на базе рыночных отношений стало неустранимой потребностью, порождая системный кризис старого «социалистического», а на деле командно-административного общества.

Переход к рыночной экономике и капитализму в современной России имеет ряд особенностей. Прежде всего он был вызван скорее экономической необходимостью, нежели исторической. Объективная неизбежность рыночной, капиталистической экономики обуславливалась в конечном счете невозможностью иной,

антирыночной, тотально огосударственной. В самом деле, страна с непропорционально раздутым военно-промышленным комплексом просто-напросто не могла дальше развиваться, опираясь только на свои собственные экономические ресурсы. Обострившаяся продовольственная проблема – результат коллективизации сельского хозяйства в конце 20–30-х годов XX в. – заставила закупать зерно за рубежом. Для этого понадобились валютные резервы, но они-то оказались практически исчерпаны к концу 1980-х годов, так как к этому времени резко упали цены на нефть – главный источник пополнения запасов валюты. Что касается экспортной промышленной продукции, то она была неконкурентоспособной на мировых рынках. «Железный занавес», отгородивший СССР от остального мира, сыграл с нашей страной злую шутку: с каждым годом мы все больше и больше отставали от экономически развитых стран. В эпоху высоких технологий и научно-технического прогресса страна по-прежнему наращивала свой экономический потенциал за счет увеличения производства стали, угля, нефти и т.п. Прервать эту инерцию экстенсивного развития можно было лишь одним путем – покончить с «холодной войной» и, сломав «железный занавес», наладить нормальные экономические отношения со всеми странами мира.

Несовпадение экономической и исторической составляющих генезиса российского капитализма оказало решающее воздействие на форму перехода к капитализму. Когда буржуазные экономические преобразования становятся неустраиваемыми, а общество в силу своих исторических традиций (Октябрьская революция 1917 г., носившая, несмотря ни на что, народный характер), воспоминаний о недавнем прошлом (победа Советского Союза над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.), наконец, в силу природы коммунистического режима, обрекавшего народ на политическую неразвитость, оказывается неготовым к радикальным переменам, тогда экономическая необходимость прокладывает себе дорогу через крайне болезненное для масс разрушение старой социальной формы действиями сил, прежде всего государственной власти, оказавшихся на высоте назревшей исторической задачи.

Словом, как это не раз бывало в истории России, потребность в реформах, обусловленная воздействием европейских и общемировых тенденций, сложилась прежде, чем общество, его передовые силы созрели для кардинальных перемен, тем более проводимых демократическим путем. А потому, как и раньше, инициативу преобразований перехватила государственная власть в

лице ее высших звеньев. Отсюда ограниченный характер реформ и бюрократический способ их проведения.

Нужно отметить, что российский вариант «ускорения истории» связан прежде всего с чередой революций «сверху». Не противоречат этому утверждению и три русские революции (на деле это были три этапа одной и той же революции): гигантский выплеск народной энергии был канализирован большевиками и вылился в самую разрушительную для народа форму модернизации – форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию крестьянства. В основе такого рода общественной и экономической модернизации («европеизации»), как правило, лежала инициатива государственной власти, ее высших звеньев. Петр I не просто «прорубил окно в Европу», он задал своеобразную матрицу прогрессивного движения России. А. Герцен назвал ее «петроградизмом», а мы – «революцией сверху», «догоняющим» развитием. С Петра начинается специфически российский способ «европеизации» страны, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения, искусственно насаждает новые сообразные с Западом формы отношений в обществе и экономике. Интересы развития страны вырываются из сферы самодеятельности общества и противопоставляются ему в качестве предметов правительственных мероприятий. Менялись «формации», системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации страны оставался прежним.

В основе такого рода движения по «перевернутой» схеме, когда на роль субъекта преобразований выдвигается государственная власть, лежали слабость, неразвитость общественных сил, чьи интересы совпадали с переменами, вынужденный, недобровольный характер проводимых реформ (иногда под угрозой национальной катастрофы), наконец, политическая апатия основной массы населения. Но не только это. На протяжении трех последних столетий потребность в реформах была обусловлена воздействием сил европейского (в конце XX в. – мирового) масштаба, причем складывалась она, как правило, раньше, чем народ созревал для перемен, и независимо от его осознанных потребностей. Вот почему «верхи» (власть, элиты), а не «низы» (общество, народ) оказывались на высоте исторической задачи. Отсюда «искусственные» способы внедрения нового в социальный организм. Насаждение крупной промышленности самодержавием в пореформенные десятилетия XIX в., сталинская форсированная индустриализация страны, либеральные реформы и «шоковая терапия»

90-х годов XX в. – все это этапы становления России как современного государства. Все они связаны с громадными бедствиями для народа, поскольку государство, присвоившее себе право вести по пути прогресса массы, еще не готовые к самостоятельному выбору, способно прокладывать этот путь только с помощью принуждения «сверху».

Здесь не место анализировать такой тип движения. Подчеркнем лишь, что он диктовался необходимостью для России проделать за три-четыре десятилетия путь, который западные страны проходили столетиями.

Движение по «перевернутой» схеме – сначала инициатива «верхов», затем преобразование с помощью рычагов государственной власти социальных отношений и экономики, создание на этой основе предпосылок для рывка вперед – такая форма движения, как показывает исторический опыт и России, и других стран, далеко не оптимальна. Более того, продвигая страну вперед, она чревата серьезными опасностями и тупиками.

Во-первых, в отсутствие серьезной политической оппозиции начинаниям «верхов» реформа приобретает односторонне бюрократический, а порой и разрушительный характер, порождает глубокие внутренние разломы в обществе.

Во-вторых, модернизация вдогонку Западу не считается с социально-культурной спецификой страны, ее прошлым, третируя их как подлежащий упразднению анахронизм. Внедряемые «наскоро» (В. Ключевский) «западные» элементы разрушают системную целостность сложившейся цивилизации, деформируют ее, порождая скорее новые трудности и проблемы, нежели решая старые.

Все это придавало и придает Российскому государству особый характер, отличный от европейского, который только отчасти передается понятием империи. Вообще говоря, это не государство в собственном смысле слова, а своеобразный «социум власти» (М. Гелфтер), стягивающий к себе огромную сумму интересов и лиц и управляющий страной с помощью бюрократического механизма. Предпосылкой его существования являлись и являются, без сомнения, слабость гражданского общества, рыхлость и бесформенность действительного общественного организма, беспомощность и несамостоятельность движений «снизу».

Когда-то великой русский демократ Н.Г. Чернышевский писал в подцензурной статье «Франция при Людовике – Наполеоне», прозрачно намекая при этом на Россию: «Столетия, проведенные

под управлением произвола, до такой степени вкоренили в умах французов (конечно же, русских, – понимал читатель) мысль о его необходимости, что, желая произвести реформы, они постоянно впадали в роковую ошибку, в ложное убеждение, что нужно только заменить старую власть новой властью и на эту новую власть перенести все те чрезмерные права, которые принадлежали старой». Не случайно поэтому основной своей задачей Чернышевский считал борьбу с распространенным в российском обществе предрассудком, «будто государственная власть может заменить собой результаты индивидуальных усилий в общественных делах», воспитание у нарождавшейся русской демократии чувства «гражданской самостоятельности, которое только одно может упрочить здоровье нации». К сожалению, участие рядовых граждан в общественных делах так и не стало ведущей ценностью в теоретических построениях российских либералов и демократов. Им казалось, что замена старой власти новой сама по себе, без привлечения в политическую жизнь массовых сил, без коренного расширения сферы сознательной общественной деятельности способна обеспечить демократические перемены в стране. Иго российской политической традиции, связывающей любые перемены в обществе только с инициативой государственной власти, тяготело над демократами 1990-х годов точно так же, как когда-то над русскими либералами, а затем народовольцами и большевиками.

Но не только несовпадение экономической и исторической (политической) составляющих оказало воздействие на способы проведения демократических реформ в России. Немалое значение имел характер сил, выступивших за обновление страны, их идеологические установки.

В свое время, в конце 20-х – начале 30-х годов XX в., А. Грамши предвосхитил появление ситуаций, подобных российской. В своих «Тюремных тетрадах» он писал, что далеко не всегда «движущая сила прогресса» будет совпадать с «широким экономическим движением» в данной стране. В условиях экономического и культурного взаимодействия между странами носителем новых идей и освободительного импульса может быть «не экономическая группа» (класс), а «слой интеллигенции». И тут же глубокое и тонкое замечание: в этом случае «понимание пропагандируемого государства видоизменяется: оно понимается как вещь в себе, как рациональный абсолют».

Системный кризис, охвативший страну в конце 1980-х – начале 1990-х годов, и массовое недовольство населения коммунисти-

ческим режимом благоприятствовали выдвижению интеллигенции и части номенклатуры на роль авангарда движения за свободу и демократию. Свержение коммунизма давало интеллигенции надежду преодолеть, наконец, болезненный разрыв между усвоенными ею либеральными, гуманистическими принципами и существовавшей политической практикой. Разрыв этот существовал на протяжении всей истории России, но кризис КПСС и горбачёвская перестройка придали ему особенно драматический характер. Для тех, кто протестовал против засилья партийной бюрократии, кто выступал за господство законности и обличал систему ГУЛАГа, падение коммунистического режима стало желанной отправной точкой надежд, к сожалению, преувеличенных, на быстрые перемены в стране и обществе в направлении либеральной демократии.

Однако, являясь носителем передовых европейских идей, интеллигенция, в силу своего положения, навыков, уклада жизни, наконец, нравственных принципов, не смогла возглавить движение за демократию. Не смогла потому, во-первых, что демократического движения в собственном смысле этого слова в стране не существовало: оно возникло, но, к сожалению, не успело сформироваться к 1991 г., а позже оказалось «ненужным». Во-вторых, между интеллигенцией и простыми людьми в России на протяжении веков существовали достаточно сложные и противоречивые отношения. В силу ряда исторических обстоятельств: поляризации современных и традиционных секторов экономики в условиях «догоняющего» развития, европеизированного характера ценностей «культурного общества», господства традиционалистской и полутрадиционалистской культуры в массах и т.п. – российская интеллигенция очень редко находила в положении народа источник проблем, требующих изучения и разрешения. Неслучайно собственно демократическая идея в том виде, в каком она вошла в сознание российской интеллигенции 90-х годов XX в., была скорее сколком с проблем и противоречий западного общества, чем отражением непосредственных нужд народа.

Слабость активных общественных сил, особенно в регионах, обусловила неспособность демократической интеллигенции ставить вопрос о будущем страны на основе конструктивной историко-политической программы, а не абстрактно, вообще, «как это делают во всем цивилизованном мире». Не стоит говорить уже о том, что появившуюся в 1989–1991 гг. народную инициативу некому было направить в позитивное русло. Идеология государства, наделенного сверхъестественными свойствами («рациональный

абсолют»), стала оправданием и обоснованием такой позиции. И не случайно разработка программы преобразований была отдана на откуп правительственным чиновникам. Все это объясняет, почему интеллигенция при всей ее энергии, искреннем порыве к переменам и антикоммунистическом настрое оказалась не в состоянии повлиять на ход реформ 1990-х годов и, главное, на способ их проведения. Привычный способ действий власти в условиях политической пассивности населения вновь возобладавал в общественной жизни россиян.

Кроме названных двух, имеется еще третье, весьма немаловажное обстоятельство, определившее ход и исход демократических преобразований в России. Это – исторически сложившийся характер русского демократизма.

Потребность в демократическом устройстве вызревала в нашей стране существенно иначе, чем в большинстве стран Запада. Там борьбе за демократические институты, за всеобщее избирательное право предшествовало развитие либерального общества и капиталистических отношений. Поэтому и лозунг демократии был там не чем иным, как логическим развитием принципа свободы, родившегося до идеи демократии и независимо от нее. Демократия, обновляя и обогащая либеральную традицию, преодолевала раскол общества на бедных и очень богатых, утверждала политическую свободу для всех его членов, а не только для привилегированного меньшинства собственников. И даже рабочее движение, порой сливавшееся с другими освободительными движениями, порой же – через социализм – обособлявшееся от них, оказалось, несмотря ни на что, фактически дополнением к складывавшейся демократической традиции: оно доказало, что проблема свободы не может одинаковым образом стоять перед всеми классами, что реальная свобода для рабочего класса предполагает его экономическое, социальное и моральное возвышение. Подчеркнем главное: в европейском демократизме идея свободы, гражданских прав была «намертво» вмонтирована в демократическую идеологию. Демократия без свободы, поддержанной экономическими и правовыми механизмами, не мыслилась ни либералами, ни консерваторами, ни социалистами.

По-иному дело обстояло в нашей стране, где демократизм начинался с признания необходимости решения в интересах большинства аграрного вопроса, создания условий, прежде всего материальных, для участия народа в политической жизни. Российская проблема для демократа, народника, большевика – это главным

образом проблема освобождения, не столько политического (часть демократов вообще выступала за уничтожение государства или за реформы, подобные Петровским), сколько экономического. Без экономического освобождения народных масс в России невозможно было создать раскрепощенного индивида. Соответственно политическая программа русских демократов сводилась к тому, чтобы «по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве», причем, каким путем это сделать, «для них почти все равно». Демократ не должен останавливаться перед тем, чтобы «производить реформы с помощью материальной силы», он для реформ готов «пожертвовать и свободой слова, и конституционными реформами». Это было сказано революционным демократом Чернышевским в 1858 г.; практически именно он сформулировал основные пункты плебейски-крестьянского демократизма в России. Новации Ленина в пределах этой программы касались частностей – идея диктатуры пролетариата («наинижайших низов» населения) и Советы как новый тип управления, якобы более высокий, чем парламентаризм.

В этих условиях демократический и либеральный импульсы вместо того, чтобы дополнять друг друга, как в США и Западной Европе, вошли в России в резкое столкновение. Невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую, и либеральную идеологию. Демократизм в России все больше принимал плебейски-разрушительный характер, а либерализм вынужден был сближаться с «охранительной» тенденцией, поддерживая «рациональные» действия русского самодержавия. С одной стороны, идеализация сначала крестьянской, затем – пролетарской массы, наделение ее всеми мыслимыми социальными добродетелями (коллективистский дух, революционная самодеятельность, освободительная миссия и тому подобное); с другой – консервативное осуждение масс «образованным обществом», боязнь «черни» (т.е. фактически народа), утрата освободительного аспекта, соглашательство с самодержавием – все это во многом предопределяло характер Октябрьской (1917) революции и последовавшего за ней развития событий.

Изменилась ли ситуация сегодня? С грустью приходится констатировать, что в основном она осталась прежней – «национализации» демократии не произошло. Демократический идеал в его классическом виде и сегодня отвечает культурному кругозору и потребностям достаточно узкого социального слоя – научно-

технической и гуманитарной интеллигенции, людей свободных профессий (врачей, юристов, деятелей культуры и т.д.), высших слоев государственных чиновников, части менеджеров, включенных благодаря образованию и положению в систему более широких культурных отношений.

Что же касается основной массы народа, то для нее слово «демократия» до сих пор расшифровывается главным образом в терминах материальной (социальной) справедливости. А как раз эта-то справедливость на первых порах была грубо растоптана реформаторами 1990-х годов. Для пришедших во власть либералов-рыночников социальная справедливость была сродни нравственному предрассудку, коренившемуся в коммунистическом прошлом. С политикой радикальных экономических перемен этот «предрассудок» не имел, по их мнению, ничего общего. Либералам 1990-х годов повезло: за свое непонимание они отделались только потерей власти, так и не поняв, что страна благодаря их политике была подведена к краю пропасти. Новые лидеры пошли уже другим путем, сделав ставку на регулирование рынка силами государства, говоря (к сожалению, иногда только говоря) о социальной политике и социально ориентированной экономике.

Идея демократии разделяет судьбу общих, абстрактных идей, которые пережили несколько эпох, всякий раз наполняясь новым конкретным содержанием. Соответственно облик и характер демократической идеологии, задачи, решение которых она имеет в виду, могут быть поняты лишь в результате анализа специфических и сложных условий, придавших ей значимость и смысл.

Если говорить о сегодняшнем историческом этапе не только России, но и западного мира, то приходится констатировать, что вместе с ростом самостоятельности экономических процессов уменьшается активная роль специфически социальной сферы, которая все больше приспособляется к нуждам экономического социума и все менее способна к реализации гуманистических целей. В России эта глобальная тенденция проявилась в полной победе «экономического либерализма» над либерализмом в собственном смысле этого слова, видевшем в свободе и демократии средства обеспечить всем людям полное развитие их личности, в эрозии идеи гражданственности, в «колонизации» общественного частным, в растущем безразличии людей к решению долгосрочных задач.

Что из этого следует? Прежде всего, думается, речь должна идти о модификации форм и методов борьбы за демократию.

На первый взгляд, задача демократизации существующего политического и общественного строя России кажется простой и элементарной. Однако проблема в том, что средства ее решения в конце XX – начале XXI в. уже не могут быть простыми, а тем более элементарными. Ведь вследствие коренного изменения условий, внешних и внутренних, процессы, способные привести к построению в России демократического общества, существенно отличаются от тех, которые происходили в свое время в Западной Европе, да и в самом нашем обществе.

Когда-то демократия в ее радикальных вариантах означала доминирование народа над привилегированными классами, большинства над меньшинством; в умеренных версиях она исходила из единства всех слоев общества на базе консенсуса разных интересов. Демократическая парадигма строилась на постулате о том, что народ является высшей инстанцией и мерилom истинности всякой политической теории, что именно народ выступает субъектом истории, ее главной движущей силой, и его действия по определению носят прогрессивный характер. Предполагалось, что любой частный интерес должен в конце концов уступить место общему, народному. Возможность суммирования индивидуальностей в «общем деле», идея гражданственности не подвергались никакому сомнению – считалось, что гражданин совместно с другими гражданами в состоянии самостоятельно, без посредников определить права и обязанности, привилегии и обязательства членов соответствующего общества.

Сегодня этот комплекс демократических идей во многом устарел и не соответствует ситуации, сложившейся и на Западе, и в России. Трагический опыт осуществления в нашей стране диктатуры пролетариата (позже – «общенародного государства»), громадное разрастание функций государства и, наконец, тотальная бюрократизация управления показывают, что демократизация общества, опирающаяся только на идею гражданственности, на гражданские доблести, неизбежно терпит крах. Дело не только в том, что воспитание населения в гражданском, демократическом духе – процесс крайне длительный и трудный, особенно в современной России с ее громадными перепадами в культуре населения, разрывом между доходами «низших» и «высших» слоев, с неравным доступом к ресурсам самоутверждения личности, со слабым интересом населения к политике. Проблема конкретнее, драматичнее.

Гражданственность, гражданское общество не могут появиться в России и стать основой демократии, пока новый политический режим сохраняет главные черты старого, пока существует закрытость государственной власти от общества, закрытость тотальная, порождающая коррупцию и громадные злоупотребления. Как никогда, сегодня становится ясным, что бюрократия в России – это не просто волокита, некомпетентность, взятки, это еще произвол, насилие над личностью, узурпация ее гражданских прав. Полтора миллиона вопросов, заданных В. Путину, – это не столько свидетельство демократизма власти, стремления её не терять связи с народом, сколько индикатор неготовности (нежелания) громадного бюрократического аппарата исполнять вмененные ему законом обязанности, соблюдать Конституцию страны и права граждан.

Всесилие бюрократии, коррумпированной и некоррумпированной, но всегда неподконтрольной, произвол чиновников, «избирательное правосудие» стали сегодня основным препятствием демократизации России, возьмем ли мы экономику (средний и мелкий бизнес), местное самоуправление, отношения между регионами и Центром, соблюдение федеральных законов и установлений, социальную защиту слабейших слоев населения, сферу отношений собственности и т.п. Взятка, «откат», умение «вертеться», способность угадать, что хочет начальство, до сих пор являются нормой поведения российского чиновника, нормой, которая создает невыносимые условия для всякого честного человека, работающего в государственном аппарате. Под разлагающим воздействием этих факторов падает интерес населения к политике, к выборам, рушатся политические убеждения, сокращается участие людей в мероприятиях, издавна считавшихся политическими. Когда человек полностью бесправен перед любым «блюстителем порядка», который может его оскорбить, ограбить и даже избить, когда закон трактуется в зависимости от имущественного или должностного положения гражданина, когда государство не может справиться с преступностью, у людей возникает ощущение бессилия, расширяется пропасть между частным и общественным, и частные проблемы перестают переводиться на язык общественных.

Иногда говорят, что демократия изжила себя. И это в стране, которой еще предстоит демократизироваться – в «массовом, низовом» творчестве, в «изобретении» новых политических институтов, одновременно привычных и непривычных, но сопряженных с традициями, нравами миллионов россиян; в стране, которая еще не нашла свою модель интегрального развития, в том числе полити-

ческого. В российской модели демократии должно найти отражение всё присущее нашему Отечеству разнообразие, все характерные для него различия в местных условиях, исторических судьбах народов, их культуре и вероисповедании, в труде, собственности и т.д.

«Страна стран», какой является Россия, самим ходом истории поставлена перед необходимостью практически одновременно решать исторически и социально разнородные задачи, относящиеся к разным эпохам: сохранить целостность страны, согласуя с новыми требованиями быт, нравы, уклад жизни миллионов людей, принадлежащих к разным культурам, конфессиям; привить им – именно привить, а не навязать – современный способ правления, либеральный и одновременно демократический; объединить народы России не только административно, бюрократически, но через экономические связи, через товарное производство и рынок, выгодные не криминальным кланам, а непосредственным производителям; создать нацию-государство, что требует радикального расширения кругозора как масс, так и политических элит; наконец, выработать принципиальный подход центральной власти к проблемам регионов, включая русские, – лишь тогда федерализм как демократический институт наполнится реальным содержанием.

В России невозможно сформировать демократию как унифицированный мир. Ее демократический режим должен опираться на общество, где, по выражению Фейерабенда, все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти. Иного ей, по видимому, не дано. К тому же учет разнообразия – это сегодня еще и ресурс демократических преобразований. Он уменьшает напряженность и социальные затраты, создает богатую самостоятельную жизнь в интегрированном целом. Россия всегда была разной. Она и в будущем останется разной – различными мирами в общем российском мире. А это невозможно без всестороннего развития демократии, без создания и, главное, опробования новых институтов и новых стратегий.

Есть еще одна важная сторона демократизации России, о которой часто забывают. Дело в том, что Россия вступила на путь модернизации своей политической системы в существенно иных, чем в других странах, условиях всемирно-исторического развития. С одной стороны, перед ней исторический опыт народов и стран, ушедших вперед, который она обязана усвоить и переработать при строительстве нового демократического строя. С другой – совершенно новая обстановка в мире, которой не существовало в эпоху

зарождения европейской и североамериканской демократий (глобальный мир, развитие средств коммуникации, значение науки в производстве и тому подобное). Эти «ножницы» в уровнях и характере политического развития вряд ли удастся устранить последовательным прохождением стадий, которые были пройдены в свое время передовыми странами, – история определенно не предоставляет России такой возможности. Выход из ситуации один – новые формы и порядок демократического развития, «выпрямление» (хотя это термин весьма неточен) нашего исторического пути. Актуальность данной проблемы требует от нас более глубокого, чем ранее, проникновения в процесс вызревания нового в политической практике, в его условия и альтернативные возможности.

Часто говорят о незрелости демократии в России, полагая при этом, что она постепенно будет совершенствоваться, накапливать опыт, интегрируясь шаг за шагом в общее русло всемирно-исторического движения. Разумеется, элементы незрелости нашей демократии налицо, их трудно не заметить. Но нельзя забывать и другое: перед российской демократией стоят иные, чем в свое время на Западе, проблемы, отчасти порожденные историей страны, отчасти – и это очень важно – новыми условиями современного мира. Другими словами, российское общество нуждается не «просто» в демократии, а в современной демократии, отвечающей вызовам и проблемам общества XXI в. Абсолютизация какой-либо одной полосы демократического развития (либеральной демократии, например) способна сегодня привести к опасной слепоте относительно возможностей, открывающихся на иной почве, чем та, на которой возникала классическая демократия – в борьбе с монополистическим и олигархическим капиталом; возможностей, способных привести к обновлению и оздоровлению политической жизни в стране. Вспомним хотя бы Новый курс Ф.Д. Рузвельта.

Последний момент особенно важен для освобождения демократии от вульгарно-буржуазного толкования этого понятия. Дело в том, что современная демократия – нечто иное, неизмеримо более богатое, чем власть политических партий, избираемых на условиях «свободной конкуренции» (Й. Шумпетер). Она должна включать в себя совокупность условий и средств, необходимых для политической деятельности рядовых граждан, их организаций, для сотрудничества власти с ними. «Продвинутая» часть общества начинает отдавать себе отчет в том, что выбор депутатов без воз-

возможности влиять на них – практика «обычной» парламентской демократии – в России явно пробуксовывает...

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания ее сторонниками командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран политических институтов. Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем. Импульсы «сверху» должны подкрепляться импульсами «снизу». А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом, – тех самых масс, которые «ныне так же, как и издревле» ощущают себя забытыми, задавленными, отодвинутыми на обочину жизни произволом властью предрешающей, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Это предполагает также решимость властных структур, шире – российского общества укоренить в стране важнейшее завоевание современной западной демократии – прогрессивную шкалу налогообложения. В странах Западной Европы и США прогрессивный налог был завоеван в упорной борьбе усилиями демократических и социалистических движений, профсоюзов, части господствующего класса. Там поняли, что вопиющее экономическое неравенство не только ведет к неравенству в возможностях, в доступе к власти и способности влиять на нее, но и способно вызвать паралич демократических институтов, эрозию всего государственного управления обществом. «Там», но не у нас. Российское «социальное государство» (так записано в Конституции) постепенно перекладывает тяжесть расходов по развитию образования и здравоохранения на плечи населения. Пропасть между богатыми и бедными углубляется. Медицина для богатых уже стала фактом нашей общественной жизни. Недалек день, когда появится образование для богатых и образование для бедных.

Русский народ до сих пор равнодушен к либеральным и демократическим ценностям просто-напросто потому, что демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем. В самом деле, как объяснить рядовому человеку, почему страна до сих пор «сидит на нефтяной игле»? В силу каких причин не обновляется или обновляется очень медленно технологическая база нашей промышленности? Почему Россия стоит на третьем месте в мире по числу миллиардеров и одновременно плетется где-то в хвосте (если брать цивилизованные страны) по уровню жизни населения? Способна ли страна когда-нибудь покончить с жилищным вопросом, от которо-

го целиком зависит мобильность населения? Почему слово «русский» ассоциируется в Европе с безудержным потребительством, разгулом, мотовством? Дело здесь, разумеется, не в широкой «русской душе», а в присвоении определенным, узким слоем людей несправедливо приобретенного богатства. Этот слой людей не спешит вкладывать свои средства в производство. Как было нажито, так и проживается... Власть по сей день не решается предать суду высокопоставленных коррупционеров и расхитителей, наказывая «стрелочников», а иногда и вообще невиновных людей. Трудно себе представить, что должно произойти, чтобы в «верхах» решились всерьез разобраться в том, какие бонусы выплачивают себе банкиры, спасшиеся от краха благодаря вливаниям государственных средств, на какие деньги чиновники с их скромной заработной платой строят себе особняки и дачи в России и за рубежом стоимостью в миллионы долларов и т.д., и т.п.

Читатель резонно может спросить, почему, рассуждая о демократическом выборе России, мы слишком часто говорим о проблемах государственной власти, а не обсуждаем, скажем, вопросы о положении оппозиции, практике федеральных и региональных выборов, представительстве разных партий в СМИ и т. п. Да потому, что в России не сформировалось настоящее гражданское общество, с мнением которого власть всерьез была бы вынуждена считаться, потому что политические партии, за исключением правящей, слабы, потому что население России до сих пор верит в патерналистскую природу государства. Потому, что российский бизнес не собирается пока вкладываться в «умную экономику» (Д. Медведев), предпочитая протоптанные пути.

И, наконец, главное. Необходимость действовать по-новому, не дожидаясь, пока созреют заинтересованные в переменах общественные силы, придает сегодня государственной власти колоссальный исторический ресурс – зачинателя и главного орудия модернизационных преобразований. В этих условиях становится неотложной задачей воспитания власти обществом и партиями, общественным мнением, наконец. Конечно, эта задача сродни задаче Мюнхгаузена: тот вытаскивал себя из болота за волосы. И тем не менее история знает такие примеры. Задачу такого рода придется шаг за шагом решать и России, ее государству и гражданам. Своеволие бюрократического монстра должно быть обуздано, в противном случае об экономическом прогрессе страны, о демократическом развитии нечего и говорить. Окажутся ли способными российская власть и российское общество подняться на уровень

этой исторической задачи – вопрос не простой, ответ на него даст только жизнь.

И последнее. Демократия, тем более в такой стране, как Россия, не может сложиться за один раз: слишком сильны традиции имперского государства. Потребуется еще немало времени и усилий, прежде чем мы выработаем политику, которая сможет называться демократической. Она не станет панацеей от всех российских бед и болезней, но какие-то важные исторические узлы, несомненно, развяжет. В этой связи одной из наиболее актуальных проблем политического развития России является вопрос о лидере, о взаимоотношении между ним и доверяющей ему массой людей. Эту проблему, как представляется, наиболее точно сформулировал историк М. Гефтер. Вот его слова: «Мы требуем от лидера риска доверия, но и сами рискуем заблуждаться. Мы рассчитываем на подконтрольность “человека у кнопки”, но как придет она к нему и к нам? Только как открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Лидер – не просто политик: он обязан уметь и не быть политиком, взнудывать злобу дня, открывая ход иным голосам и мотивам. Мир вне политических связей между людьми, выступая оппонентом политики, может выработать новую мыслительную культуру, новую естественность человеческих контактов, выработать альтернативы привычному существованию. И лидер призван импонировать всему этому разнообразию, придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус». Трудно соответствовать этим требованиям, трудно, но необходимо, если иметь в виду демократическую перспективу России и, главное, бороться за нее.

Сумел ли ответить автор на вопросы, вынесенные в заголовок, судить не ему, а читателю, если, конечно, тот даст себе труд ознакомиться со статьей.

*«Политико-религиозный ежегодник»,
М., 2010 г., с. 119–144.*

Г. Станкевич,
ПОЛИТОЛОГ
**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ
И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ**
(на примере религиозной ситуации в Дагестане)

Отмеченные выше общемировые тенденции политизации ислама в значительной мере проявились и в современном российском обществе. Для того чтобы подробнее в них разобраться, необходимо рассмотреть вопрос о мусульманском населении в Российской Федерации.

Точных данных о числе мусульман, проживающих на территории РФ, не существует. С таким выводом согласны все исследователи – социологи, демографы, историки, – занимающиеся проблемами распространения ислама в России. Разброс в оценках весьма значительный. По данным Госкомстата РСФСР, во время переписи 1989 г. на территории республики проживало 12 млн. мусульман (данные последней всероссийской переписи 2010 г. еще не обнаружены). А численность мусульманского населения, согласно переписи 2002 г., составила 14,5 млн. человек (без учета легальной и нелегальной миграции).

По мнению известного востоковеда Ю.М. Кабищанова, общее количество людей, исповедующих ислам на территории современной России, составляет не менее 20 млн. человек. На эту цифру в оценочном порядке ссылается и В.В. Путин. Согласно расчетам авторитетного ученого исламоведа А.В. Малашенко, численность российских мусульман в 1997 г. составляла более 15 млн. человек, на сегодняшний момент она увеличилась до 18 млн. Соотношение православных и мусульман в России постоянно менялось в пользу последних: если в 1926 г. оно составляло 16:1, то в 1999 г. – уже 10:1.

Факт восстановления исламом утраченных за годы советской власти позиций несомненен. В литературе этот процесс называют не иначе как «исламским ренессансом». Косвенно о числе верующих мусульман дает представление рост числа мечетей.

К октябрю 1917 г. на территории Российской империи действовало 30 тыс. мечетей. С середины 1920-х годов начался процесс подавления исламской религиозной жизни и культуры. Было закрыто и разрушено около 12 тыс. мечетей, прекратили существование 87% мухтасибатов, до 90% мулл были лишены возможности вести богослужение. За годы сталинского террора была унич-

тожена почти вся исламская духовная элита – от 30 до 50 тыс. человек. В 1948 г. в РСФСР оставалось только 416 официально зарегистрированных мечетей, а в 1968 г. – 311. Правда, тысячи мечетей и мулл действовали без регистрации, вне рамок законодательства, и власть вынуждена была закрывать на это глаза. Так, в 1980 г., по свидетельству Г. Михайлова, начальника Отдела по связям с религиозными организациями Совета Министров РФ, на территории РСФСР имели официальное разрешение на отправление культа 335 имамов и мулл, тогда как 1245 – совершали обряды без регистрации. (Точно так же существует разрыв между числом зарегистрированных и не прошедших регистрацию мечетей. По данным муфтия С.-М. Абубакарова, на 1997 г. в России их было 3,5 тыс., тогда как кавказовед В. Бобровников на конец 1994 г. располагал сведениями о более чем 5 тыс. мечетей.)

На 1 января 1991 г. в России было учтено 870 мечетей, в 1995 г. – 5 тыс., а в 2000 г. – более 7 тыс. По данным Минюста РФ, к 1 января 2000 г. из 17 427 зарегистрированных религиозных объединений на долю мусульманских приходилось 3098 (18%) (против 14% в 1990 г.). Насчитывалось: 51 религиозный мусульманский центр, 2933 прихода и общины, 114 образовательных учреждений. Свыше 800 человек обучалось в высших и средних мусульманских учебных заведениях в арабских странах (Египте, Саудовской Аравии, Сирии, Катаре, Турции и др.). Не считая Северного Кавказа, больше всего мечетей действует в Татарстане – свыше 700 (на начало 1997 г.) и в Башкортостане – около 490. Далее следуют: Оренбургская область – 75 мечетей и религиозных объединений, Ульяновская – 50, Самарская – 41, Свердловская – 38, Челябинская – 36, Нижегородская, Пензенская и Тюменская – по 35, Пермская – 33 мечети.

Ислам в России распространен на Северном Кавказе, в Татарстане, Башкортостане, Удмуртии, Чувашии и Республике Марий Эл, Сибири, Ульяновской, Самарской, Астраханской, Пермской, Нижегородской, Екатеринбургской областях, в Москве и Санкт-Петербурге.

Вообще говорят о двух ареалах мусульман – татаро-башкирском и северокавказском. Татары, крупнейший мусульманский этнос (5,5 млн. человек), компактно проживают в Татарстане и Башкирии, а также в некоторых областях Поволжья, Южного Урала и Сибири. Самый многочисленный мусульманский народ Северного Кавказа – чеченцы. Их 1,3 млн., из которых, по неофициальным источникам, свыше 800 тыс. обитают в самой Чечне.

Общее количество мусульман в Северо-Кавказском регионе – около 6 млн. человек.

Российское мусульманство полиэтнично (ислам исповедуют 38 коренных народов России) и мультикультурно. Каждый из двух упомянутых выше больших ареалов, по мнению А. Малашенко, имеет свои конфессиональные традиции, историю, по-разному складывались их отношения с Центром: пик кризисных отношений с центральной властью пришелся у татар на XVI–XVIII вв., тогда как в исторической памяти кавказских народов хранятся войны XIX, XX и даже XXI в.

Северный Кавказ сохраняет приверженность традиции как никакой другой регион европейской части России. Более исламизированной является его восточная часть – Дагестан, Ингушетия, Чечня, менее – западный регион. В России нет единой мусульманской общины, а есть два сравнительно слабо взаимосвязанных общества.

Вообще говоря, возрождение ислама в России, которому в последнее десятилетие были посвящены многочисленные публикации, не является процессом, специфичным именно для ислама. Религиозный бум конца 80-х – начала 90-х годов XX в. пережили все представленные в России конфессии. Кризис советского общества, завершившийся распадом Советского Союза, и последующая дестабилизация всех сфер общественной жизни породили в качестве одного из последствий проблему личностной самоидентификации для большинства граждан нашей страны. Поиск новых мировоззренческих ориентиров предполагал в виде одной из альтернатив и религиозный ответ на поставленные вопросы. Крушение устоев старого, советского общества и формирование нового, не имеющего определенных идеологических ориентиров, позволили религии стать одним из факторов, оказывающих влияние на политические процессы, протекающие в современной России.

Одним фактором, способствовавшим выходу ислама на политическую арену современной России, стала глубокая укорененность исламской традиции в обычаях мусульманских народов. Один из крупнейших исследователей отечественного ислама Т.С. Саидбаев отмечает: «В силу объективных причин религиозность в ареале ислама заметно выше, чем в других районах страны. Кроме того, в общественной психологии здесь утвердилось представление об исламе как о «вечном атрибуте» национальной жизни, хранителе национальных ценностей... Несоблюдение религи-

озных обрядов... воспринимается как отступничество от заветов отцов, неуважение нации, ее культуры».

Как представляется, одной из причин глубокого проникновения ислама в общественное сознание мусульманских народов является специфика реализации исламом его регулятивной функции. В отличие от прочих религий, ислам опирается не только лишь на моральные установления. Важнейшей в социальном плане составляющей ислама как системы является шариат. При этом в силу наибольшей развитости «гражданско-правовой» части шариата (семейного права, наследственного права), многовековая практика его применения в мусульманских общинах вела к первоочередному закреплению идеи ислама в бытовой, в семейной традиции, которая и определяет первичную социализацию личности. Справедливость коренных бытовых норм, определяющих устои семьи и рода, подтверждается для мусульманина самой социальной жизнью.

Ситуация трансформирующейся России 90-х годов XX в. не может не сказываться на самоидентификации мусульман по религиозному признаку (чему на определенном этапе особенно способствовали кризис гражданской самоидентификации после распада Советского Союза; острый экономический кризис, связываемый в общественном сознании с насаждением прозападных, либеральных моделей развития общества; общее возрастание роли ислама в международной политике, подтверждаемое экономическим благополучием ряда мусульманских стран, а также «успехами» радикальных мусульманских организаций в борьбе с Западом).

Помимо этого, в начале 90-х годов XX в. государство само стимулировало всплеск конфессиональной активности. Так, после принятия ряда новых законов, касающихся свободы совести, в России начался бурный рост активности многих конфессиональных объединений. Первым законодательным актом в этой области стал Закон СССР 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях». 25 октября 1990 г. в РСФСР был принят Закон «О свободе вероисповеданий». Российская Конституция 1993 г. в ст. 28 провозгласила принцип свободы вероисповедания.

Так, например, изменения в государственном и политическом строе страны существенным образом затронули сферу государственно-конфессиональных отношений, правовые основы деятельности религиозных организаций в Дагестане. Принятие 5 мая 1991 г. Верховным Советом Республики Дагестан Закона «О сво-

боде совести и религиозных организаций» сыграло решающую роль в освобождении религии от «государственного диктата».

Были сняты ограничения на культовую деятельность религиозных организаций, упрощена процедура регистрации религиозных организаций, признания за религиозными организациями прав юридического лица, миссионерской и благотворительной деятельности. Закон позволил за короткое время воссоздать некогда обширную религиозную инфраструктуру, вовлечь религиозные организации в общественно-политическую жизнь республики... В Дагестане на 1 июля 1995 г. функционировало 1270 мечетей (против 27 мечетей в 1986 г.), из них более 850 – зарегистрированных. Дальнейшему созданию правовых, идеологических и общественных условий для нормальной деятельности религиозных, в том числе и мусульманских организаций в республике, способствовал принятый в декабре 1997 г. Народным собранием РД Закон «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях», который закрепил демократические права и свободы дагестанских граждан в этой области. Здесь следует отметить заметную роль религиозных организаций в жизни дагестанского общества. Представители различных конфессий стали свободно высказываться по злободневным вопросам социально-экономической жизни республики как с трибуны местного парламента, так и в средствах массовой информации. Многие из этих религиозных организаций начиная с конца 80-х годов внесли реальный весомый вклад в процесс укрепления в Республике Дагестан гражданского мира, участвовали в благотворительных акциях, в различных конференциях, выступали с инициативами, которые находили положительный резонанс в обществе. «Религиозная ситуация в РД, т.е. наличие, характер, интенсивность религиозных проявлений, динамика и направленность их изменений определяются факторами полиэтничности, полирелигиозности, поликонфессиональности и поликультурности дагестанского общества».

В этноконфессиональном отношении Дагестан всегда считался одной из сложных республик, так как здесь живут представители многих народов и действуют почти все религиозные конфессии: мусульманская, христианская и иудейская. Именно влияние конфессионализма на общественное сознание и, соответственно, политическую культуру обусловило возникновение в Дагестане партий и движений разных религиозно-политических ориентаций. Начиная с конца 80-х годов XX в. происходит этническая и религиозная, в основном исламская, идентификация дагестанцев.

Процесс осознания мусульманами своей религиозной идентичности потребовал ее закрепления, в том числе и в политической жизни общества. При этом политизация ислама происходила на разных уровнях и в разных формах. С одной стороны, предпринимались попытки встраивания ислама в политическую макросистему через создание мусульманских общественно-политических организаций, своего рода попытки формирования нового «официального ислама», с другой – спонтанная политизация, в том числе и радикализация, ислама в малых социальных группах.

Так, для современной религиозной ситуации в Республике Дагестан характерны следующие общие тенденции: постоянная жесткая конкуренция религиозных организаций и объединений в борьбе за влияние на население и пополнение своей паствы; религиозные организации и объединения свободно, без контроля со стороны государственных органов, выполняют свои функции в своей среде и в обществе, свободно пропагандируют свое верование; поднялся уровень общественного престижа и реальной роли религии, религиозных организаций в общественных процессах республики; фактически исчерпан резерв для быстрого дальнейшего роста уровня религиозности дагестанцев, какой происходил в начале и середине 90-х годов XX в., темпы роста религиозных общин большинства конфессий, за исключением протестантских (пятидесятники, Свидетели Иеговы), стабилизировались. «Спецификой религиозной ситуации в РД является резкий рост политизации ислама, использование его авторитета и моральной силы в политических целях, в том числе и религиозно-политическими экстремистами». Еще в 1914 г. известный специалист по исламу, академик В.В. Бартольд, подчеркивал, что религиозные лозунги используются «большой частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей».

В начале 90-х годов в Дагестане впервые на территории постсоветской России возникают так называемые религиозно-политические организации. Надо сказать, что в прошлом уже имели место факты использования религии в политических целях, можно вспомнить пример взаимодействия в 20-х годах прошлого столетия Социалистической группы Дагестана и популярного в народе шейха Али-Гаджи Акушинского. Основанная братьями Ильясом и Багауддином Кебедовыми в октябре 1990 г. Исламская партия возрождения Дагестана выступала за возвращение к истинному исламу, подразумевая под этим искоренение проявлений на-

родной религиозности – поклонения святым шейхам, беспрекословного подчинения мюридов воле суфийского наставника, практически чрезмерных затрат на некоторые обряды – обрезание, свадьбу и др., механического запоминания текстов Корана без понимания их смысла. В перспективе ИПВ видит Дагестан в качестве мусульманского государства.

В том же году группой дагестанских интеллектуалов во главе с Абдурашидом Саидовым была создана Исламская партия Дагестана (ИПД), идеология которой сочетала исламское возрождение в республике с идеалом построения в Дагестане демократического общества. Партия отстаивала идею тесного сотрудничества верующих и светской интеллигенции.

В религиозном плане ИПД блокировалась с традиционалистски настроенным духовенством в критике ваххабизма и выражала симпатии народным традициям в исламе. На протяжении 1991–1994 гг. она неоднократно выступала с критикой правящей республиканской номенклатуры. В 1993 г. наметились трения между Саидовым и традиционалистами, лояльно настроенными в отношении правящего режима. На Чрезвычайном съезде партии в январе 1994 г. лидером партии избран Суракат Асиятилов (ныне – председатель комитета Народного собрания РД). Партия взяла курс на объединение всех мусульман республики независимо от национальности на гуманных принципах. А спустя семь лет учреждается Исламская партия России, которую возглавил предприниматель из Дагестана Магомед Раджабов. Он вовлек в ее ряды немалое количество своих земляков.

Создание ИПР вызвало беспокойство у властей своей политической направленностью, светским характером лозунгов, привлечением мусульман России и Дагестана в сферу интересов и действий общественно-политических формирований. Накануне выборов в Государственную думу в 2003 г. в стране, по существу, не было ни одной партии или движения, которые не имели бы своей программы и позиции в области государственно-конфессиональных отношений, поэтому в условиях столь жесткой конкуренции проигрыш ИПР на выборах был предопределен. В самой республике активность сторонников ИПР по политизации мусульманской уммы не пришлась по душе официальному дагестанскому духовенству, несмотря на призывы ИПР о необходимости сочетания религиозных и светских законов в достижении мира и согласия в обществе.

Приведенные примеры деятельности религиозно-политических организаций республики говорят о том, как непросто проходит процесс приспособления традиционных понятий и институтов к современному социальному, политическому и экономическому развитию Дагестана. При описании наиболее значимого общественно-политического феномена, каковым на Северном Кавказе по праву можно считать ислам («исламский фактор»), серьезное внимание привлекает сам процесс его самореализации, т.е. то, какие силы и действия являются практическим воплощением этого фактора в динамике складывающегося здесь политического процесса. Начать данное рассмотрение представляется обоснованным с определения природы северокавказской групповой аффилиации, позволяющей формировать местные групповые агрегации, в свою очередь, выступающие первичными субъектами политических отношений.

По мнению авторитетного исламоведа А. Малашенко, ислам на Северном Кавказе является одним из главных факторов, формирующих местную идентичность, воздействующих на мировоззрение индивида, этнического социума. Признавая культурное многообразие северокавказских этносов, следует все же принимать во внимание их «общую этничность, ту сложную смесь менталитета и культуры, которая не только характеризует какой-либо народ, но и объединяет его, и отличает от всех других сообществ». Признание этой общей этничности позволяет говорить о северокавказской идентичности и об общем влиянии на нее ислама.

С самого начала исламская идентичность взаимодействовала и «соперничала» с идентичностью этнической, и это соперничество не выявило победителя. В советские годы власть воспринимала обе идентичности как единое целое, что иногда сводилось к отождествлению этнических, языческих или просто светских традиций с исламскими. Правда, начиная с 70-х годов на Северном Кавказе предпринимались неоднократные, но, как оказалось, тщетные попытки «развести народные обычаи с религиозными обрядами» и даже противопоставить их друг другу. И уж совсем несостоятельными оказались попытки заменить эти обряды на искусственно создававшиеся советские.

Хотя советская власть и вела определенное наступление на официальный ислам в виде зарегистрированных мечетей и имамов, разрушения религиозной сферы жизни, произведенные в исламе, некорректно сравнивать с тем, что происходило в отношении православия. Как указывает Равиль Гайнутдин, ислам не тре-

бует мечети, а имамом может быть любой подготовленный мусульманин. Для совершения православных таинств обязательно нужен священник, в определенных случаях – епископ, а главное христианское таинство – Евхаристия – может осуществляться только в церкви. Поэтому если для мусульман закрытие мечети и арест имама означали организацию подпольной мечети, для православных ликвидация церкви и арест священника были религиозной катастрофой (а особенно арест епископа, потому что только епископ может рукоположить новых священников).

Власти не предпринимали действия по закрытию неофициальных мечетей, а на низовом уровне – поддерживали их, выделяя помещения или выплачивая зарплату служителям ислама. С одной стороны, это, безусловно, объяснялось тем, что, как пишет Р. Гайнутдин, «КПСС и Советское государство верно оценивали уровень религиозности среди мусульман, отношение населения к исламу и не решались идти на шаги, могущие вызвать открытое недовольство своими действиями». С другой стороны, приведенное объяснение выглядит не полным. Советское государство, например, пошло на проведение коллективизации, невзирая на недовольство крестьян и периодические восстания. Очевидно, что не только страх перед «исламским ответом» удерживал власти от уничтожения неофициальных исламских структур.

Влияние ислама на формирование идентичности северокавказского общества существенно возросло в 90-е годы. В наибольшей степени это было характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. По разным экспертным оценкам, число тех, кто считал себя верующим в ранний постсоветский период в Дагестане, колебалось в пределах от 81 до 95%. Подобный показатель религиозности среди чеченцев в 1995 г. составлял 97%, среди ингушей – 95, среди карачаевцев – 88%. При этом этническая идентичность также не теряла своего значения, что нашло отражение в ее тесной взаимосвязи с религиозной: «Чеченец – это в первую очередь чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции. Приведенное соображение справедливо и для других северокавказских этносов».

Ныне «... активное возрождение на Северном Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении северокавказских структур к прошлому. ...Все возрождающиеся обычаи, традиции, праздники имеют, как правило, религиозный характер, определяемый синтезом православия или мусульманства

с местными верованиями». Однако на этом фоне ислам все-таки выделяется хотя бы в силу своей большей социальной и политической ангажированности.

Основная часть исследователей отмечают, что практически с первых шагов религиозного возрождения, начавшегося незадолго до распада Советского Союза и крушения коммунистической идеологии, ислам стал не просто частью северокавказского ландшафта, но в большей степени приобрел инструменталистские черты, став ключевым фактором динамики политических отношений в регионе. Местные этнические элиты, особенно в субъектах с преобладающей или высокой долей мусульман стали активно использовать «исламский фактор» для обеспечения политического доминирования своих этноклановых образований. Для чего к участию в региональных, городских и районных выборах неоднократно привлекались и продолжают привлекаться мусульманские авторитеты, которые в свою очередь, организуя пропагандистскую поддержку кандидатов на местах, получают возможность создавать достаточно плотный пояс влияния вокруг руководства своих республик.

Из этого следует, что обращение к исламу тех или иных группировок фактически есть обращение к «своему» исламу, который и выдается за «истинный». Именно поэтому абсолютное большинство социальных, политических, экономических и этнических противоречий, кульминацией которых стала война в Чечне, в большей или меньшей степени носят религиозный оттенок. Он, в свою очередь, определяется не столько межрелигиозным противостоянием между православием и исламом, но прежде всего внутриисламской дисфункцией, обусловленной сложной структурой, неоднородностью и противоречивостью традиционного для Северного Кавказа ислама.

Подавляющее большинство северокавказских этносов исповедует наиболее распространенную форму ислама суннитского направления. Распространение второго по значимости в мусульманском мире направления, шиизма, ограничилось южными районами Дагестана, где и по сей день проживают порядка 80 тыс. исповедующих шиизм азербайджанцев. Исторически на Северном Кавказе утвердились два мазхаба (суннитские богословско-юридические школы) – ханифизм и шафиизм, которые по сравнению с двумя другими: ханбализмом и маликизмом, считаются более мягкими, либеральными. Шафиизм более распространен среди чеченцев, ингушей и некоторых народов Дагестана. Ханифизму

следуют этносы западной и центральной части Северного Кавказа, а также кумыки и ногайцы.

С одной стороны, принадлежность к тому или иному мазхабу не является фактором, существенно влияющим на восприятие различными этносами ислама, с другой – существует мнение, что различия между кавказскими ханафитами и шафиитами играют достаточно заметную роль. Так, фундаменталистские («ваххабитские») идеи легче проникают в шафиитскую, чем в ханифитскую среду, что среди прочего объясняется близостью шафиизма к составляющему идейную основу ваххабизма ханбалитскому толку, а также тем, что на востоке ислам глубже укоренился в сознании людей, существенно определяя их поведенческие стереотипы, в то время как в западной части Северного Кавказа (адыги, карачаевцы, балкарцы, ногайцы) большее значение имеют этнические морально-нравственные кодексы.

Следует согласиться с точкой зрения тех светских ученых-религиоведов, считающих, что религиозно-политические движения и партии не ограничатся тем, что впишут в свои программы идеологические формулы типа: «мусульманская культура», «исламская самобытность», «традиции» и т.д. В пропагандистской деятельности эти идеологические сентенции спокойно перерастают в фанатическую веру в спасение и возрождения Дагестана только с помощью шариата и Сунны. С этой точки зрения религия и политика вещи не совместимые. Но есть и такая точка зрения, которую излагает проректор Северокавказского исламского Университета им. М. Ариффа (г. Махачкала) С.Н. Султанмагомедов. Возлагая на религиозно-духовное просвещение чрезмерные надежды и ожидания, он пишет, что «возрождение нравственности и сохранение мира и согласия в обществе возможны только через духовное просвещение нашего народа, которое избавит наше общество от пороков человечества, от всевозможных стрессов и потрясений со стороны экстремистов, сократит число коек в больницах и детских приютах, послужит гарантом оздоровления нации и народа в целом».

В контексте проблем политизации ислама мы разделяем взгляды З. Арухова, который считал, что в среде религиозного населения появились и последователи так называемого «чистого ислама», которые в своей пропагандистской деятельности подчеркивали значимость социальных и политических элементов, пытались предложить представителям среднего класса, ориентирующимся

на демократию, права человека и гражданское общество, собственное видение перспектив развития дагестанского общества.

Разделяя точку зрения З. Арухова, необходимо сказать о том, что «некоторые организации политического ислама выдвигали идеологических лидеров, испытывающих серьезный недостаток официального религиозного образования, но тем не менее выступавших с далеко идущими комментариями, основанными на сомнительной интерпретации исламских норм и принципов. При этом не учитывалось то обстоятельство, что нельзя построить истинно гражданское общество без учета типа, характера, культуры народов Дагестана. Таким образом, политизация ислама стала оборотной стороной религиозной либерализации, сопровождаемой противоречиями между тарикатистами (суфиями) и так называемыми «ваххабистами» (салафитами).

Официальное духовенство Дагестана выступило с критикой миссионерской деятельности последователей ваххабитского течения в исламе (ал-ваххабина – ваххабиты, сторонники религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в середине XVII в. на основе учения Мухаммеда ибн Абд Аль-Ваххаба). В свою очередь ваххабиты считали последователей традиционного суннитского ислама отступниками от «истинного» ислама Пророка и четырех правоверных халифов. Но на этом ваххабитская пропаганда не останавливалась, поэтому и в Чеченской Республике, и в Республике Дагестан сторонниками ваххабизма были выдвинуты претензии к верховной власти в терминах борьбы за установление шариатской формы правления и непризнания светских законов, придуманных, по их мнению, волей человека.

В силу возникшей опасности, угрожавшей национальной безопасности России, ее единству и территориальной целостности, вопрос проникновения зарубежного ислама в его крайне опасной экстремистской форме в российские мусульманские регионы стал приобретать особую значимость и актуальность. Ряд исследователей считают, что корень зла находится «внутри» самих исламских регионов России. К примеру, С. Маркедонов пытается доказать, что критика республиканских властей со стороны дагестанских ваххабитов связана с нерешенностью многих вопросов, в частности, социально-экономического характера, а «массовые злоупотребления служебным положением республиканских чиновников, коррупция, социальная дифференциация и, как следствие, высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения стали причинами пополнения рядов салафи-

тов». И делается вывод, который позволяет считать ваххабитов чуть ли не волонтерами гражданского общества в отдельно взятой республике: «Салафиты предлагают такую модель ислама, в которой нет места кланам, тейпам, вирдам, этничности. Это – универсальный проект, который может быть востребован в полиэтничном и фрагментированном Дагестане».

Многие ученые-религиоведы и даже государственные чиновники считают, что надо знать и использовать сильные стороны религиозного экстремизма. Они названы в аналитической справке Комитета Правительства РД по делам религий, это: рационализм и доступность ваххабитской доктрины; ее способность транслировать протест против традиционных форм социальной организации; ваххабитская идеология провозглашает идеи духовного эгалитаризма, проповедует равенство верующих перед Аллахом, что, в свою очередь сочетается в их учении с призывами к социальному равенству и справедливости. Однако эти сильные стороны ваххабизма и многообразие их проявлений, которые так симпатичны многим аналитикам, дискредитируются в глазах общественности, рядовых верующих методами вооруженного насильственного установления «исламских порядков». Есть расхождения и о причинах религиозного экстремизма, которые сводятся в основном к двум взаимоисключающим подходам – внешнего и внутреннего характера. По мнению социолога З. Абдулагатова, позиция духовенства и властных структур в большей степени склоняется к определяющей роли внешнего влияния: мусульманское образование за рубежом, миссионерская деятельность, деятельность зарубежных неправительственных организаций, экономические интересы транснациональных компаний, геополитические интересы отдельных государств и др. Есть точка зрения, что наши беды, связанные с экстремизмом, обусловлены главным образом внутренними причинами... До сих пор государство в лице лидеров различного уровня не признавало публично важность в борьбе с религиозным экстремизмом решений социально-экономических проблем.

Практика государственно-конфессиональных отношений оказывается многообразнее теоретических положений и деклараций. В деле обеспечения прав и свобод граждан, их безопасности государству принадлежит главенствующая роль. Так, Государственный совет РД, Народное собрание РД и Правительство РД приняли несколько постановлений, в которых осуждались действия религиозно-политических экстремистов по дестабилизации общественно-политической ситуации в Дагестане, на Северном Кавка-

зе. В них же были предусмотрены конкретные меры по борьбе с религиозно-политическим экстремизмом, меры по ликвидации последствий вооруженного вторжения международных бандформирований со стороны Чечни в Дагестан в августе-сентябре 1999 г. 16 сентября 1999 г. Народное собрание РД приняло Закон РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Закон запрещает создание и функционирование ваххабитских организаций, групп или объединений, запрещает деятельность религиозных миссий, их филиалов, учебных заведений, физических лиц, проповедующих идеи ваххабизма. Таким образом, к различным проявлениям исламского фактора следует относиться весьма внимательно, разбираясь с его причинами, предвидя его последствия.

Однако при всей активности исламского фактора он не привел к серьезному идеологическому расколу всего дагестанского общества и подверг относительной дестабилизации лишь религиозную общину Дагестана. В этом отразились наши региональные базовые ценности, характеризующиеся наличием большого набора идеологических и духовно-нравственных приоритетов.

Итак, помимо причин внутрироссийского порядка, на степень и формы проявления политизации оказали значительное влияние и внешние причины.

Сочетание внутренних и внешних факторов привело к тому, что политический радикализм в исламе из потенциальной угрозы безопасности Российской Федерации стал реальной. Причем, если попытка создания исламского государства на территории Чеченской Республики являлась во многом следствием внешней «исламизации» сепаратистского конфликта на довольно поздней стадии, то события в селах Карамахи и Чабанмахи демонстрируют возможность вызревания внутренних причин радикализации ислама. Как пишет Д.С. Маханов, жители этих сел «решили выступить против господствовавшей, по их мнению, в республиканских институтах власти коррупции и с этой целью задумали создать на территории своих сел “истинный исламский порядок”». И хотя, по мнению того же автора, жители этих сел «не были радикалами», подобное изменение принципов общественного устройства означает выход этого, пусть даже небольшого, участка территории Российской Федерации из ее правового поля, что можно характеризовать как «скрытый сепаратизм». Еще раз следует подчеркнуть, что события в этих селах Дагестана носили, прежде всего, не религиозный, а политический характер, так как явились результатом

конфликта по поводу существующей практики отправления властных полномочий.

Таким образом, анализ причин возникновения радикализма в исламе дает возможность определить его, прежде всего, как политическое явление. Политический радикализм в исламе имеет, по сути, нерелигиозную природу. Его причина вовсе не в том, что ислам не приемлет принципов организации современного общества.

«Политическая религия: Теория и методология исследования проблемы», Ставрополь, 2010 г., с. 81–96.

Н. Семёнов,

политолог (г. Саратов)

РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКИХ ЛИДЕРОВ ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

В силу актуальности роли мусульманского фактора в общественно-политических процессах Саратовского региона и России в целом рассмотрим некоторые факторы, которые прямым образом влияют на конфликтогенную обстановку в регионе.

В Саратовской области существует централизованная мусульманская религиозная организация – Духовное управление мусульман Поволжья (ДУМП), в состав которой входят десятки зарегистрированных и незарегистрированных мусульманских общин. Растет число национальных общественных организаций, представляющих в общественной жизни интересы казахов, татар, башкир, азербайджанцев, чеченцев и других народов, традиционно исповедующих ислам, лидеры которых входят в актив ДУМП. В работе все эти организации определены как национальные общественные организации народов, традиционно исповедующих ислам (НООНТИИ), хотя могут иметь разные организационно-правовые формы.

В работе используются результаты проведенных автором экспертных опросов среди видных общественных деятелей Саратовской области – работников и духовных лиц ДУМП и лидеров НООНТИИ, в их числе: руководитель пресс-службы ДУМП А. Махметов; имам Саратовской соборной мечети, директор медресе «Шейх-Саид» Р.М. Кузяхметов; председатель Совета Саратовской областной казахской национально-культурной автономии М.С. Бисенгалиев; руководитель Департамента благотворительности ДУМП А.О. Гянджалиев; председатель исполкома Саратов-

ской региональной татарской национально-культурной автономии, председатель башкирской национально-культурной автономии З.Ш. Хакимов; заместитель председателя Саратовского областного центра казахской культуры «Казахстан» У.М. Джунельбаева; председатель правления Ассоциации национально-культурных объединений Саратовской области А.П. Зуев; председатель правления Саратовской региональной чечено-ингушской общественной организации «Вайнах» С.-А.И. Элесов. Основанием для выводов, сделанных в работе, послужила экспертная оценка имама ДУМП, шейха М.А. Бибарсова. В работе приведены эмпирические данные социологических исследований, проведенных при участии автора Центром информационно-аналитического и социологического обеспечения государственной службы Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина посредством интервьюирования населения Саратовской области.

На протяжении последних лет в российском обществе происходит процесс религиозного возрождения. В общественной сфере религия как явление представлена своими последователями (верующими, прихожанами), духовными лицами, другими акторами гражданами. Активность религиозных организаций сейчас находится на высоком уровне и продолжает возрастать. Религиозные организации – постоянные участники общественных мероприятий, а их представители являются членами различных общественных институтов, в том числе Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов России и т.д. Многие вопросы и сейчас остаются открытыми: является ли религия пережитком прошлого? сохранится ли она в будущем? какими путями пойдет человечество? будут обостряться или нивелироваться межрелигиозные и иные противоречия? Возможно, ответы зависят от того, насколько глубоко осознана опасность применения насилия, террора, насколько сильна будет роль религиозного фактора, а также от того, как общество будет относиться к ценностям мировых религий, в том числе ислама.

По количеству верующих ислам занимает второе место в России. Численность представителей этносов, традиционно исповедующих ислам, в настоящее время увеличивается. Ислам – одна из трех мировых религий, которая имеет множество последователей, обладает существенным авторитетом в ряде обществ, является государственной религией в некоторых странах.

Важно отметить, что для изучения соотношения мусульманского фактора и террора в современной российской действитель-

ности необходимо проанализировать основные составляющие того и другого явления. Никакая другая конфессия в России не вызывает к себе столь противоречивого отношения, как ислам. Определить, кого можно считать мусульманином, помог авторитетный духовный мусульманский лидер М.А. Бибарсов: того, «кто признает единственность Бога, Его пророков, Мухаммеда как последнего посланника и пророка». На вопрос, по каким критериям можно определить, является ли человек мусульманином, имам ДУМП ответил, что критериями в данном случае выступают «молитва, пост, хадж, закят, отношение к родителям, запретному и дозволенному». Известный политолог, исследователь российского ислама А.В. Малашенко считает, что критерием в данном случае выступает самоидентификация человека.

Численность народов, традиционно исповедующих ислам, в России, согласно переписи населения, составила 14,5 млн. человек. Рождаемость среди мусульман в целом выше, чем среди немусульман. По мнению А.В. Малашенко, численность мусульман в мире составляет около 1 млрд. человек, а мусульманские общины зарегистрированы более чем в 120 странах, в 30 из которых ислам признан государственной религией. Мусульманская умма динамична, ее численность и роль в мировой экономике, политике, культуре постоянно растут, в том числе в регионах, еще недавно не знавших ислама.

Ислам как крупный социальный институт – явление сложное и противоречивое, включающее множество различных течений и толков. Ислам в большей степени, чем другие мировые религии, включен в систему социального регулирования. Практически все стороны жизни мусульманина объявляются религиозно значимыми. Таким образом создаются предпосылки для всесторонней политизации ислама. В заповедях ислама об устройстве человеческого общества и властных отношениях в нем утверждается, что мусульманин должен участвовать в общественной жизни. Стремительное развитие мусульманства в общественно-политической жизни России не в последнюю очередь обусловлено отсутствием государственной идеологии и наличием массовых миграционных процессов, которые усилились с начала 1990-х годов. К тому же росту влияния ислама на общество способствует большая активность мусульманских духовных лидеров.

Однако в последнее время понятия «ислам» и «терроризм» стали тождественны в глазах многих людей; появился феномен исламофобии, что влечет за собой опасность разжигания розни в

обществе. Настораживающими являются попытки «демонизации» ислама. В информационном пространстве распространяются сведения об исламофобии, охватившей США после трагических событий 11 сентября 2001 г., а также силовых акций США в Афганистане; после агрессии против Ирака, предпринятой вопреки позиции большинства стран, входящих в ООН; тупиковой ситуации в Палестине, оккупированной Израилем.

Для Российской Федерации, где граждане-мусульмане составляют значительную часть населения и соседями которой являются государства Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока с преобладающим мусульманским населением, отношения с миром ислама являются острой проблемой национальной безопасности. В связи с этим крайне важными представляются философское осмысление места и роли ислама в современном меняющемся мире, определение критериев и индикаторов, позволяющих различать ислам как религиозную систему и экстремистские и идеологические течения и группы, выступающие от имени ислама, и на этой основе разработать систему профилактики и искоренения террора.

Сегодня издано большое число научных работ, посвященных терроризму в России и за рубежом, но мало исследований с научно достоверными данными о механизмах террористических преступлений и особенно о лицах, их совершивших. Зачастую это единичные факты, обычно почерпнутые из периодических изданий и телевизионных передач. По мнению авторитетного мусульманского духовного лидера Р. Гайнутдина, терроризм имеет глубокие социально-экономические и политические корни, а односторонний подход к выводам о его происхождении неприменим и является одной из причин дестабилизации общества. Известно, что на протяжении ряда лет наблюдается рост числа преступлений террористического характера: если в 1997 г. их было 1290, то в 2005 – 1728. Возросло также количество таких уголовно наказуемых деяний, как организация незаконного вооруженного формирования. Достаточно сказать, что в том же 1997 г. зарегистрировано всего одно подобное преступление, а в 2005 – уже 356.

Терроризм особенно опасен тем, что его идеологи часто прикрываются религиозным фактором, в частности исламом, используя вырванные из контекста цитаты Корана. Но многие уважаемые мусульманские религиозные организации заявляют, что терроризм и ислам – в корне противоречащие одно другому явления, а убийство, насилие и угнетение людей как проявления тер-

рора – это величайшее бесчестие. В сборнике переводов фетв имамов под редакцией И. Шангареева «Ислам против терроризма» говорится, что квинтэссенцией ислама и повелений Аллаха являются справедливость и гуманизм. Можно утверждать, что именно эти две категории являются основополагающими в деле борьбы с террором.

С научной точки зрения важно выяснить, как религиозный фактор может быть полезен для борьбы против террора и как религия может бороться с террором вообще. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть и проанализировать определения религии и террора.

Следует отметить, что в Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» даются определения понятиям «терроризм», «террористический акт», «террористическая деятельность». Согласно Уголовному кодексу России терроризм – это «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей». В монографии «Этнорелигиозный терроризм» под редакцией Ю.М. Антоняна авторы определяют терроризм как «относительно массовое, исторически изменчивое, уголовно наказуемое явление, характеризующееся совершением умышленных преступных действий с целью вызвать страх и панику, с выдвиганием различных требований». Некоторые исследователи характеризуют террор как войну XX в.: например, египетский политолог М. Сид-Ахмед отмечает, что технологическое развитие, достигшее непредвиденных уровней в военной области, привело к тому, что война в классическом смысле слова стала невозможна, если не абсурдна, поскольку абсурдность войны не означает окончания конфликта; борьба теперь грозит принять другие формы, и террор может рассматриваться как продолжение войны.

Если хотя бы вкратце ознакомиться с основным содержанием мировых религий, можно убедиться что они учат милосердию, а основной принцип взаимоотношений в обществе – «не делай другому того, чего не желаешь себе». Однако на практике выясняется, что религиозный фактор становится предметом запугивания, а религии – образом врага. Террористические методы борьбы за свои интересы используют агрессивные группировки, именующие себя мусульманскими религиозными организациями, но проповедующие ценности, во многом противоречащие исламу. Опасность для общества состоит еще и в том, что в свою деятельность данные организации в той или иной форме могут вовлечь большие группы

людей. Важно использовать духовный потенциал религии в целях созидания, а не разрушения.

По мнению председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина, необходимость использования духовного потенциала в обществе становится все более очевидной. Этот потенциал может быть полезен для противостояния террористическим и экстремистским подходам в решении проблем. На наш взгляд, в условиях поликонфессиональности Российской Федерации этот аспект представляет собой научный интерес.

Сейчас незаконные вооруженные формирования создают терророгенную обстановку в России – в них планируются и реализуются террористические нападения. К числу террористических преступлений относят: захват заложника, организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. В отдельном ряду стоят возбуждение религиозной и иной вражды, унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации, которые, по сути, близки к террористическим. Особо следует отметить, что ненависть на религиозной почве, религиозный экстремизм обладают мощным террористическим потенциалом. Современная Россия столкнулась с сильным взрывом ксенофобии, чаще стали совершаться насильственные преступления на почве религиозной неприязни, террористические группировки стали смело заявлять о себе.

На наш взгляд, сущность терроризма сводится к активному использованию устрашения для принуждения объекта к каким-либо действиям, выгодным субъекту – террористу, причем объектом может выступать человек или группа людей, государственное учреждение, коммерческая организация, государство. Устрашение – главный инструмент террора, умело используя который террористы принуждают других действовать против интересов общества, государства или своих собственных. Но требования террористов могут быть неконкретными, а иногда вообще не высказываться.

Террористическая агрессия призвана создать общую атмосферу постоянного страха и ожидания опасности. При этом, чем больше источник угрозы неясен и размыт, тем больший страх он вызывает. Террористические действия могут совершаться только ради устрашения, для упрочения уверенности террориста в своих силах, ловкости, значимости. Чаще страх используется ради вполне определенных целей и с четкой их формулировкой. Поступками

террористов может руководить и двойная мотивация: внешняя (демонстрируемая в цели) и внутренняя (скрытая, глубинная).

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что террор главной своей целью имеет в первую очередь создание атмосферы страха для достижения каких-либо целей, в частности принятия определенных решений третьей стороной. В отличие от обычного разбоя или вымогательства, когда объектом насилия и объектом предъявления требований является один и тот же человек, при террористическом действии – похищении человека, захвате заложника – требования адресованы третьей стороне. Политические требования террористов могут заключаться в предоставлении новых прав, возможностей какой-либо группе, в том числе государственной независимости.

В прессе и даже в научной литературе встречаются такие формулировки, как «исламский терроризм», «христианский терроризм» и т.п. Представляется нецелесообразным употребление такой терминологии, так как мировые религии гуманистичны по своей сути, многие исследователи и духовные лица не считают возможным объединять понятия «религиозный» и «терроризм». Весьма интересно отношение к такой терминологии авторитетных духовных лидеров.

На просьбу прокомментировать использование термина «мусульманский терроризм» имам ДУМП М.А. Бибарсов ответил, что «данная терминология абсолютно некорректна и используется исключительно в конъюнктурных целях. На наш взгляд, для профилактики разного рода преступлений, связанных с межрелигиозной рознью, необходимо развивать межконфессиональный диалог. Начало XXI в. ознаменовалось активизацией различных форм политического экстремизма, вспышками международного терроризма. Преступные группировки стремятся использовать религиозные лозунги в политической борьбе. Обостряющиеся время от времени межконфессиональные противоречия мешают религиозным центрам объединить усилия в борьбе с террором, нарушающим мир и стабильность в обществе.

Наиболее дальновидные религиозные деятели ставят вопрос о необходимости постоянного диалога между различными конфессиями. Такой диалог может рассматриваться не только как способ обмена информацией, но и как средство формирования цивилизованных межконфессиональных взаимоотношений, которые открывают путь для успешного сотрудничества в целях борьбы с террором. Межрелигиозный диалог станет препятствием на пути

радикалов, нацеленных на использование мобилизационного потенциала религий для реализации амбиций посредством террора.

Примерами уже существующего межконфессионального диалога являются Межрелигиозный совет России, Международная ассоциация религиозной свободы. Конструктивным фактором расширения межконфессионального диалога могли бы стать секции межрелигиозного сотрудничества при Ассамблее народов России, при Федерации мира и согласия, если бы они были созданы. Нужно использовать и традиционные подходы к борьбе с террором, и новые возможности противодействия данной угрозе, и оптимизацию религиозной политики. Необходимо углубленное научное исследование причин и условий формирования и распространения терроризма с учетом существующих религиозных традиций.

В развитии межконфессионального мира, распознавании реальных и мнимых (искусственно навязываемых) опасностей одну из главных ролей играет научное сообщество. Вопросы религии в политике стоят на грани культурологии, этики и других наук. На наш взгляд, важно детально анализировать изучение различных конфессий и этносов в рамках политологии, культурологии и других наук. В борьбе с террором играют роль не только силовые органы государства, но и научное сообщество, духовные лидеры, а самое главное – само общество, особенно если оно стремится стать гражданским.

Изучая мусульманскую доктрину как фактор борьбы с терроризмом и ее влияние на общественную жизнь, нельзя обойти вниманием основных общественно-политических акторов, прямо или косвенно представляющих исламскую культуру в этноконфессиональном политическом пространстве региона России – Саратовской области.

Работ обобщающего характера, посвященных региональной специфике влияния на общественные процессы религиозной мусульманской организации ДУМП и НООНТИИ, найти не удалось, несмотря на очевидную практическую значимость этой темы для органов государственной власти и местного самоуправления, а также широких кругов заинтересованной общественности.

На протяжении ряда лет автором обобщался материал по указанной теме из публикаций саратовских СМИ, документов ДУМП и национальных общественных организаций; анализировалась роль ислама в межнациональных отношениях; прослеживался процесс становления ислама и деятельности ДУМП в Саратовской

области; изучалось формирование НООНТИИ на территории региона и сотрудничество ДУМП и НООНТИИ как акторов общественно-политической жизни региона; выявлялись формы взаимодействия ДУМП и НООНТИИ в развитии институтов гражданского общества региона.

Все организации занимают активную гражданскую позицию и умело отстаивают в органах власти свои права и права той части населения, которую они представляют в общественно-политическом секторе. Саратовская область – традиционно успешный регион в плане развития межнационального мира и учета интересов этнических групп и конфессий, но и здесь случаются конфликты между людьми разных национальностей, причем в прессе они зачастую могут быть представлены как межнациональные конфликты и всплески ксенофобии, что характеризует обстановку в регионе не лучшим образом. Мусульманский фактор, возможно, не играет столь заметную роль в российском обществе, но она, несомненно, будет возрастать из-за отсутствия государственной идеологии, а также мощного доктринального содержания Корана, постепенной клерикализации политической элиты в регионах, увеличения общей численности населения, относящегося к традиционно мусульманскому.

По результатам экспертного опроса выделяются следующие формы взаимодействия ДУМП и НООНТИИ – представителей ислама в общественно-политической сфере региона: проведение совместных общественных мероприятий, праздников (фестиваль культур мусульманских народов); работа в общественном совете при ДУМП, в общественном совете при губернаторе Саратовской области, в Общественной палате Саратовской области, в общественном совете при ГФИ, в общественном совете при Уполномоченном по правам человека Саратовской области.

По мере формирования в области национальных общественных организаций народов, традиционно исповедующих ислам, у них налаживались связи с ДУМП. Руководители организаций входили в актив мечети, а имамы принимали участие в собраниях и мероприятиях национальных обществ. Поскольку цели у этих акторов были общие, они стали стремиться к объединению. Одним из центров такой консолидации стало Духовное управление мусульман Поволжья.

Сегодня ислам предстает одним из важнейших объединяющих факторов для различных этнических общностей Саратовской области. Количество мусульман и мусульманских организаций

растет, их связи усложняются, а сами они играют все более заметную роль в общественно-политической жизни региона. Религиозный аспект в регионе в целом актуализируется. Ислам остается динамично развивающейся религией, и в ближайшей перспективе эта тенденция вероятно продолжится.

Можно констатировать рост авторитета и влияния централизованной мусульманской религиозной организации – ДУМП – в Саратовской области и за ее пределами вследствие расширения международных связей саратовских мусульман, увеличения количества НООНТИИ и укрепления их связей с мусульманскими религиозными организациями, появления новых зарегистрированных и незарегистрированных местных мусульманских религиозных объединений, роста численности и доли населения, принадлежащего к народам, традиционно исповедующим ислам, за счет иммиграции и повышения рождаемости среди соответствующих этносов. Ислам воспринимается как идеология социальной справедливости в условиях ее острого дефицита.

Саратовские мусульмане активнее заявляют через своих представителей – религиозные мусульманские и национальные общественные организации – о существовании у них специфических запросов к социуму и необходимости удовлетворения этих запросов со стороны общества и власти. Растет взаимная заинтересованность в сотрудничестве между религиозными мусульманскими и национальными общественными организациями народов, традиционно исповедующих ислам, создаются и совершенствуются формы взаимодействия между ними, делая их все более заметной и влиятельной силой в общественно-политической жизни области – это совместное участие в работе Общественной палаты области, Ассамблеи народов Саратовской области, проведение конференций, форумов, фестивалей, праздников, митингов, акций поддержки и протеста. В Саратовской области власть стремится к взаимодействию с общественностью и даже к опоре на нее. Именно в этих условиях стала заметной роль мусульман области.

По мнению руководителя Департамента благотворительности ДУМП А.О. Гянджалиева, национальные общественные организации народов, традиционно исповедующих ислам (в основном руководители национальных обществ), всегда находятся в тесном контакте с ДУМП. Проведение общественно значимых мероприятий под эгидой ДУМП происходит при поддержке НООНТИИ. А.О. Гянджалиев особо отмечает ежегодный фестиваль культур мусульманских народов как «пример значимого и хорошего меро-

приятия». Он считает необходимыми контакты и совместную деятельность ДУМП и НООНТИИ в общественной сфере, от чего не в последнюю очередь зависит развитие культуры народов Саратовской области.

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., из 135 народов, представители которых проживают в Саратовской области, 45 – относятся к традиционно мусульманским. Из них в наибольшей степени представлены (в порядке убывания): казахи – 78 320 человек, татары – 57 577, азербайджанцы – 16 417, чеченцы – 8515, башкиры – 3988 человек. По словам лидеров национальных общественных организаций кавказских народов, их соплеменников в области гораздо больше, чем показала перепись.

Цель социологического исследования, проведенного при участии автора, – выявить особенности народов, традиционно исповедующих ислам, и религиозной ситуации в Саратовской области. В ходе исследования, проводимого методом анкетирования, было опрошено 2000 человек старше 18 лет, представляющих 19 национальностей; из них русских – 200, остальных – по 100 человек. Выборка формировалась на основе данных переписи населения. Исследование включало неформализованное интервью с экспертами – руководителями религиозных и национальных общественных организаций.

На вопрос: «Как Вы относитесь к религии?» (с вариантами ответов: «убежденный верующий», «соблюдаю обряды»; «верующий, но не всегда соблюдаю обряды»; «безразличен к религии»; «отношусь к религии отрицательно») ответили соответственно:

- азербайджанцы – 6; 89; 5; 0%;
- башкиры – 5; 88; 7; 0%;
- казахи – 3; 89; 8; 1%;
- татары – 6; 89; 5; 0%;
- чеченцы – 46; 54; 0; 0%.

У всех народов в каждом поколении возрастает доля браков с представителями других национальностей. Больше всего межнациональных браков среди татар, меньше всего – среди чеченцев.

На вопрос: «Есть ли среди Ваших близких родственников представители других национальностей и религий?» (с вариантами ответов: «родители»; «супруги»; «зятя / невестки») ответили соответственно:

- азербайджанцы – 6; 13; 18%;
- башкиры – 8; 9; 20%;

- казахи – 3; 5; 6%;
- татары – 17; 24; 47%;
- чеченцы – 1; 5; 6%.

На вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями неприязни на национальной и религиозной почве по отношению к себе?» (с вариантами ответов: «никогда»; «редко»; «часто») ответили соответственно:

- азербайджанцы – 5; 52; 43%;
- башкиры – 57; 40; 3%;
- казахи – 53; 41; 6%;
- татары – 45; 48; 7%;
- чеченцы – 3; 18; 79%.

На вопрос: «Как Вы оцениваете межнациональные и межконфессиональные отношения в области?» (с вариантами ответов: «положительно»; «нейтрально», «отрицательно») ответили соответственно:

- азербайджанцы – 25; 43; 32%;
- башкиры – 76; 20; 4%;
- казахи – 56; 38; 6%;
- татары – 51; 42; 7%;
- чеченцы – 8; 43; 48%.

На вопрос: «Ваше отношение к деятельности национальных общественных организаций вашей национальности (в данном случае национальных общественных организаций народов, традиционно исповедующих ислам)» (с вариантами ответов: «участвую лично»; «знаю о деятельности общества»; «не знаю о деятельности общества») ответили соответственно:

- азербайджанцы – 1; 58; 41%;
- башкиры – 1; 68; 31%;
- казахи – 1; 55; 44%;
- татары – 1; 67; 32%;
- чеченцы – 5; 87; 8%.

В целом межэтническую и межконфессиональную обстановку в политической жизни области можно назвать хотя и стабильной, но сложной. Сосуществование в течение длительного периода друг рядом с другом большого числа представителей различных национальностей и религий имеет конструктивный характер: отсутствуют открытые межэтнические и межконфессиональные конфликты, реализуются культурные потребности национальных групп. Представители национальных организаций успешно взаи-

модействуют в культурной сфере с религиозными деятелями и представителями духовенства,

В начале XXI в. актуализируется проблема использования террора в политических целях. С падением социалистических режимов, атеистических по своей сути, увеличилась роль религии в мире. Террористические организации зачастую действуют, применяя религиозную доктрину в выгодной для себя трактовке, прикрываясь религиозными лозунгами, пользуясь чужой неосведомленностью, используя религиозные догматы: оправдывая террор против немусульман, например, экстремисты, именующие себя мусульманами, обращаются к Корану.

Исследователи отмечают, что террор – одно из самых опасных явлений в современном мире, поэтому нет необходимости доказывать важность его изучения. Россия принадлежит к числу стран, наиболее пораженных этим феноменом. На наш взгляд, противодействие террору должно образовывать систему, а религиозный фактор – важная составляющая этой системы, без которой успешное противодействие террору невозможно. Терроризм, как и преступность в целом, трудноискореним, поэтому бороться с ним нужно в государственном масштабе силовыми методами с привлечением общественного потенциала, в том числе и духовно-мобилизационного потенциала религии.

*«Актуальные вопросы политической нации»,
Саратов, 2010 г., с. 111–116.*

Алан Джиев,
политолог (РАГС при Президенте РФ)
**ЭКСТРЕМИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА**

На фоне глобальных политико-экономических перемен последнего десятилетия все больше возрастает значение Северо-Кавказского региона (СКР) в современной геополитической картине мира. Благодаря своему особому геостратегическому положению на стыке евро-азиатских цивилизаций, на протяжении тысячелетий Кавказ всегда привлекал внимание различных государств, испытывая тем самым сильное влияние различных культур и религий. В современных геополитических условиях основной передел мира ведется за установление контроля над природными ресурсами, геостратегическими и военно-морскими пу-

тиями, поэтому главной стратегической целью крупных мировых держав является оттеснение России на северо-восток Евразии, подалее от одного из главных коммуникационных подступов к центру мировых ресурсов – Средиземноморско-Черноморского и Кавказско-Каспийского регионов. Ближайшие цели – сделать неконкурентоспособными, затратными имеющиеся российские магистральные газо- и нефтепроводы, проложив в обход России собственные транспортные артерии, доставляющие дешевое сырье из Казахстана, Азербайджана, Ирана в Европу и Америку. Поэтому внутривнутриполитическая нестабильность на СК и в Закавказье в значительной мере выгодна целому ряду государственных и межгосударственных образований, преследующих исключительно свои национальные (политические и экономические) интересы.

Попутно решаются среднесрочные задачи: не допустить возрождения России до уровня сверхдержавы; подорвать ее влияние в бывших советских республиках; сузить ее геостратегическое пространство до рамок собственных границ и подстегнуть сепаратистские настроения в отдельных российских регионах, в том числе и на СК, снижая, таким образом, ее престиж и имидж в мировом сообществе; превратить в сырьевой придаток развитых стран мира; усилить собственное влияние на процессы, происходящие в регионе, получив при этом экономические и политические дивиденды. Особенно опасной в этих условиях становится практика слияния национального самосознания народов с религиозным фанатизмом. В этой связи в условиях СК наибольшую угрозу целостности России представляли дагестано-чеченские экстремистские исламские организации ваххабитского толка. Распространение ваххабизма в СКР отвечает стратегическим интересам США и Саудовской Аравии. На СКР применяется уже опробованный «ближневосточный» сценарий. Распространение ваххабизма здесь до недавнего времени осуществлялось через саудовские религиозные фонды и организации – «Аль-Харамейн» (Фонд двух святынь), компанию «Беневоленс», Лигу защиты матери и ребенка, «Лашкар Тайба» и пр.

За последние десятилетия в Российской Федерации (РФ), особенно в СКР, произошли межнациональные и внутриконфессиональные конфликты, оказавшие крайне негативное воздействие на социально-политическую ситуацию в стране, которая в целом сегодня оценивается как напряженная. Произошло заметное возрастание роли и значения религиозной составляющей общественного сознания населения региона, возросло понимание закономерности существования религии и ее институтов в обществе. Новая

религиозная ситуация, складывающаяся сегодня в РФ, и тенденции ее развития требуют более пристального внимания власти ко всему комплексу воздействия религиозного фактора на внутривнутриполитическую безопасность России.

Особую важность приобретает то обстоятельство, что у нашего государства в настоящее время отсутствует продуманная концепция политики по отношению ко всему сообществу религиозных организаций России и особенно к СКР. Большую озабоченность вызывают и негативные тенденции, связанные с ростом религиозного экстремизма, терроризма и наркоторговли, а также потенциальные конфликты, которые могут быть вызваны территориальными, этническими, социальными противоречиями. Угрозу своей безопасности Россия видит и в милитаризации региона. С началом демократических преобразований масштабы влияния, роль и значение религий в обществе заметно расширились, в результате чего религии стали существенным фактором общественного развития в современной России, особенно в СКР.

СКР – уникальный в этнокультурном отношении и наиболее сложный с точки зрения социально-экономической и политической ситуации, осуществления государственного управления и обеспечения национальной безопасности регион РФ. Его характеризуют полиэтничность, поликонфессиональность, перенаселенность; проблемы репрессированных народов в условиях искусственно установленных и неоднократно изменяемых границ оборачиваются перманентными военными конфликтами. На социально-политическую ситуацию в регионе большое негативное влияние оказала и продолжает оказывать идеология ваххабизма, начало активного распространения которого относится к концу 80-х годов XX в. Для религиозно-политического экстремизма характерно стремление к быстрому решению сложных проблем, независимо от «цены», которую приходится платить за это. Отсюда упор на силовые методы борьбы. Диалог, договоренность, консенсус, взаимопонимание им отвергаются.

Крайним проявлением религиозно-политического экстремизма является терроризм, представляющий собой совокупность особо жестоких форм и средств политического насилия. В последние десятилетия религиозно-политический экстремизм все чаще обращается к террору как средству достижения своих целей. Природа проявления экстремизма носит протестный характер: неудовлетворенность политическим режимом, социальным неравенством, положением в обществе определенных социальных слоев, этниче-

ских, расовых и конфессиональных групп. Но проблема поддается урегулированию, если государство целенаправленно занимается исправлением перекосов.

Факторами, порождающими религиозно-политический экстремизм в нашей стране, специалисты называют социально-экономический кризис, массовую безработицу, резкое падение жизненного уровня населения, ослабление государственной власти и дискредитацию ее институтов, распад прежней системы ценностей, правовой нигилизм, политические амбиции религиозных лидеров. К причинам, способствующим усилению религиозно-политического экстремизма, эксперты относят нарушения прав этнических и религиозных меньшинств, допускаемые должностными лицами, а также деятельность зарубежных религиозных и политических центров. Проблема религиозно-политического экстремизма обусловлена также состоянием и динамикой развития, современной внутривнутриполитической обстановки в регионе, отличающейся крайней нестабильностью.

Одну из реальных угроз для России представляют внутренние конфликты в республиках СКР. Религиозные центры, официальные круги, специальные службы и неправительственные организации Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, арабских стран Персидского залива, используя ваххабизм, стремятся реализовать свои задачи, используя политическую и экономическую ситуацию в СКР. Распространение идей ваххабизма является одним из основных источников распространения политического терроризма. Активность ваххабизма отмечается на территории Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Ставропольском крае. На основе конспиративной системы ведется финансирование ваххабитских групп, распространяются соответствующие печатные и видеоматериалы, путем подкупа чиновников организуется проникновение ваххабитских эмиссаров в органы власти. Идет процесс вытеснения из мечетей представителей лояльного духовенства и замена их на молодых имамов, подготовленных за рубежом. Ваххабитами проводится активная работа по привлечению в свои ряды новых сторонников из числа молодежи.

СК и Средняя Азия (СА) стали компонентами так называемого «ваххабитского полумесяца», в центре которого Каспий с его запасами нефти и газа. Конкретные финансовые, политические и геополитические интересы стали причиной ваххабитского «похода на север». В этих же интересах проводится ваххабитская экспансия в республиках СК. Дагестан стратегически наиболее важен,

поскольку его территория примыкает к нефтяным районам Каспия. Именно по этой причине было предпринято военное нападение Хаттаба и Басаева в Дагестане. Но в Дагестане, в отличие от Чечни, отсутствовали сепаратистские амбиции, поэтому террористы не встретили ожидаемой поддержки. Это обстоятельство помогло российским властям зимой 1999–2000 гг. принять меры по вытеснению чеченских боевиков из Дагестана и уничтожить основную часть бандформирований на территории Чечни. Ваххабизм стремится влиять на общественно-политические процессы как в субъектах РФ, так и по всей стране. Этому немало способствуют российские СМИ, формирующие в российском и мировом общественном мнении представление о конфессиональном содержании чеченского конфликта.

Особенно важно различать исламский фундаментализм и религиозный экстремизм, терроризм. Первый – как и любой другой религиозный фундаментализм ратует за религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту. Второй ставит своей целью распространение силой религиозной модели государства, религиозных правил поведения в обществе и семье.

Таким образом, попытка внедрения и распространения «политического ислама» на СК является сильным дестабилизирующим фактором. На роль властных структур в регионе претендуют экстремистские ваххабитские организации, связанные с подпольем вооруженных бандформирований в Чечне и координируемые из единого центра, представленного «боевыми джамаатами», сеть которых раскинулась по всему СКР. В связи с действиями ваххабитов традиционное духовенство и рядовые мусульмане постепенно начинают осознавать опасность, исходящую от их деятельности, и всячески помогают правоохранительным органам в борьбе с этим течением в исламе.

Большинство кавказского населения не является сторонником отделения от России. Например, в Дагестане мусульманская община последовательно и тесно взаимодействует с органами власти, направляя своих священнослужителей в наиболее отдаленные горные аулы с целью пропаганды традиционного ислама. Такая же форма религиозной пропаганды существует и в Карачаево-Черкесии. Тем не менее проведенная аттестация имамов показала, что редко кто из пожилых священнослужителей достаточно грамотен, чтобы противостоять пропаганде экстремистских религиозных течений.

Большое влияние имеет радикально настроенное мусульманское духовенство, выступающее за «чистый» ислам. Идеологической основой укрепления подобных настроений являются интеллектуальные искания некоторых мусульман, получивших образование в мусульманских странах. Их недовольство политической федеральной Центра на Кавказе, действиями региональных органов власти усиливается критическим отношением к местной исламской практике, значительно расходящейся с зарубежными канонами. Члены таких групп становятся потенциальной питательной средой для пополнения вооруженных отрядов боевиков.

Достаточно влиятельны оппозиционные движения в среде объединений мусульман региона. Их появление вызвано конкуренцией между отдельными группами верующих, объединенных вокруг духовных лидеров, за влияние на политическую элиту региона. Подобные противоречия, которые могут носить и этнический характер, часто толкают религиозных лидеров на контакты с умеренными фундаменталистами. Таким образом, нарастание экстремизма в религиозной сфере представляет серьезную угрозу для национальной безопасности в СКР, необходима целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов по устранению этой опасности. Хотя нынешнее состояние межнациональных отношений в СКР можно охарактеризовать как сложное и неоднозначное, открытых массовых выступлений на этнической почве пока не наблюдается. Экстремистские проявления осуществляются с изначально поставленными целями в политической, этнонациональной, экономической, религиозной и иных сферах общественной жизни, включая призывы к насильственному свержению конституционного строя РФ.

Для проявлений экстремизма в религиозной сфере характерно отсутствие компромиссов. Такой экстремизм не идет на уступки противной стороне, не применяет тактику диалога. Стремление к победе в противостоянии социальных групп, борьба против определенных политических групп, нередко имеющая целью захват власти путем применения силы и использования религиозных лозунгов, определяют сущность экстремизма в религиозной сфере. Следовательно, говорить об экстремизме применительно к религиозным объединениям можно тогда, когда их деятельность проявляется в форме противоправных экстремистских действий, направлена на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирова-

ний; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни и т.д.

Новая геополитическая картина XXI в. требует от России новых моделей противодействия экстремистским элементам, какой бы религиозной, национальной или социальной идеологией они ни прикрывались. Так, важнейшей стратегией противодействия экстремизму в религиозной сфере должна стать политика отказа в публичности радикализму. Важным направлением политико-правового противодействия экстремистской деятельности религиозных объединений является образование и просвещение граждан по части культурного, религиозного многообразия и единства жителей страны и мира, истории нетерпимости, геноцида и других преступлений, которые принес людям экстремизм.

Серьезную идеологическую и политическую угрозу национальной безопасности России представляет политизированный исламский фундаментализм в форме ваххабизма, поскольку для достижения своих целей он использует вооруженную борьбу и терроризм. Необходимо прекратить деятельность религиозных миссий, их филиалов, учебных заведений, благотворительных и других фондов, военно-спортивных и других лагерей, отдельных физических лиц, проповедующих идеи ваххабизма или других экстремистских учений.

Таким образом, главный вызов ваххабизма лежит не столько в религиозной, сколько в социально-политической плоскости. Ваххабизм в СКР обладает определенной мобилизационной идеологией, опирается на поддержку международных исламистских организаций и других внешних сил, которые предоставляют им немалую финансовую, кадровую и пропагандистскую помощь.

В современных условиях исламский экстремизм – это дестабилизирующий фактор, направленный на обострение меж- и внутрирелигиозных отношений, на раскол российского мусульманского общества, поощрение национал-сепаратизма, «раскачивание» взаимоотношений между региональными и федеральными властями.

*«Вестник Северо-Осетинского государственного
университета имени К.Х. Хетагурова»,
Владикавказ, 2010, № 3, с. 24–29.*

Диана Челпанова,

ПОЛИТОЛОГ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Нестабильность Северо-Кавказского региона свидетельствует о наличии ряда проблем, среди которых особую тревогу вызывают экономическая отсталость, коррупция, неизбежно приобретающие этническую окраску земельные и кадровые вопросы, проблема беженцев и вынужденных переселенцев, политическая напряженность, терроризм, похищения и убийства мирных граждан. При длительном невнимании к ним со стороны властей происходит рост протестной активности населения, которое пытается донести существующие противоречия до руководства, посредством митингов, пикетов, забастовок и даже блокирования автомагистралей.

С методологической точки зрения для изучения протестного поведения используется концепция относительной депривации (лишение), которая рассматривает причины протеста как субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему. Можно говорить о депривации, когда субъект не обладает определенным уровнем социального благосостояния, но хочет им обладать, сравнивая свое положение в отношении данного уровня с положением других субъектов, а также рассматривает свое обладание уровнем благосостояния как реальное и осуществимое.

Протест, таким образом, выступает выражением недовольства относительно той или иной ситуации, затрагивающей субъекта(ов). Необходимо отметить, что крайней формой протеста является революция, и об этом нельзя забывать властям, пытающимся замолчать, разогнать, подавить гражданскую инициативу. Ведь проще решить проблему на первоначальном этапе, чем перевести ее в категорию долгосрочного антагонизма, способствуя росту протестного настроения, которое не всегда предсказуемо.

Основываясь на данных территориальных органов федеральной исполнительной власти в пределах ЮФО и СКФО и 10 интернет-сайтов, была создана база данных акций протестов за 2009 – 1 полугодие 2010 г., проходивших на территории республик Северо-Кавказского федерального округа. В основу классификации акций протеста легло два основания – социально-экономическое и политическое. Социально-экономический характер протестной активности характеризует причины недовольства,

связанные с бытовыми, финансовыми, экологическими проблемами. Политический характер отражает недовольство деятельностью какого-либо должностного лица, политического института или политики в целом, проводимой властью на том или ином уровне. При этом не всегда можно четко провести грань между социально-экономическим и политическим характером протеста, так как зачастую первый приобретает форму второго и наоборот.

Анализ протестной активности населения республик Северо-Кавказского федерального округа за 2009–2010 гг. показал, что по количеству акций протестов и числу участников лидирует Дагестан, на втором месте Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия делят третье место.

Дагестан. За 2009 – январь–май 2010 г. в республике прошло более 50 акций социально-экономического характера с участием около 8000 человек, направленных против отключения электроэнергии в г. Махачкале и более 50 акций политического характера с участием около 27 000 человек против похищения людей, противоправных действий сотрудников правоохранительных органов. Наряду с ростом протестной активности не прекращается террористическая деятельность незаконных вооруженных бандформирований. Дагестан занимает второе место по числу террористических актов среди республик СКФО (в рассматриваемый период зафиксировано более 430 случаев). Необходимо указать специфичность форм протестных действий. Вместе с ненасильственными формами (митинги, пикеты) использовались более радикальные – насильственные (блокирование дорог – более 40 случаев, как местного, так и федерального значения, силовой захват электроподстанций – более 5 случаев), что свидетельствует о затяжном характере нерешенных проблем.

Северная Осетия – Алания. Доминирующий социально-экономический характер протестной активности населения отличает республику от других субъектов округа. Зафиксировано более 25 акций социально-экономического характера с участием около 14 000 человек против 4 политических акций протеста с участием менее 500 человек. Самой долгосрочной и масштабной является акция протеста против ядовитых выбросов завода «Электроцинк». Хочется также отметить активную работу регионального отделения КПРФ, которое периодически организовывало митинги против массовой безработицы, повышения цен на товары и услуги, низкого уровня доходов населения. Отсутствие террористической активности (за 2009 г. – 10 случаев, январь–май 2010 г. – 3 случая) и

политическая стабильность также говорят о низкой степени напряженности в республике.

Кабардино-Балкария. В республике прошло 7 социально-экономических акций протеста с участием около 2000 человек и 9 политических акций протеста с участием около 10 000 человек. Протесты в основном направлены против: «несправедливого» (по мнению балкарцев) решения земельных вопросов при определении границ муниципальных образований, межселенных территорий в пользу кабардинцев; назначений представителей кабардинского этноса на разные уровни власти. Также протестная активность ориентирована на борьбу с терроризмом и похищением людей. Это не случайно, так как за весь 2009 г. зафиксировано 46 террористических актов, а только за январь–май 2010 г. – 43. Данная статистика показывает возрастание напряженности в республике.

Карачаево-Черкесия. За 2009–2010 гг. в республике произошло 10 акций протеста социально-экономического характера с участием более 3000 человек и 12 политических акций протеста с участием около 4000 человек. В основном протестовали против похищения мирных граждан, ущемления интересов черкесского народа в кадровой политике республики. Уровень террористической активности в Карачаево-Черкесии самый низкий по сравнению с другими республиками СКФО, что свидетельствует о более стабильной ситуации.

Чечня. Как известно, в республике нет официальной оппозиции, однако неофициальная оппозиция формируется чеченским подпольем; ряды пополняются за счет тех, кто не согласен с проводимой политикой в республике и кто готов выражать это открыто. В Чечне прошли 3 социально-экономические акции протеста с участием менее 500 человек и 4 политические акции протеста против похищений и убийств мирного населения, произвола силовых структур и терроризма с участием более 2000 человек. Однако гораздо больше прошло митингов за пределами Чечни (в частности, против похищения и убийства чеченской правозащитницы Н. Эстемировой), чем в самой республике. Таким образом, количество протестных акций за анализируемый период настолько мало, что наводит на мысль либо о блокировании информации, либо о жесткости политического режима. В отличие от протестной активности, террористическая активность не прекращается. За 2009 г. она составила 245 случаев, за январь–май 2010 г. – 77.

Ингушетия. В республике прошло 9 акций политического протеста с участием около 500 человек в основном против похищения людей, и 7 акций социально-экономического характера с участием менее 500 человек. Несмотря на признание президентом Ингушетии официальной оппозиции, прослеживается тенденция к закрытости информации о ней, что не дает возможности реально оценить ситуацию в республике. При этом уровень террористической активности свидетельствует о ее неблагополучии, так как в этом отношении республика занимает лидирующее место. Только за 2009 г. отмечено 430, за январь–май 2010 г. – 141 действие террористической направленности.

* * *

Таким образом, в республиках СКФО существует множество проблем, которые появились не сразу, накапливались в течение длительного времени и, в конечном итоге, перешли в категорию долгосрочных нерешенных проблем России, чем сейчас и пользуются различные политические силы. Вместе с тем существует политически неангажированная часть общества, которая отстаивает свои права и защищает свои интересы. Необходимо четко разделять эти две категории населения, так как представители одной из них заинтересованы в напряженности ситуации в регионе, а представители другой выступают первопроходцами в строительстве гражданского общества. В результате ввиду наличия множества нерешенных проблем протестная активность населения в республиках Северо-Кавказского федерального округа возрастает.

*«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Международный синтез»,
Р-на-Дону, 2010 г., с. 345–348.*

Эльмира Муратова,

кандидат политических наук

(Таврический национальный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСЛАМА В КРЫМУ

Традиционная система образования у крымских татар была представлена двумя типами учебных заведений – начальными (мектебы) и высшими (медресе). Воспроизвести полную и досто-

верную картину функционирования мектебов в Крыму на протяжении нескольких столетий истории Крымского ханства вряд ли возможно. Но некоторые сведения все же дошли до наших дней.

Высшие исламские учебные заведения в Крыму – медресе – служили местом подготовки духовенства, учителей мектебов и в целом образованных мусульман. В Крыму медресе распространились достаточно рано. Их возникновение, вероятно, относится к золотоордынскому периоду истории полуострова. Практически сразу после утверждения ислама в качестве государственной религии в подвластных Сараю регионах там началось распространение мусульманской культуры и образования.

Что касается исламского образования в современном Крыму, то одной из серьезных проблем исламского возрождения стала острая нехватка квалифицированных имамов, которые умели бы читать Коран, цитировать хадисы, ориентировать мусульман, согласуя свои советы с исламскими первоисточниками. В начале 1990-х годов функции имамов мусульманских общин взяли на себя представители старшего поколения крымских татар. В подавляющем большинстве они не имели специального духовного образования, и их представления об исламе ограничивались тем, что они узнали от своих родителей и родственников. По этой причине они были вынуждены уступить место молодым и энергичным имамам, получившим исламское образование.

Имамы нового поколения обучались прежде всего за рубежом – в университетах мусульманских стран. С начала 1990-х годов крымские татары начали выезжать на учебу в Турцию, Египет, Саудовскую Аравию, Ливан и другие государства исламского мира. Больше всего крымских татар обучалось на теологических факультетах турецких университетов. По данным заместителя муфтия Крыма Айдера Исмаилова, из порядка 50 человек, выехавших на учебу в Турцию, назад вернулись 20, а в религиозной сфере, на различных должностях в муфтияте, учителями в медресе и имамами работают 10 человек. Часть молодых людей так и не окончили теологические факультеты и избрали другие профессии. Часть тех, кто получил теологическое образование, устроились на работу в самой Турции или, вернувшись домой, занимаются деятельностью, не имеющей отношения к обозначенной в их дипломах специальности.

Те, кто учился в исламских университетах арабских стран, как правило, попадали туда, используя свои личные контакты, на основании частной договоренности с принимающей стороной, к

чему руководство Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК) никакого отношения не имело. Сведениями об их численности мы не располагаем, проследить их судьбу на родине не представляется возможным. К тому же существуют опасения в отношении того, что молодые люди, обучаясь в арабских университетах, могли попасть под влияние различных «радикальных» течений, что препятствует их привлечению Духовным управлением к деятельности, связанной с исламским возрождением в Крыму.

В целом, внешний канал получения исламского образования крымскими татарами был признан руководством ДУМК неэффективным. Альтернативой ему стала идея создания мусульманских учебных заведений на территории самого Крыма, которые бы готовили кадры в соответствии с национальными традициями и с учетом региональной исламской специфики.

В настоящее время в Крыму наблюдаются определенные успехи в становлении системы начального и среднего исламского образования. При ряде крымских мечетей действуют начальные – воскресные и коранические – школы, в которых люди из разных возрастных групп получают базовые знания об исламе и арабском языке. В них они осваивают навыки чтения Корана и основы культурно-обрядовой практики. Часть воскресных школ созданы при поддержке ассоциации «Альраид». Всего в 2009 г. на территории Крыма действует 23 воскресные школы, которыми руководят имамы из местных мусульманских общин. При ряде мечетей работают коранические школы, деятельность которых координируется религиозными организациями Турции. Объем знаний, получаемый в воскресных и коранических школах, идентичен. Разница состоит лишь в том, что в коранических школах работают турецкие учителя. В основном это представители Управления по религиозным делам Турции (Диянет). В ряде населенных пунктов они выполняют обязанности имамов наряду с местными имамами. Помимо Диянета часть коранических школ организована и субсидируется турецкой религиозной общиной «Сулеймание».

К числу мусульманских учебных заведений среднего звена относятся медресе и школы хафизов.

Оценки числа действующих на полуострове медресе существенно разнятся. Так, в выступлении муфтия Эмирали Аблаева на IV Курултае мусульман Крыма прозвучала цифра – 6 медресе. В то же время представитель крымско-татарского Меджлиса в Муфтияте Арсен Альчиков считает, что эта цифра явно завышена. По его утверждению, не все учебные заведения, отнесенные к категории

медресе, в действительности таковыми являются, будучи скорее кораническими школами, нежели религиозными учебными заведениями более высокого статуса.

Деятельность крымских медресе официально находится под контролем ДУМК. Ответственным по вопросам духовного образования в настоящее время является заместитель муфтия Айдер Исмаилов, однако реально процессом обучения в медресе руководят представители турецких религиозных организаций.

Учебное заведение, которое без колебаний может быть отнесено к категории медресе, носит название «Къалай». Оно расположено в поселке Азовское Джанкойского района, поэтому более известно как Азовское медресе. Оно функционирует с 1998 г. и располагает обширным учебным и рекреационным комплексом, состоящим из просторных классов, конференц-зала, столовой, общежития на 100 человек, спортивного зала и футбольного поля. Программа обучения в Азовском медресе рассчитана на три года. На первом году обучения изучаются Коран, вероучение и ритуал, исламская нравственность, жизнеописание Пророка Мухаммада, турецкий и арабский языки. Программа второго года обучения также включает в себя исламское право, хадисы, толкование Корана, историю пророков. На третьем году, помимо вышеперечисленных предметов, изучаются история мазхабов, суфизм, история ислама и основы обучения религии. Преподавание ведется на турецком и крымско-татарском языке, при явном преобладании первого.

Учебная литература, используемая в медресе, представлена книгами турецких авторов, в том числе Османа Топбаша, который является главой частного религиозного фонда «Азиз Махмуд Хюдаи», координирующего работу этого медресе. Преподавательский состав медресе делится на две части: примерно половина из них – крымские татары, получившие теологическое образование в Турции, другая половина – турецкие преподаватели. До 2007 г. медресе предлагало светскую и религиозную программу обучения и функционировало одновременно как медресе и как общеобразовательная школа. По завершении обучения ученики получали сертификаты об окончании медресе и аттестат о среднем образовании. Однако после того, как у медресе возникли разногласия с Министерством образования Крыма, общеобразовательные дисциплины в нем стали преподаваться в экстернате.

Остальные учебные заведения, первоначально функционировавшие как медресе, со временем поменяли свой статус. Так,

медресе «Къурман», расположенное в Красногвардейском районе, с 2007 г. было преобразовано в школу хафизов. На начальном этапе преподавание в этом медресе было построено на тех же принципах, что и в Азовском медресе, и оно также функционировало под патронажем религиозного фонда «Азиз Махмуд Хюдайи». Однако из-за недостаточного числа студентов деятельность медресе была приостановлена, а затем оно было перепрофилировано на подготовку хафизов. Программа обучения в школе рассчитана на три года. Первый набор, осуществленный в 2008 г., составил 14 человек, второй набор в 2009 г. – 21. Школа функционирует всего два года, и первый выпуск студентов будет осуществлен в будущем году. Другое медресе «Сеит-Сеттар», начавшее работу в 1993 г. в Симферополе, со временем перестало функционировать как медресе и было трансформировано в обычную кораническую школу. Поначалу процесс обучения в нем занимал два года, затем был сокращен до года, а на сегодняшний день это 3–4-месячные курсы с набором в 10–15 человек. Учебный процесс в нем координируется Диянетом, а преподавание ведется гражданами Турции. Еще одно учебное заведение, действующее в Симферополе с 2003 г., несмотря на свое название – Высшее исламское медресе, в реальности является коранической школой. Ее слушатели изучают религиозные дисциплины и одновременно учатся в светских учебных заведениях. Школа функционирует при поддержке турецкой религиозной общины «Сулеймание».

Школа хафизов была открыта в декабре 2002 г. в Симферополе при поддержке и содействии Всемирной организации по обучению Корану и Всеукраинской ассоциации общественных организаций «Альраид». Официальным учредителем школы стало Духовное управление мусульман Крыма. Школа представляет собой учебное заведение-интернат, в котором обучаются юноши в возрасте 13–18 лет. Обучение в ней возможно при условии обязательного посещения общеобразовательной школы, предоставлении заявления от родителей и ходатайства о зачислении в школу от муфтията или имама местной мусульманской общины, а также при наличии украинского гражданства. Желательно чтобы ребенок умел читать по-арабски, однако большинство поступивших, по словам директора школы Сейрана Арифова, начинают изучение арабского языка с нуля. При отборе абитуриентов особое внимание обращают на его успеваемость в общеобразовательной школе, а также выясняют, есть ли среди его ближайших родственников сторонники радикальных течений. Национальность юношей в рас-

чет не принимается. Хотя большинство учащихся школы являются крымскими татарами, в ней также обучаются казанские татары, арабы, узбеки и славяне. Программа обучения в школе рассчитана на три года. В процессе обучения заучивается наизусть текст Корана и осваиваются основы мусульманского права. Преподавательский состав школы – интернациональный, в ней преподают крымские и казанские татары, а также арабы, и преподавание в ней, в отличие от других исламских учебных заведений Крыма, ведется на русском языке. В школе преподают учителя, окончившие Исламский университет в Саудовской Аравии, шариатский факультет университета Джинан в Ливане факультет арабского языка и литературы университета Заркъя школу хафизов в Иордании, а также выпускники самой школы.

По окончании школы выпускники получают дипломы, аналогичные тем, которые выдаются крымскими медресе. Во всех дипломах в качестве специальности стоит «имам-хатиб, преподаватель исламских предметов», а в дипломах тех, кто выучил наизусть весь коранический текст, добавляется «хафиз». Несмотря на наличие лицензии, эти дипломы признаются, как правило, только мусульманскими структурами Крыма, например, муфтиятом или другими исламскими учебными заведениями. За пределами Украины дипломы школы признаются ее спонсором – Всемирной организацией по обучению Корану – и теми университетами, с которыми «Альрайд» напрямую заключает договор о продолжении обучения выпускников этой школы.

Такие договоры были заключены с некоторыми университетами Иордании и Йемена. Сейчас в них учатся 8 выпускников школы. Их обучение финансируется либо принимающим университетом, либо частным спонсором, который берет на себя расходы по ходатайству ассоциации «Альрайд». Трое выпускников школы хафизов продолжили в ней работать. Остальные по специальности не работают, хотя некоторые из них неофициально преподают в мечетях Крыма, получая при этом определенную материальную компенсацию от «Альрайда».

Директора школы Сейрана Арифова заботят как финансовые трудности, так и те сложности, которые возникают у учеников в связи с тяжелой учебной нагрузкой, поскольку им приходится совмещать учебу в школе хафизов с учебой в общеобразовательной школе. Такую нагрузку выдерживают далеко не все поступившие: некоторые сами бросают школу, других отчисляют за неуспеваемость. Также учеников могут отчислить за «недостойное» поведение.

ние, например, за курение или разглядывание «непристойных» журналов.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются ученики, связана с тем, что, несмотря на посещение уроков арабского языка, полученных на них знаний явно недостаточно для понимания смысла заучиваемых наизусть коранических аятов и сур. Даже наиболее одаренные выпускники, блестяще декламируя Коран, едва ли способны разъяснить суть воспроизводимого текста. Не менее болезненной проблемой Сейран Арифов считает довольно низкий уровень религиозности крымских татар, в результате чего родители не спешат отдавать своих детей в руководимую им школу. На призывы изучать исламское Священное Писание и распространять слово Божье они нередко реагируют крайне прагматично, заявляя, что по окончании школы их чада вряд ли смогут рассчитывать на престижную работу и достойный заработок. В итоге желающих обучаться в школе не так много, как хотелось бы, конкурс среди поступающих небольшой, да и уровень абитуриентов не высок.

Высшего исламского учебного заведения в Крыму пока нет, хотя идея его создания периодически обсуждается. Так, в ходе Всемирного конгресса крымских татар, проходившего в мае 2009 г., заместителем председателя Меджлиса Рефатом Чубаровым была озвучена идея создания исламского университета на базе медресе Зинджирли в Бахчисарае. Эта инициатива находит поддержку и среди руководства муфтията Крыма. В настоящее время на Украине работает единственный исламский вуз – Исламский университет Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ). Он был создан в Киеве в 1993 г. и состоит из двух подразделений различного статуса – «полноценного» факультета шариата и основ религии и «частично действующего» факультета педагогики и восточной лингвистики. Преподавание исламских предметов основывается в нем на материалах, предоставляемых Ассоциацией исламских благотворительных проектов. Список рекомендованной студентам литературы содержит пространный перечень трудов, приписываемых ливанскому шейху Абдаллаху ал-Харари ал-Хабаша (1910–2008). Подспорьем в учебном процессе служат материалы, публикуемые газетой ДУМУ «Минарет». По причине существующих разногласий между ДУМК и ДУМУ обучение крымских татар в этом учебном заведении не приветствуется.

Подытоживая обзор современного состояния исламского образования в Крыму, сделаем ряд выводов и обобщений. Прежде всего, следует отметить то, что деятельность исламских учебных

заведений носит обособленный некоординированный характер и не регулируется единым стандартом. Отсутствие связей между различными звеньями мусульманского образования и несогласованность их действий самым негативным образом сказываются на попытках структурирования иерархии исламских учебных заведений. Осознавая сложность ситуации, Духовное управление мусульман Крыма выступило с инициативой упорядочения исламского образования на полуострове и разработало Проект планомерного развития и стандартизации духовного учебно-воспитательного процесса. Проект предусматривает выстраивание трехуровневой образовательной системы, основными ступенями которой становятся начальное, среднее и среднее специальное образование. Стандартизация мусульманской образовательной системы Крыма, по мысли составителей проекта, должна способствовать росту ее эффективности.

Отличительной особенностью мусульманских учебных заведений Крыма является явное доминирование в них турецких религиозных организаций. Крымско-татарские лидеры отдают явное предпочтение «турецкой» образовательной модели, по их убеждению, наиболее действенной и способствующей возрождению «традиционного для Крыма ислама». Выражение «традиционный для Крыма ислам», несмотря на свой ненаучный характер, прочно вошло в пропагандистский словарь крымско-татарских лидеров, имеющих весьма смутное представление о специфике исламского религиозного комплекса. Пока мы не можем сказать, насколько внедряемая сегодня в Крыму частными турецкими фондами система образования с сильным суфийским компонентом соответствует образовательным традициям крымских татар. Эта тема требует отдельного углубленного анализа. Тем не менее нельзя отрицать того факта, что экономическая зависимость ДУМК от зарубежных религиозных организаций ограничивает его возможности контролировать деятельность учебных заведений, самостоятельно приглашать преподавателей и определять набор дисциплин. Ситуация такова, что в настоящее время ни одно из действующих в Крыму исламских учебных заведений не спонсируется муфти-ятом.

Наконец, среди трудностей, которые испытывают исламские центры образования в учебном процессе, следует отметить отсутствие учебных пособий нового поколения, написанных с учетом традиции крымских татар и особенностей их менталитета.

Преподавание дисциплин, связанных с исламом, в светских учебных заведениях Крыма вряд ли можно назвать распростра-

ненной практикой. Общие сведения об исламе студенты получают при прослушивании курса «Религиоведение», который входит в учебные планы всех вузов полуострова. На гуманитарных факультетах крымских вузов информация, так или иначе связанная с историей ислама, озвучивается на лекциях по истории стран Азии и Африки или по истории Востока. Автор данного эссе читает курс «Исламский мир в современной политике» на философском факультете Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (ТНУ). Курс адресован студентам-политологам пятого года обучения. На этом же факультете профессор А.П. Цветков читает лекционный курс «Исламский фундаментализм», в рамках которого основное внимание уделяется философскому осмыслению этого феномена. Курс «Ислам» читается на факультете крымско-татарской и восточной филологии ТНУ для студентов, обучающихся по специальности «арабский язык и литература». Он охватывает такие темы «классического» исламоведения, как история раннего ислама, основные вехи биографии Пророка Мухаммада, течения в исламе и т.д.

В целом в Крыму только в одном вузе, в ТНУ, на факультете крымско-татарской и восточной филологии действует программа подготовки специалистов по специальности «арабский язык и литература». В Крымском инженерно-педагогическом университете (КИПУ) на факультете крымско-татарской и турецкой филологии арабский язык изучают студенты 3–5 курсов.

Таковы общие контуры исламского образования в Крыму, которое имеет давнюю историю. Становление современной системы исламского образования происходит в сложных условиях репатриации крымско-татарского народа, что, безусловно, накладывает заметный отпечаток на этот процесс и в определенной степени объясняет его хаотичный и непродуманный характер. Возможно, по мере решения других насущных проблем крымских татар процесс исламского образования окажется в зоне более пристального внимания национальных лидеров и получит новый импульс в своем развитии.

*«Изучение преподавания ислама в Евразии»,
М., 2010 г., с. 288–310.*

Гусейн Бахар Вагиф,
политолог (Азербайджан)
**АЗЕРБАЙДЖАН В ОРБИТЕ МИРОВОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

Являющаяся основой положения современного мира Ялтинско-Потсдамская система, будучи результатом Второй мировой войны, сформировалась как биполярная система, т.е. построилась на равновесии двух противоречивых систем. Круг этих противостоящих друг другу полюсов пусть и формально, но определялся. Однако перед противоположной системой мировая социалистическая система была обречена на отступление. Крушение Советского Союза, являющегося движущей силой и локомотивом социализма, обусловило падение социалистической системы как полюса, и, таким образом, политическая карта мира, формирующаяся после Второй мировой войны, обновилась, Ялтинско-Потсдамская система превратилась в историю.

Во время существования Советского Союза понятие «регион Каспийского моря» в политическом лексиконе не употреблялось. В течение того периода эти территории обозначались термином «прикаспийские». В настоящее время при употреблении выражения «регион Каспийского моря» в широком смысле подразумевается историко-географическая территория расположения пяти прикаспийских государств: Азербайджана, России, Казахстана, Туркменистана и Ирана. В современном дипломатическом лексиконе употребляется также понятие «бассейн Каспийского моря». После распада СССР в числе появившихся многочисленных проблем существенное значение имеет определение конкретных географических границ региона.

Итак, Россия – прикаспийское государство. Если всю ее территорию причислить к этому региону, то она протянется от Балтийского моря до Тихого океана. Если отнести сюда и Иран, то границы региона охватят территорию от Персидского залива до Аравийского полуострова, что совершенно неприемлемо. С другой стороны, нефть Персидского залива Ирана и Западной Сибири России нельзя отнести к нефти региона. Сюда можно включить, в основном, прикаспийские территории Азербайджана, Туркменистана и трех остальных стран. Некоторые исследователи к этому региону относят и Узбекистан, что можно считать объективным.

Трудность геополитического исследования этого региона объясняется тем, что регион не является единым геополитическим

пространством. Каспийское море фактически делит регион на два субрегиона:

- Транскавказ;
- Средняя Азия, или Центральная Азия (условно).

Однако границы Транскавказа продлеваются до берегов Черного моря. Транскавказ сам по себе не считается единым геополитическим пространством, так как, в свою очередь, делится на Северный и Южный Кавказ. В отличие от Транскавказа Среднюю Азию, с географической точки зрения, невозможно разделить. Средняя Азия в основном состоит из песчаных пустынь, южная часть окружена высокими горами. В связи с тем, что Азию нельзя разделить, как Транскавказ, эта территория воспринимается как единое целое пространство. Следовательно, под понятием «Каспийский регион» должны подразумеваться территории в целом Азербайджана, Туркменистана и Казахстана, прикаспийские территории России и Ирана. После определения географических границ Каспийского региона следует уяснить геополитическое положение в регионе. Нужно добавить, что из-за близкого географического расположения других двух кавказских государств (Грузия и Армения) эти государства невозможно отделить от региональных процессов.

Проявление серьезного интереса развитых стран Запада к региону говорит о том, что энергоресурсы Каспийского региона будут играть достаточно значительную роль на мировом нефтяном рынке. Необходимо исследовать государственную политику и формирующую стратегию каждого государства, проявляющего к региону интерес, для выяснения геополитического положения в регионе сегодня.

Юго-Восточная Азия является одним из трех крупных мировых экономических центров. В связи с развитием экономики Японии, выступающей в качестве движущей силы этого экономического центра, ее потребность в энергии увеличивается изо дня в день. Япония граничит с богатой энергией Россией. Но из-за наличия территориальных споров между двумя странами Япония обратилась в сторону Ближнего Востока и Каспийского региона. Отсутствие собственных энергоресурсов и нежелание быть зависимой от импортируемой нефти из беспокойного Ближнего Востока вынуждают Японию искать альтернативные источники энергии. Именно эта необходимость после длительных дипломатических переговоров и подготовок привела Японию в строй «крупных игроков», связанный с Южным Кавказом. Как известно, с 1996 г.

Япония получила долю в «контракте века» и стала участницей распределения азербайджанской нефти. С этого момента поступление каспийской нефти и газа на рынки Китая и Японии стало актуальным.

Появление проектов, связанных с Восточным маршрутом, как одним из вариантов транспортировки запасов углеводорода Каспийского моря в XXI в., связано с усилиями Японии. Согласно этим проектам, вокруг которых велись серьезные обсуждения, в перспективе предусматривалась транспортировка также казахстанской нефти и туркменистанского газа по территории Китая на Корейский полуостров. Путем реализации этого проекта в XXI в. регион будет соединен с огромным Азиатско-Тихоокеанским регионом. С другой стороны, между Токио и Пекином появилась такая взаимная вера, что Япония решила соединить свою энергетическую систему с континентальным Китаем. В создавшейся современной ситуации Токио предпочитает выступить со специфичной концепцией. Так, в результате восстановления Великого шелкового пути реализация этой идеи для Токио может превратиться в Путь большой нефти.

В настоящее время в Каспийском регионе между Пакистаном и Индией наблюдается как бы своеобразное соревнование. Политическая элита Пакистана, укрепляя свое влияние в мусульманских государствах, завоевавших независимость, намерена приобрести поддержку в решении кашмирской проблемы. С другой стороны, как известно, Пакистан является вторым государством (после Турции), признавшим государственную независимость Азербайджана. Безусловно, этот фактор определяет роль Пакистана, как союзника США, для Азербайджана.

Распад СССР коренным образом изменил геополитическое положение вокруг Каспия. Итак, после провала 70-летней позиции и потенциала Советского Союза, не позволяющего иностранным силам вступить в регион, появились четыре новых актора международных отношений вдоль берегов Каспийского моря: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Российская Федерация. Однако эти государства в результате развала «единой семьи» подверглись негативным процессам, присущим всему постсоветскому пространству. В республиках уменьшается производительность, снижается жизненный уровень народов, повышается социальная напряженность, в некоторых развиваются шовинизм и религиозный фанатизм. Проведение ложных демократических реформ по запад-

ным рецептам без учета национальных особенностей еще более усложнило положение.

Руководители прикаспийских государств видели выход из глубокой экономической кризисной ситуации в экспорте углеводородного сырья региона и в получении большой финансовой помощи из-за рубежа. Одними из стимулирующих условий были, в первую очередь, нужда западных государств и Японии в энергоресурсах региона и место региона в мировой политике. Не является случайностью то, что во всех глобальных проектах, связанных с регионом, непосредственно выступал энергетический фактор. Суровая зима 2009 г., болезненные ощущения начавшегося мирового кризиса, «газовая война» между Украиной и Россией дали старт различным проектам, связанным с «Голубым потоком» в Европу. Первым среди них является проект NABUKKO, а вторым – пакет предложений, выдвинутый Россией для доставки газа в Евразию по дну Черного моря.

Начало в прессе широкой рекламной кампании с целью привлечения западных инвесторов в разработку энергоресурсов Каспийского региона являлось целенаправленной работой. В средствах массовой информации стали распространяться такие сообщения: «Обладающий огромными потенциалами Каспийский регион в следующем десятилетии на мировом нефтяном рынке превратится в весьма значительного игрока»; «В ближайшем будущем страны Каспийского бассейна превратятся в серьезного потенциального соперника для экспортирующих нефть стран, точнее, для ОПЕК»; «Согласно последним научным показаниям, полученным с помощью спутниковых снимков, запасы Каспийского бассейна превышают прогнозы советских геологов в 3–4 раза».

Проводимая пропаганда совпадает с геополитическими интересами мировых сил в регионе. Именно по этой причине начался поток многочисленных транснациональных нефтяных корпораций в регион: заключены 24 нефтяных соглашения, в том числе «Контракт века», в азербайджанскую экономику вложены крупные иностранные инвестиции. Государства Каспийского бассейна одновременно превратились в объект нарастающего внимания более 30 государств мира. В мировой политике создалось редкое положение, т.е. произошло совпадение двух географических осей: Север (Россия) – Юг (страны Ближнего и Среднего Востока, в том числе Пакистан и Афганистан) и Восток (Япония, КНР, некоторые страны Азии) – Запад (ЕС, США, Канада) в одной точке. Пересечение этих осей в Каспийском регионе, столь стремительная ин-

тернационализация региона обнаружили целый комплекс ранее не существовавших проблем.

В геополитическом соперничестве за регион участвовали все крупные государства мира: Россия, США, Турция, Иран, Англия, Франция, Германия, Италия, Япония, Саудовская Аравия и др.

Со стороны американских экспертов были разработаны цели и задачи государственной политики в Прикаспийском регионе. Политические организации и фонды, представляющие в этом вопросе левое крыло, например фонд «Наследие», издают статьи и доклады под названием «Новая большая игра», готовят мнение общественности США к утверждению нового стратегического разделения. Представители фонда «Наследие» считают: «...США должны обеспечить всем интересующимся сторонам свободный и равный выход к нефтяным запасам Центральной Азии и Кавказа. Таким образом, будет обеспечено развитие новых независимых республик за счет поступления в бюджет дохода от транзита нефти. Итак, усилиям России возобновить в регионе свою имперскую власть могут быть созданы еще более серьезные препятствия».

С целью обеспечения вышеизложенного администрация США применяла все способы для защиты жизнедеятельности экономических и политических систем прикаспийских государств. Программы помощи государственному строительству, различные мероприятия, выделенные гранты, финансовые поддержки Азербайджану, Грузии, Армении служили указанной цели. Ведущий эксперт Фонда Коэн полагал, что основная задача США заключается в том, чтобы в сотрудничестве с Англией, Германией и Францией предотвратить де-факто и де-юре восстановление власти Москвы на Юге СНГ.

Однако есть круги, рассуждающие более мягко. В докладе подкомитета Сената по международной экономической политике, экспорту и развитию торговли при комиссии Сената США по международным отношениям коротко изложены некоторые принципиальные позиции.

Во-первых, США отказались от грез демократии в республиках Южного Кавказа и Центральной Азии; откровенно было объявлено, что за годы самостоятельного развития в этих государствах сформировался авторитарный режим. Вместе с тем в докладе отмечается, что этот факт не может стать помехой в продолжении сотрудничества с разными государствами, в том числе с Вашингтоном.

Во-вторых, официально было признано, что для транспортировки добываемого сейчас сырья единственно реальной альтернативой является трубопровод системы Каспийского трубопроводного консорциума.

В-третьих, несмотря на наличие достаточной силы США для вмешательства в процессы региона (это проверено в сентябре 1997 г. в совместном учении подразделений армии США и Центрального батальона) вариант такого развития событий маловероятен, потому что это может привести к ухудшению или же к полному обострению отношений с Москвой.

Рассматриваемые вопросы схожи с разрабатываемыми американскими экспертами проблемами: принципы распределения каспийской территории, оценка ее нефтегазового потенциала, региональное сотрудничество, участие в кампании антитеррора и т.д.

В подходе к статусу Каспия взгляды русских и американских специалистов совпадают: Каспий является «межконтинентальным прудом», и к нему никогда не были применены правовые нормы международного моря. Статус был определен соглашениями между Россией и Ираном 1921 г. и СССР и Ираном 1940 г. То, что соглашение 1921 г. потеряло силу и в регионе появились новые независимые государства, не может привести к изменению юридического статуса моря. Настоящий статус Каспия остается в силе до добавления к нему новой модификации или до принятия нового статуса согласно правилам, определенным международным правом. В действительности такая позиция косвенно означает поддержку Азербайджана. Подписанное в июле 1998 г. соглашение «О справедливом разделении Каспия», относящееся к делимитации северной части дна Каспия между Россией и Казахстаном, юристы считают самой большой стратегической ошибкой, потому что таким путем Россия, руководствуясь международными консорциумами, отказалась выступить против проектов по обработке каспийского углеводородного сырья. Другие считают, что в создавшемся безвыходном положении это был самый оптимальный вариант, так как причислением его к другим прибрежным государствам созданы условия для сохранения свободного судоходства; таким образом, внутри своих секторов вместе с сохранением самостоятельности в вопросах нефтедобычи были обеспечены единые стандарты охраны природы и согласованные нормы рыболовства.

В настоящее время в отношении статуса Каспия Россия, Казахстан и Азербайджан выступают с единой позицией: дно моря

делится по средней линии, а водная поверхность предоставляется в общее пользование. Позиция Туркменистана постепенно приближается к позиции России. Кроме того, Ашхабад выступил с предложением выделения 20-мильной зоны в центре Каспия для свободного судоходства.

Таким образом, четыре постсоветских государства настаивают на том, что Каспий – это море. Иран же, претендующий на равное 20%-ное разделение между всеми сторонами (кондоминиум), считает, что при определении юридического статуса спорного пространства нужно исходить из того, что Каспий – это озеро. Если принять Каспий за море, то доля каждого государства определится длиной его границ, т.е. доля Казахстана составит 28%, России – 20, Туркменистана – 19, Азербайджана – 21%, доля же Ирана по линии Гасан Гасангулу–Астара составит 12%. В Иране многие, не отрекаясь от идеи, что 50% Каспия должны достаться Ирану, считают, что бывшие постсоветские республики, являясь юридическими наследниками, могут получить лишь 50% моря.

Самым раздражающим вопросом для Ирана является нефтедобыча в Каспии; и США с большим удовольствием очень часто затрагивают это болезненное место Ирана. Так, особый советник Государственного секретаря США по вопросам Каспия С. Мэнн во время визита в Казахстан объявил, что разработка Каспийского шельфа необходима до окончательного определения статуса бассейна. Напомним, что в апреле 2002 г. на Ашхабадском саммите США участвовали шестым региональным игроком. Объявляя Каспий зоной своих жизненных интересов, США включили весь Каспийско-Черноморский бассейн в свой участок ответственности.

Наблюдатели отмечали, что США старались воспользоваться противоречием между Азербайджаном и Ираном, которое заключается не только в распределении ресурсов. Причиной является также то, что большую часть жителей Ирана составляют азербайджанцы. Поэтому Каспийский регион напоминает оазис, развитие которого замедлили искусственным путем. Отметим и то, что часть доклада по правам человека, подготовленного комиссией ООН, посвящена вопросу нарушения прав южных азербайджанцев.

Большое значение в экономическом подъеме государств региона, особенно Азербайджана, имеют коммуникационные системы. Количество таких систем увеличивается из года в год, появляются новые проекты. Проходящие по территории Азербайджана коммуникационные линии удачно соперничают с другими анало-

гичными системами. Целенаправленная деятельность азербайджанской дипломатии, с одной стороны, и геополитическая реальность – с другой, способствуют успеху Азербайджана в этом направлении.

«Вопросы национальных и федеративных отношений», М., 2010 г., с. 114–123.

Ренарт Шарипов,

кандидат философских наук

(Башкирская академия госслужбы)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

События конца XX и первого десятилетия XXI в. убедительно показали, что этнические реалии, заставившие геополитиков кардинально поменять свои взгляды на картину мира, являются одним из важнейших инструментов в ходе разворачивающегося перед глазами мирового сообщества «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). На протяжении XIX–XX вв. были многочисленные попытки увести международную политику из этнической сферы, закрыть глаза на постоянно копившиеся в межэтнических отношениях проблемы, решить их за счет сложной системы сдержек и противовесов в виде многочисленных альянсов «титовых» государств-империй, стремившихся во что бы то ни стало поделить мир по водоразделам зон своих экономических интересов. Однако уже опыт Первой мировой войны показал, что межэтнические конфликты заключают в себе весьма серьезную опасность и могут разрушить в одночасье стройные геополитические здания, а в задачи их входило обслуживание интересов «успешных» (в первую очередь европейских) наций, продвинувшихся далеко вперед по пути «цивилизации» и «прогресса», в том числе за счет развития в качестве колониальных империй. Распад Австро-Венгрии, Османской и Российской империй стал горьким уроком для сообщества «прогрессивных» государств. Вторая мировая война, эпоха послевоенных потрясений в Юго-Восточной Азии, освобождение от колониального владычества Африки и Индии, драма «железного занавеса» и «холодной войны» – реалии уже не столь далекого от нас прошлого. И, пожалуй, лишь к концу XX в. мировое сообщество стало приходить к выводу, что без продуманной, научно обоснованной этнической политики дальнейшее развитие между-

народных отношений станет прыжком в бездну новых потрясений, войн и геополитических катаклизмов.

Последняя драма минувшего века – стремительный развал Варшавского блока, заключительным аккордом которого стал распад СССР по демаркационным линиям национальных республик. Этнический фактор, с помощью которого В.И. Ленин, его сподвижники и преемники пытались реализовать свои цели по разрушению «старого мира» через 70 лет торжества советской власти и коммунистической идеологии на одной шестой части планеты, стал причиной развала первого в мире государства рабочих и крестьян. «Управляемая этничность», сводившаяся к декоративному национальному фасаду в советских анклавах и пятнадцати вариантах лозунга «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» на гербе СССР, обернулась десятилетием драматических потрясений для народов – обитателей постсоветского пространства.

По мнению исследовательницы Ж.С. Сыздыковой, «...страны Центральной Азии стали ареной новой “большой игры”, в которую вовлечены не только великие державы, но и региональные “центры силы” среднего уровня. Если в XIX – начале XX в. основными игроками были Российская и Британская империи, то теперь это РФ, США, Китай, Турция, Иран, Индия, Пакистан, Саудовская Аравия и, конечно же, в той или иной мере европейские страны».

Сегодня общепризнано, что постсоветская Центральная Азия (ЦА), является зоной межэтнической напряженности. И главной причиной того, что в будущем, как и в недавнем прошлом, этот регион может стать очагом межконфессионального и межэтнического катаклизма (в более катастрофическом масштабе, нежели в начале и середине 90-х годов), угрожающего стабильности всего евразийского постсоветского пространства, является история национального строительства в 20–30-х годах прошлого века.

Большинство современных исследователей ЦА сходятся на мысли о том, что в настоящий момент государственные и этнические границы в регионе не совпадают, поскольку первые были во многом созданы искусственным, волюнтаристским путем. «В советский период были созданы эмбриональные нации-государства на основе сочетания этноязыковых принципов с экономической целесообразностью. Однако в действительности их границы оказались в значительной мере искусственными. Например, Бухара и Самарканд, в которых $\frac{3}{4}$ жителей – таджики (на момент размежевания), оказались включенными в Узбекистан, а Ферганская долина с узбекским населением разделена между Узбекистаном, Тад-

жикистаном и Киргизией. Так были заложены семена потенциальных конфликтов, которые особенно остро проявились в Ферганской долине. Этнические противостояния в Ферганской долине связаны, прежде всего, с проблемой водных ресурсов. Поводом для серьезнейших разногласий между двумя соседними республиками стал конфликт 1998 г. между таджиками Исфаринского района Худжандской области Таджикистана и киргизами Баткенского района Ошской области Киргизстана. Итак, в связке с территориальными проблемами вопросы водопользования и распределения воды особо остро отражаются на состоянии межнациональных отношений и вызывают многочисленные конфликты».

В начале 90-х годов XX в., когда на постсоветском пространстве возникла ситуация по типу «живите как хотите, а меня здесь нет», наиболее болезненно фактор покинутости со стороны «старшего брата» – России отразился именно в ЦА и Закавказье. Если страны Прибалтики, быстро отказавшись от «тяжелого» советского наследия, безоглядно пошли по пути интеграции в европейские сообщества, четко определив свои цивилизационные и этнокультурные предпочтения, то их восточные и южные коллеги по «параду суверенитетов» оказались в крайне тяжелой ситуации. Регион, согласно советской идеологии, вступивший сразу из феодализма напрямик в социализм, перескочив целую общественно-экономическую формацию, отличался крайней противоречивостью векторов своего развития: с одной стороны, отмечаемая исследователями прокоммунистическая ортодоксальность, а с другой – продолжающие почти в первозданном виде процветать патриархально-феодалные и даже родоплеменные отношения.

Индустриализация, проводимая в годы советской власти, носила преимущественно искусственный, привносной характер и выстраивалась исходя не из интересов самих республик, а по диктату Центра. За годы советской власти в ЦА так и не был создан собственный национальный кадровый потенциал в сфере производства – рабочие места в сфере, связанной с высокой квалификацией и технологиями, занимали по преимуществу представители русского и русскоязычного населения – продукт «целевой рабочей миграции», кадровой политики, проводимой партийным руководством Москвы.

Неизбежно последовавший за распадом СССР отток технической интеллигенции и квалифицированных рабочих – русских, украинцев, белорусов, татар и пр. – на «историческую родину» привел к промышленному коллапсу в новых независимых респуб-

ликах ЦА и вкупе со сверхнапряжением этнического поля дал картину системного кризиса, охватившего регион, который лихорадило на протяжении 90-х годов XX в. Конечно, основные тяготы кризиса в ЦА легли на рядовых граждан – в равной мере и на «титულных», и на «нетитулных», однако и представители клановой верхушки, захватившей власть в республиках, в полной мере ощутили степень своей «брошенности». Правительства новых независимых государств, появившихся на мировой карте, оказались на перепутье, и речь шла уже не о выборе пути развития, а об условиях чисто биологически-эволюционных: «быть или не быть?». В этих условиях политическим элитам ЦА был брошен исторический вызов, на который каждая из групп лидеров ответила по-своему. Но, в целом, в итоге политической трансформации центральноазиатской элиты наметились общие и вполне определенные тенденции.

Главной доминантой в развитии политических режимов ЦА в постсоветский период стала именно этническая карта. Большинство исследователей уверенно определяют сформировавшиеся в данном регионе режимы как этнократические. Сам феномен этнонационализма большинство исследователей связывают с ускоренным процессом национальной консолидации в условиях незаконченности процессов этногенеза относительно молодых национальных (этнических) групп, когда трансформации национального самосознания приобретают облик гипертрофированного национализма и национал-шовинизма. Таким образом, «перегибы» в этнополитике государств ЦА можно объяснить как следствие «болезни роста».

Именно с этой точки зрения можно объяснить явно или скрытно проводимую с конца 80-х годов XX в. политику правящих режимов в ЦА на «выдавливание» русскоязычной части населения, борьбу за «чистоту наций», кадровую политику в сфере государственного строительства, когда приоритет в назначении на все ключевые посты в государстве отдается «титулным» гражданам в ущерб национальным меньшинствам, которых в условиях центральноазиатских республик не столь уж и мало. С феноменом этнократии напрямую связана и проявившая себя тенденция в большинстве республик данного региона к государственному строительству по модели унитаризма. Например, согласно Конституции Киргизстана, принятой 5 мая 1993 г., он провозглашен «суверенной, унитарной, демократической республикой, построенной на принципах правового, светского государства». Ей почти слово

в слово вторит Конституция Таджикистана. Так или иначе, унитарность своего государственного устройства декларирует подавляющее большинство государств региона, за исключением Узбекистана, который, хотя бы в формальном порядке, но подтверждает суверенитет Республики Каракалпакстан вплоть до права ее выхода из своего состава «на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана».

К началу третьего тысячелетия картина «бунтующей Азии» стала вырисовываться более или менее отчетливо. На фоне относительной стабилизации ситуации в регионе определились основные пути развития всех постсоветских республик ЦА.

1. Вариант развития по типу «банановая республика» (по аналогии с латиноамериканскими странами первой половины прошлого века) со всеми необходимыми атрибутами – жесткий авторитарный режим, депрессивная экономика с явным отклонением в сторону сырьевой сферы, низкий уровень жизни подавляющего большинства населения, зависимость от политики крупных мировых держав (в первую очередь от США, все более уверенно прокладывающих дорогу во вновь открытый для освоения регион). К этому типу можно отнести Узбекистан и Туркменистан, разумеется, с учетом определенных различий в пути их развития. Например, для Туркмении это усердно провозглашаемый нейтралитет и лавирование между США и Россией, связанное с обладанием большим запасом стратегически важных углеводородных ресурсов, кроме того – вновь наметившаяся политическая нестабильность, связанная с кончиной Туркменбаши и ожидаемым в будущем крахом режима, доведенного до абсурда гротескным культом личности Сапармурата Ниязова.

В плане этнополитики для государств этого типа характерны перепады от «выдавливания» русских и русскоязычных общин к заигрываниям с ними в зависимости от внешнеэкономической ситуации. В отношениях с коренными нацменьшинствами – достаточно жесткая авторитарная политика по типу «держат и не пущать».

2. Поступательно-прогрессивный путь развития, четко обозначенный Правительством Казахстана, – интеграция в международное сообщество и небезосновательные заявки на лидерство в регионе, быстрый рост ВВП, опережающий по своим показателям российский. При этом быстрые темпы экономического роста и потенциала страны сочетаются с достаточно жесткими авторитарными тенденциями, характерными для назарбаевского режима, и

последовательным, хотя и не декларируемым, курсом на дерусификацию общественно-политической и культурной жизни страны (переход на латиницу, кадровая политика и т.д.). В целом, режим, характерный для современного Казахстана, можно охарактеризовать как «просвещенный авторитаризм» с этнической окраской. Наблюдается сдержанная, но все более четко проявляющая себя политика к отходу от пророссийского курса, что свидетельствует о возросших амбициях нашего азиатского соседа и его стремлениях позиционировать себя в качестве новой сверхдержавы.

3. К до сих пор «не определившимся» республикам можно отнести Таджикистан и Киргизию. Политические процессы в них, ввиду большой степени нестабильности общей обстановки, не имеют оформленного характера. Этнический конфликтный фактор превалирует. Негативные моменты усиливаются в связи с активным вмешательством во внутривнутриполитическую обстановку в данных республиках со стороны Афганистана и других исламистских стран, возросшим геополитическим притязанием близлежащего Китая, пристально наблюдающего за ситуацией у «шумных» соседей, и вмешательством в их внутренние дела США, отыгрывающих на регионах (и без того проблемных) варианты «оранжевых» и прочих «цветных» революций.

В целом, можно отметить, что, несмотря на упомянутую выше относительную стабилизацию в регионе, ЦА в ближайшее десятилетие будет оставаться очагом межэтнической напряженности и являться объектом пристального внимания со стороны как «старых», так и нарождающихся «новых» мировых держав. Этнические и конфессиональные проблемы (в основном связаны с агрессивным исламизмом, стремящимся в северные регионы) накладываются на экономические интересы стремительно развивающихся стран Азии (Китай, Индия, Пакистан и др.), тяготеющих к экспансии в данном регионе СНГ. ЦА также является традиционным ориентиром во внешней политике Турции, которая, несмотря на свою интегрированность в Европу и НАТО, продолжает претендовать на геополитическое господство в зоне преимущественного проживания тюркских этносов.

В данной ситуации Россия находится перед весьма сложным выбором. С одной стороны, РФ, как государство-лидер в структуре СНГ и официальный правопреемник СССР, не может не претендовать на традиционное доминирование в ЦА; к этому подталкивает вся логика развития российской внешней политики на протяжении нескольких последних столетий. Продолжение политики «надзо-

ра» за беспокойными «младшими братьями» продиктовано также соображениями стратегического характера и потребностями национальной безопасности – в ситуации, когда страны НАТО во главе с США подбираются к российским границам, стремясь «обложить» ее как с запада, так и с востока, по-другому и не может быть. С другой стороны, следует также учитывать, что политические ошибки во внешнеполитическом курсе российских лидеров в 1990-е годы привели к значительной утрате влияния РФ на ситуацию в ЦА. Почти демонстративное равнодушие к участи оставленных на произвол судьбы «младших братьев», безразличие к судьбам русских и русскоязычных общин, оставшихся за пределами России, привели к печальным плодам. В освободившуюся нишу устремились как наши традиционные, так и вновь народившиеся конкуренты, которые стали претендовать на лидерство в регионе. И теперь, стремясь выстроить новые отношения с юго-восточными соседями, обязательно следует иметь в виду фактор присутствия прочих сил. В целом, необходимо признать, что долгие годы ориентации во внешней политике на Запад привели Россию к своеобразному тупику. Вестернизирував, так или иначе, экономическую жизнь и общественные институты, Россия, тем не менее, не стала частью Европы.

На протяжении достаточно долгого времени мы игнорировали призывы, раздававшиеся с Востока (в частности со стороны Н.А. Назарбаева), побуждавшие нас к совместной реализации так называемого евразийского проекта. Теперь же, разочаровавшись (что было неизбежно) в прозападной политике, мы сталкиваемся с ситуацией, когда нас «устали ждать» и государства ЦА в той или иной степени стремятся продемонстрировать свою самостоятельность от внешнеполитического курса России.

*«Проблемы востоковедения»,
М., 2010 г., № 3 (49), с. 63–66.*

Параг Ханна,
политолог (США)

КАЗАХСТАН: СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА МНОГО ТРУБОПРОВОДОВ

В Казахстан едут не за погодой. Подобно тому, как столетия назад страны получали геополитические преимущества за счет торговых путей, в наше время контроль над нефте- и газопровода-

ми обеспечивает доходы и политические связи. Совокупные запасы нефти на Каспии оценивают в более чем 200 млрд. баррелей (по сравнению с 600 млрд. баррелей доказанных запасов в Персидском заливе), что придает всему региону громадное значение в качестве альтернативного источника нефти для Запада и Востока. Как и Саудовская Аравия, Казахстан стал энергетической кладовой, и потому все сверхдержавы стараются заполучить его себе. Расположенный на обширных просторах бесплодных степей, с легкостью покоренных в свое время Чингисханом, Казахстан – самая крупная в мире страна, не имеющая выхода к океану. Сквозь пыльные бури и метели все участники очередного тура «большой игры» прокладывают здесь новый «шелковый путь», поблескивающий маслянистыми нефтяными оттенками.

Как и украинцы, казахи давно считают местоположение своей страны на карте сущим проклятьем. Из-за своих природных ресурсов Казахстан стал еще более необходимым для всех остальных государств. В Советском Союзе его относили к Южной Сибири и называли весь регион «Средняя Азия и Казахстан», а планирование шахт и заводов в Казахстане и Сибири осуществлялось централизованно. Но с момента обретения независимости Казахстан превратил свою географию и геологию в благословение, приступив к написанию летописи успеха. Теперь его нельзя даже сравнивать с более слабыми южными соседями.

Подобно Турции, Казахстан – одно из важнейших государств, обеспечивающих транзит с Востока на Запад. Получая выгоду от прочных отношений со всеми сторонами (подобную стратегию здесь называют «многовекторной»), Казахстан стремится как можно дольше не отдавать никому предпочтения. Наиболее влиятельный из его последних министров иностранных дел Касым-Жомарт Токаев по специальности – китаист. Он сопротивляется нахрапистому дипломатическому подходу американцев, невыгодно отличающему их от основательных европейцев и обходительных китайцев. Тюркское слово «казах» значит «свободный», и сегодня Казахстан не желает ни возврата к заискиванию перед Россией, ни китайской гегемонии, ни военных баз США. Однако если поток казахской нефти перестанет увеличиваться, не попытаются ли конкурирующие империи разодрать страну на части?

Новая «большая игра» касается не столько территориальной экспансии, сколько доступа к нефтяным скважинам и расходящимся от них трубопроводам, а также контроля над ними. Казах-

ские чиновники постоянно жонглируют требованиями в отношении трубопроводных маршрутов, идущих на Восток и Запад, на Север и Юг. Все направления транспортировки делятся на три категории: фактически существующие, строящиеся или расширяемые и, наконец, секретно проектируемые в разных столицах (причем шансы на воплощение таких планов невелики.

Трубопроводы, как и волоконно-оптические кабели – составная часть почти невидимой инфраструктуры глобализации, набор новых линий на карте, подтверждающих узы дружбы. Как и в Азербайджане, ведущую роль в формулировании интересов Запада в Казахстане взяли на себя частные компании. Они скупают контрольные пакеты акций фирм, владеющих самыми большими в стране месторождениями – Тенгизским и Кашаганским. Как и в случае с проложенным через Кавказ нефтепроводом Баку–Тбилиси–Джейхан, призванным обойти Россию и Иран, маршруты нефтепроводов, которые США, Европа и Китай предпочли бы видеть в новом Казахстане, должны полностью миновать Россию. «Счастье – это когда много трубопроводов», – гласят наклейки на бамперах, распространенные в Алма-Ате еще при администрации Клинтона. Ныне новенькие танкеры выстраиваются на рейде порта Актау на восточном побережье Каспия, чтобы везти казахстанскую нефть в Баку, где она вольется в поток Баку–Джейхан, устремленный в Европу. Кроме того, чтобы умножить свою торговлю с Западом, Казахстан предложил проложить судоходный канал между Каспийским и Черным морями.

Россия давно считает себя защитницей Казахстана. Она сохраняет права на Байконур, огромный космодром бывшего Советского Союза. Однако для казахов она становится всего лишь одним из игроков на центральноазиатской шахматной доске. «Уже больше века мы сопротивляемся российской “защите”», – устало произнес казахский дипломат. Чтобы охранять танкеры, идущие в Баку, и не допустить российского владычества на Каспии, Казахстан сотрудничает с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира». Вместе с тем Казахстан – достаточно состоятельное государство, поэтому Западу вряд удастся с помощью взяток добиться его согласия на размещение на своей территории военных баз, ведь их присутствие может подорвать связи с Россией и Китаем. Хотя Казахстан и Россия (в лице «Газпрома») недавно подписали соглашения об объединении своих газотранспортных сетей, отношения по поводу существующих нефтепроводов омрачаются той же проблемой, с которой сталкивается Россия при прокачке

нефти через Украину: российская «Транснефть» блокирует расширение казахской сети до тех пор, пока ее не ренационализируют под российским контролем.

Однако тесные энергетические связи с Россией уже не подерживаются в ущерб отношениям с гораздо более значимым заказчиком Казахстана – КНР. Для китайского колосса, устремившегося к энергетическим ресурсам Каспия, обеспечение поставок сырья является не проблемой транспортировки, а дипломатическим вызовом, поскольку речь идет о регионе, в котором суверенитет – крайне болезненный вопрос. «Китайцы сказали нам тихо, но ясно, что их энергетические потребности велики и насущны, поэтому Китай готов заплатить очень хорошую цену за их удовлетворение», – поведал мне казахский чиновник в довольно элегантной, но сонной столице Астане. В отличие от американских энергетических компаний, нефтяные корпорации Китая открыто опираются на стратегическую поддержку со стороны своего правительства и им не нужно искать акционеров. Для КНР очень заманчиво выглядит перспектива получить контроль над ситуацией вдоль своей границы и импортировать нефть, минуя Малаккский пролив.

Бывшая пограничная крепость России в горах Тянь-Шаня и крупнейший мегаполис Казахстана, Алма-Ата в настоящее время представляет собой наиболее космополитический город региона. На оживленном проспекте в центре города в охраняемом здании располагается офис Китайской национальной нефтяной компании (CNPC), который функционирует как «второе посольство» КНР. За его высокими воротами совместно с казахстанскими властями годами готовятся энергетические сделки, о которых лишь затем узнает общественность. Так, Китай профинансировал строительство в рекордно короткие сроки тысячекилометрового трубопровода Атасу–Алашанькоу, который перекачивает казахскую нефть в западную энергетическую сеть Китая. На церемонии его открытия в конце 2005 г. президент Нурсултан Назарбаев заявил, что трубопровод предназначен крепить стратегическое партнерство между Казахстаном и КНР. Компании «Синопек» выделили несколько крупных районов вблизи месторождения Тенгиз для проведения разведки нефти; кроме того, с ней ведутся переговоры о строительстве трансграничной перемычки для закачки природного газа в китайский трубопровод Запад–Восток длиной 4000 км, идущий от бассейна Тарим в Синьцзяне до Шанхая.

Правда, нежелание Казахстана уступать оперативный контроль над своими трубопроводами привело к активизации китайской финансовой дипломатии, цель которой – расширить участие в соглашениях о разделе продукции. Столетие назад в эпоху политики «открытых дверей» Китай на себе познал суть подобного меркантилизма, когда иностранные державы добивались контрактов на концессионную инфраструктуру, – эти оскорбительные договоренности китайцы приравнивали к оккупации. По мере роста взаимозависимости между ключевыми поставщиками энергоносителей в регионе (Россией, Ираном и Центральной Азией) и потребителями (Европой и КНР) увеличивается и опасность конфликта между ними.

Умелое балансирование Казахстана между интересами Запада и Китая может продолжаться, пока он осуществляет поставки нефти, – но трения увеличиваются с каждым месяцем. Например, когда в 2005 г. Китайская национальная нефтяная компания приобрела «ПетроКазахстан» по цене существенно выше рыночной, Соединенные Штаты и Россия поддержали решение казахского правительства объявить компанию стратегическим активом, перераспределить ее нефтеперерабатывающие и добывающие сегменты и приостановить ее продажу. Практика национализации, которая в течение десятилетий так досаждала Западу в странах арабского мира, может в будущем обернуться оружием против КНР. Перед китайцами сейчас стоит сложная задача: остаться привлекательными партнерами для казахов, которые достаточно умны, чтобы избегать господства Китая, искушенного, в свою очередь, в насаждении своего доминирования.

Восходящие империи высматривают незащищенные пространства на картах словно медведи, пробудившиеся от зимней спячки в поисках пищи. Если в годы «большой игры» полковник Янов похвалялся планами России, то теперь аналогичным образом широко раскрывает свой рот Китай. Казахи на протяжении столетий были свидетелями то расширения, то сжатия Китая; лишь немногих из них устраивает его активная инфраструктурная дипломатия, хотя она и сулит увеличение поступлений от продажи нефти. Некоторые утверждают, что экспансионизм китайцев оправдан, поскольку в XIX и XX вв. они фактически уступили часть своей территории России и Монголии (заключив «неравные договоры»). Мурат Ауэзов, бывший посол Казахстана в КНР, утверждает: на протяжении трех столетий Китаем неизменно владело «желание расширить свои территории». Однако даже не прибегая

к открытой агрессии, Поднебесная уже посягает на ресурсы Казахстана. Для разработки нефтяных месторождений в Синьцзяне Китай может откачивать ежегодно до 2 млрд. м³ воды из Иртыша и Или; так как одна из этих рек впадает в уже изрядно истощенный Балхаш в Казахстане, подобные действия могут превратить озеро в подобие иссохшего Аральского моря.

Хотя большинство казахов проживает на юго-востоке близ китайской границы, президент Назарбаев перенес столицу в Астану, в северные степи, дабы сдержать российские амбиции и вернуться от китайских, а также обозначить свои собственные, выстраивая город, полный пафосных пирамид, башен и стадионов. Однако это не смогло помешать китайской демографической дипломатии, выражающейся в том, что китайские и уйгурские «челноки» уже основывают в Казахстане чуть ли не постоянные поселения. По неофициальным оценкам, численность мигрантов достигает 300 тыс. человек – и это на фоне 15 млн. местных жителей. Ныне в Алма-Ате можно видеть все больше вывесок на китайском языке, что отражает рост числа китайских ресторанистов, в которых кормится множущаяся диаспора. Рядом с Каспийским морем тысячи нефтедобытчиков живут в огороженных поселках, статус которых близок к экстерриториальному. Такие же поселения можно найти и в арабских странах.

Постепенный захват Казахстана Китаем происходит как раз в тот момент, когда страна превращается в подлинно казахскую нацию, преодолевая этническую и языковую разобщенность. Подобно Украине, Казахстан разделен по демографической оси – на русскоязычное и коренное население, но проводимая Назарбаевым программа оказывания и высокий уровень рождаемости среди казахов позволили им стать твердым большинством в собственной стране. «Владение казахским языком теперь стало неписанным правилом для вхождения в высшие эшелоны власти», – заметил один представитель парламентской оппозиции.

Многие названия улиц теперь заканчиваются тюркским словом «кошесы» вместо русского «проспект». За последние десять лет доля этнических русских упала до 20%, так как многие уехали в Россию, хотя есть и много таких, кто возвратился обратно в Казахстан. Как пожаловался молодой русский журналист, работающий в Алма-Ате после своего возвращения из Москвы, где он попытался осесть: «Там ущемляют мои интересы – ведь у меня казахский паспорт. Здесь у меня, в конце концов, работа лучше». Прохладными летними вечерами казахская и русская мо-

лодежь совместно проводит время в открытых кафе и ресторанчиках, легко общаясь на смеси русского и казахского языков. В Алма-Ате даже отремонтировали навевающий теплые воспоминания реликт Советского Союза – Центральный цирк.

У Казахстана есть возможность для самореализации, о которой большинство других стран Второго мира могут только мечтать. Главный фактор – социально-политическая стабильность. Экономически Казахстан уже превосходит остальные страны Центральной Азии вместе взятые, а стоимость его энергетических активов оценивается в 9 трлн. долл. Несмотря на быстрый рост нефтедобычи и прибылей от нее, а также ужасающий уровень коррупции, идет диверсификация казахской экономики, страхующая ее от волатильности мирового энергетического рынка. Следуя амбициям полуавторитарных «азиатских тигров», Казахстан создал специальные экономические зоны и информационно-технологические парки, превратив заводы по производству биологического оружия в пищевые фабрики. Страна планирует использовать для ядерной энергетики свои огромные запасы урана. Новые региональные аэропорты и широкие дороги восстанавливают связи на просторах континентальной степи. На альпийских лугах Тянь-Шаня возникают горнолыжные курорты, куда вскоре смогут устремиться европейцы, если из-за глобального потепления в Альпах станет меньше снегопадов.

Казахстан превращается в страну, где люди выступают потребителями-индивидуалистами, а не винтиками советской системы. В настоящее время на частный сектор приходится основная часть экономики и рабочей силы, а частные банки привлекают средства на Лондонской фондовой бирже. Государственная помощь малым предприятиям и приватизированным землевладениям, аграрные субсидии, а также высокие оклады в госсекторе – все это способствует повышению уровня жизни как в городах, так и в сельских районах. Уровень бедности упал, безработица – самая низкая в регионе, в страну активно едут трудовые мигранты. Вокруг Алма-Аты и Астаны возводятся новые дома – как индивидуальные, так и многоквартирные, а профессионалы регулярно ездят на работу в международные энергетические и консалтинговые фирмы. «Мы не занимаемся нелегальной перекачкой капитала за рубеж, вместо этого мы берем ипотечные кредиты, – похвастал молодой алма-атинский консультант, работающий в международном совместном предприятии. – После обучения и стажировки в

Европе многие казахи вроде меня переходят на западный стиль жизни прямо здесь».

Казахское правительство приобрело достаточную уверенность и теперь на переговорах все чаще использует силовой стиль, угрожая экспроприацией и повышением корпоративных налогов с целью увеличения своего контроля над энергетическими активами. Наличие надежных партнерских связей с международными компаниями и учреждениями лишь частично объясняет секрет успеха Казахстана. Турецкие строительные компании нанимают все большее число казахов, а зарубежные эксперты сыграли важную роль в преобразовании бывшей советской академии в Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), ставший лидером по подготовке бизнес-кадров и притягивающий к себе лучших студентов из всех соседних стран. «Зачастую подобные учреждения служат политическим амбициям лишь одного деятеля. Однако стоит только его звезде закатиться, как школа приходит в упадок, – поведал один из профессоров КИМЭП, специализирующийся на энергетических рынках. – Но поскольку с политической точки зрения мы чисты и ведем обучение в основном на английском языке, то стали единственным в своем роде региональным центром по подготовке нового поколения руководителей».

Казахстан может даже оказаться невосприимчивым к «русской болезни», при которой государство налагает свою длань на доходы от продажи нефти, дабы подпитывать возврат к царскому авторитаризму. Страна опережает Россию в проведении реформы Центрального банка и вложила свыше 4 млрд. долл. нефтяных прибылей в Государственный инвестиционный фонд с относительно прозрачным управлением. Прагматизм Назарбаева охватывает даже внутренние вопросы национальной безопасности. На момент распада Советского Союза по ядерному потенциалу Казахстан превосходил Францию, Великобританию и КНР вместе взятые. Однако будучи в течение многих десятилетий жертвой советских ядерных испытаний (напомним, что радиационное излучение стало причиной появления множества уродств мертворожденных детей), Казахстан стал сотрудничать с Соединенными Штатами в деле возвращения всех ядерных материалов в Россию. В настоящее время он выступает за наделение всей Центральной Азии статусом территории, свободной от ядерного оружия. Россия внимательно следит за Казахстаном и даже проникается к нему

уважением. Возможно, он еще послужит образцом и для самой России.

Казахстан перешел от командной экономики к рыночной, советских аппаратчиков сменили сторонники независимости, но сможет ли страна перейти от авторитаризма к реальным выборам? Казахстан достаточно богат, чтобы позволить себе демократию, но Назарбаев – руководитель советского типа и приверженец тюркских традиций патернализма, – предпочитает беспрекословно подчиненную ему Орду. В последние годы он разогнал Партию демократического выбора, отправил в изгнание главных конкурентов и бросил за решетку деятелей оппозиции, показав тем самым, что останется президентом пожизненно. На выборах 2005 г. вопрос состоял не в том, победит Назарбаев или нет, а всего лишь с каким перевесом одержит верх, причем его советники заранее поинтересовались, какие цифры будут наиболее приемлемы для международных наблюдателей. В то же время Назарбаеву не чужды добродетели: он в той или иной форме постепенно внедряет демократию среди кочевых народов. «Он – единственный руководитель, которого не свергли при помощи переворота, революции или убийства. Скорее всего, он назначит вместо себя какого-нибудь патриот-технократа и не станет провозглашать преемницей одну из своих дочерей», – уверенно предсказал один казахский политический аналитик из Алма-Аты.

Назарбаев – мощный лидер, способный повести страну практически в любом направлении, в каком захочет. Но так как он одновременно и амбициозен, и рационален, то на него все-таки можно оказать влияние извне. Хотя Америка толкует о демократии в Центральной Азии, она гораздо больше заинтересована в реализации стратегических устремлений Назарбаева, нежели в поддержке оппозиции. Евросоюз обладает рычагами влияния на Назарбаева, связанными с его стремлением к легитимности, но не спешит задействовать их. Назарбаев не только стремится к выработке плана действий для Казахстана в рамках Европейской политики соседства, но и не скрывает своего желания возглавить Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В обоих случаях ЕС неизменно набивал себе цену. Чем более причудливую архитектуру Назарбаев культивирует в Астане – например, строит светящуюся башню с гигантским золотым шаром наверху, – тем чаще европейцы намекают, что его вариант демократии не соответствует европейским представлениям. Обеспечение потоков нефти из Казахстана и утверждение в нем западных

ценностей – два совершенно различных вопроса и оба решаются с учетом казахской специфики.

П. Ханна. «Второй мир», М., 2010 г., с. 124–133.

Елена Ионова,

кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)

ТУРКМЕНИЯ: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Изменения во внутренней и внешней политике Туркмении отражают курс нынешнего руководства республики на форсирование темпов экономического развития. Главной задачей внешней политики Ашхабад объявил интеграцию республики в систему мировых экономических связей – прежде всего в международную энергетическую систему. Туркмения, по замыслу ее руководства, должна стать в перспективе крупнейшим среди государств Центральной Азии поставщиком газа на мировые рынки и ключевым игроком в этой сфере среди стран Прикаспийского региона. Отказываясь от «закрытости» республики, президент Г. Бердымухамедов предпринимает шаги по развитию отношений не только с ближайшими соседями – Россией, странами Центральной Азии, Ираном, но также с Китаем, странами Южной Азии и Евросоюзом.

Повышенная внешнеполитическая активность Ашхабада направлена на привлечение зарубежных инвестиций в ведущие отрасли экономики, прежде всего топливно-энергетический комплекс. Очередным смотром инвестиционных возможностей республики стал I Международный газовый конгресс Туркменистана, состоявшийся в Ашхабаде в апреле текущего года. В этом форуме приняли участие представители ведущих нефтегазовых компаний из 32 стран, включая Россию, а также 150 зарубежных правительственных и международных организаций, в том числе Госдепартамента США, Европейской комиссии, Международного энергетического союза, Международного газового союза и др.

Развитие энергетической отрасли рассматривается руководством республики как главное условие повышения эффективности экономики. В мае текущего года на заседании Совета старейшин Туркменистана Г. Бердымухамедов обнародовал перспективный план развития республики, изложенный в «Национальной программе социально-экономического развития Туркменистана на 2011–2030 гг.». Реализация программы будет осу-

ществляться в три этапа. На первом, который охватывает 2011–2015 гг., основная задача состоит в накоплении ресурсов для экономического рывка, повышения конкурентоспособности экономики, обеспечения роста уровня и качества жизни населения. В этот период одной из главных составляющих экономического роста должно стать увеличение инвестиционного потенциала, которое призвана обеспечить обнародованная в октябре текущего года «Инвестиционная программа Туркменистана на период 2011–2015 гг.». В ней нашли отражение основные критерии инвестиционной деятельности, а также конкретизированы основные отрасли и производства для размещения инвестиций, развитие которых призвано обеспечить диверсификацию экономики.

На втором этапе (2016–2020) планируется более интенсивный переход к рыночной экономике, включая создание соответствующих институтов. Намечено повысить роль частного сектора, вклад которого в ВВП должен возрасти до 70%. На третьем этапе (2021–2030) Туркмения должна войти в число развитых стран по таким параметрам, как производительность труда, уровень ВВП на душу населения и социальные показатели, а также окончательно интегрироваться в международное экономическое пространство.

Очевидно, что выдвигая столь масштабные цели, руководство республики рассчитывает прежде всего на использование потенциала своих природных ресурсов. По официальным данным, запасы природного газа в стране оцениваются в 24,6 трлн. м³, нефти – в 20,8 млрд. т. В республике открыто 160 месторождений нефти и газа, из которых в разработке пока находятся 70. Ежегодно в стране добывается около 70 млрд. м³ газа, 50 млрд. из которых до начала мирового финансово-экономического кризиса поставлялось на экспорт. В 2010 г. объем экспортных поставок газа сократился до 30 млрд. м³ – во многом из-за резкого снижения его закупок Россией.

Ашхабад планирует довести уровень добычи «голубого топлива» к 2030 г. до 230 млрд. м³, нефти — до 67 млн. т в год. При этом объем газа, поставляемого на экспорт, к этому сроку должен составить около 140 млрд. м³ в год. Для разработки нефтегазовых ресурсов требуются большие вложения. В этих условиях компании США, Китая, Евросоюза и других стран все более активно участвуют в инвестировании туркменской экономики в обмен на участие в прибылях от разработки месторождений нефти и газа (в республике широко применяется такая практика привлечения иностранных инвесторов, как соглашения о разделе продукции)

или, как в случае с Китаем и Ираном, в обмен на обеспечение прямого транзита туркменского газа на территории стран – потребителей энергоносителей.

Последние годы были отмечены в республике высокими темпами роста инвестиций, как государственных, финансируемых из бюджета республики, так и вложений иностранных компаний. В период с 2005 по 2009 г. среднегодовой показатель прироста инвестиций превышал 45%. Мировой финансовый кризис существенно не повлиял на объем государственных и иностранных вложений в экономику, которые в целом по итогам 2009 г. составили 47% к ВВП. При этом треть из них пришлось на долю иностранных инвестиций, которые по сравнению с 2005 г., согласно данным туркменских источников, увеличились почти в 18 раз. По мнению экспертов из Международного валютного фонда, активная инвестиционная политика была одним из факторов устойчивого экономического роста республики в период мировых финансовых потрясений.

Согласно оценке эксперта МВФ В. Бакалу, «в 2009 г. экономика Туркменистана развивалась высокими темпами, несмотря на сложную ситуацию в мире. Достижению высоких экономических показателей способствовало успешное продвижение реформ в последние два года в денежно-кредитной сфере, в отношении валютного курса и в налогово-бюджетной сфере. Высокие темпы роста реального ВВП обеспечивались политикой государственных капиталовложений и рекордно высоким уровнем прямых иностранных инвестиций». Согласно официальной статистике, в 2009 г. в республике был зафиксирован один из самых высоких показателей роста ВВП среди стран СНГ – 6,1%.

Что касается российских инвестиций, то долгое время их приток в экономику республики в основном обеспечивался компанией «Итера», которая уже более 16 лет является ведущим российским партнером Туркмении по реализации приоритетных инвестиционных проектов, прежде всего в сфере ТЭК. В настоящее время компания заканчивает строительство 200 км внутреннего газопровода из Центральных Каракумов до магистрального газопровода «Средняя Азия–Центр» в направлении России.

В последнее время руководство страны уделяет особое внимание развитию нефтяного сектора, который обеспечивает в первую очередь внутренние потребности республики и частично – экспортные поставки (на внешние рынки нефть вывозится танкерами из расположенного на Каспии крупного порта Туркменба-

ши). Речь идет о разработке ресурсов туркменского сектора Каспийского моря, которые оцениваются в 12 млрд. т нефти и 6 трлн. м³ газа. Примечательно, что именно нефтяной сектор до недавнего времени пользовался приоритетным вниманием зарубежных инвесторов. По данным, приведенным Г. Бердымухамедовым, в 2009 г. удельный вес нефти, добываемой совместными и иностранными компаниями, составлял 41% общего объема ее добычи, в то время как по газу аналогичный показатель не превышал 6%.

Руководство Туркмении стремится также привлечь иностранных инвесторов к переработке углеводородного сырья. Приток иностранного капитала в эту сферу, по словам Г. Бердымухамедова, призван способствовать «постепенному переводу Туркменистана из категории страны – экспортера сырья в страну – производителя и экспортера готовых высокотехнологичных товаров». В результате ввода в действие ряда газоперерабатывающих производств в структуре экспорта страны значительно увеличился удельный вес сжиженного газа, который пользуется на мировом рынке спросом и как топливо, и как сырье для химической промышленности. Серьезные капиталовложения делаются в производство по переработке нефти на крупнейшем в Центральной Азии Туркменбашинском нефтеперерабатывающем заводе (ТНПЗ), намечено строительство нового нефтегазохимического завода с участием японского капитала. В настоящее время республика может не только обеспечить собственные потребности в продуктах нефтепереработки, в частности бензине и дизельном топливе, но и поставлять их на экспорт.

Важнейшей составляющей энергетической политики Туркмении является развитие внутренних и внешних газопроводов. Свидетельством возросших возможностей Туркмении стало строительство собственными силами крупнейшей внутренней газовой магистрали «Восток – Запад» протяженностью около 1000 км. Стратегическое значение новой магистрали заключается в том, что она дает возможность качать газ как на запад – в Европу, так и на восток – в Китай. Первоначально намечалось, что трубопровод «Восток–Запад» будет обеспечивать газом проектируемый российский Прикаспийский газопровод для дальнейшей транспортировки в Европу. Однако Ашхабад отказался давать какие-либо гарантии в отношении перспектив использования этой магистрали и в Москве решили воздержаться от участия в финансировании проекта, хотя изначально к его инвестированию должен был подключиться

«Газпром». При этом учитывалось, что в перспективе газопровод «Восток–Запад» может быть использован и для прокачки туркменского газа в «Набукко», который, по сути, конкурирует с российским «Южным потоком».

Прокладка газопровода «Восток–Запад» значительно усиливает позиции Ашхабада как поставщика «голубого топлива». В официальных туркменских источниках подчеркивается, что новая магистраль «послужит дополнительной гарантией для бесперебойного ресурсного обеспечения не только внутренних растущих потребностей, но и международных трубопроводов, причем как уже действующих, так и новых маршрутов, которые рассматриваются в рамках энергетической стратегии Туркменистана».

После того как Россия перестала быть главным покупателем туркменского газа, приоритетными направлениями его экспорта стали Иран, Китай, страны Южной Азии и Европа. В январе текущего года начались поставки газа по сооруженной в кратчайшие сроки второй ветке газопровода в Иран, которая берет начало на одном из крупнейших месторождений на юге республики – Довлетабад. Показательно, что в 2010 г. в экспорте туркменского газа наибольшая доля принадлежала Ирану.

Благоприятные перспективы открываются для экспорта туркменского газа в Китай и страны Южной Азии, испытывающие большие потребности в энергоносителях.

Одновременно Ашхабад форсирует реализацию проекта транснационального газопровода «Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия» (ТАПИ). Эта магистраль пропускной способностью 33 млрд. м³ в год и протяженностью около 1700 км должна быть проложена от месторождений на юго-востоке Туркмении до населенного пункта Фазилка на пакистано-индийской границе. Большая часть газа будет доставляться потребителям в Индии, на рынке которой наблюдается устойчивый рост спроса на энергоресурсы, остальные его объемы в основном будут поступать на рынок Пакистана. Говоря об экономической обоснованности проекта, официальные туркменские СМИ ссылаются на заключения независимых международных аудиторов, в частности, оценку экспертами компании «DeGolyer&MacNaughton» запасов газа Довлетабадского месторождения, которое будет обеспечивать сырьем трубопровод ТАПИ. По их мнению, этих запасов должно хватить для обеспечения долгосрочных поставок по новой трубопроводной системе.

Идея этого проекта возникла еще в 90-е годы, однако она казалась неосуществимой из-за нестабильности в регионе и связанных с нею рисков. Сейчас Ашхабад подчеркивает, что «именно прокладка этого газопровода наряду с комплексом других мер экономического содействия Афганистану со стороны мирового сообщества позволит решить многие социально-экономические вопросы, а также будет способствовать укреплению мира и стабильности в этой стране и в Азиатском регионе в целом». Очевидно, руководство РТ рассчитывает на поддержку Вашингтона, который всегда был сторонником этого проекта. (Определенную сдержанность по этому вопросу, которую проявляют США, наблюдатели объясняют некоторым охлаждением в пакистано-американских отношениях.)

В ходе визита Д. Медведева в Ашхабад в октябре текущего года вице-премьер И. Сечин озвучил позицию Москвы по вопросу строительства ТАПИ. Была высказана не только поддержка проекта, но и готовность участвовать в его реализации. Москва дала понять, как отмечает большинство экспертов, что готова поддерживать любые планируемые Ашхабадом экспортные маршруты газа, за исключением европейского. Кроме того, это можно рассматривать и как сигнал Индии, Афганистану и Пакистану, свидетельствующий о стремлении РФ укреплять с ними связи, независимо от специфики отношений с каждой из этих стран.

Соглашение о строительстве газопровода ТАПИ было подписано Туркменией, Афганистаном и Пакистаном еще в 2002 г. Однако активное продвижение проекта началось в 2008 г., когда к нему присоединилась Индия. Тогда четыре страны подписали договор, по которому строительство газопровода должно быть завершено к 2015 г. Новый импульс развитию проекта был дан в мае текущего года во время визита Г. Бердымухамедова в Индию, когда две страны на высшем уровне договорились об ускорении реализации проекта. Индийская сторона не только подтвердила свою заинтересованность в строительстве ТАПИ, но и высказала готовность участвовать в разведке, разработке и добыче углеводородного сырья в Туркмении. Вопрос о газопровode ТАПИ обсуждался на состоявшихся в августе заседаниях туркмено-пакистанской и туркмено-афганской межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству. В частности, было подписано рамочное соглашение по строительству ТАПИ между Афганистаном и Туркменией. В августе и сентябре текущего года по итогам двух очередных заседаний технической рабочей группы и

11-го заседания Руководящего комитета ТАПИ представители четырех стран, а также Исламского банка развития окончательно согласовали все необходимые документы, которые должны быть подписаны в декабре на встрече глав государств – участников проекта в Ашхабаде. Однако большинство российских и зарубежных экспертов сходятся во мнении, что перспективы у проекта ТАПИ весьма неопределенные из-за напряженной ситуации в Афганистане и Пакистане.

В планы Ашхабада входит также активное продвижение на европейский газовый рынок. «Туркменистан будет и впредь развивать эффективное энергетическое сотрудничество с Европой, что особенно актуально в условиях, когда российская сторона снизила объемы закупок туркменского природного газа», – говорилось в заявлении МИД Туркмении от 28 октября 2010 г. В заявлении также опровергался ряд сообщений российских СМИ, в частности высказывание вице-преьера И. Сечина об отсутствии у Туркмении перспектив на европейском газовом рынке. Кроме того, в заявлении опровергались сообщения о том, что Ашхабад рассматривает вопрос об участии «Газпрома» в проекте ТАПИ.

Летом 2010 г. Бердымухамедов снова подтвердил свою поддержку плана подключить туркменский газ к трубопроводу «Набукко», строительство которого должно начаться в 2012 г. Одного газа из Азербайджана не хватит для заполнения трубы, которая должна обеспечить его поставки нескольким европейским странам. Проект предусматривает использование для доставки туркменского «голубого топлива» в Европу существующего транзитного коридора Азербайджан–Грузия–Турция. Однако остается нерешенной проблема транспортировки «голубого топлива» из Туркмении в Азербайджан через Каспийское море. Летом 2010 г. компания ENI предложила свой проект доставки туркменского газа в «Набукко». Он предусматривает создание новой инфраструктуры на туркменском побережье Каспия по производству сжиженного газа и перевозку его через море на танкерах. Что касается прокладки трубы по дну Каспия, то этот вариант чреват осложнениями с Россией из-за неурегулированности проблемы деления дна Каспийского моря и вопросов экологической безопасности.

В свете инициатив Ашхабада по диверсификации экспортных маршрутов газа следует рассматривать его стремление обеспечить международно-правовые основы безопасности этих маршрутов, в частности, через инструменты ООН. Г. Бердымухамедов активно продвигает идею создания комплексного документа ООН

по транзиту энергоносителей. В 2008 г. 63-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла предложенную Бердымухамедовым резолюцию «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», а в 2009 г. на 64-й сессии президент РТ выступил с инициативой создания в рамках ООН экспертной группы по разработке общего международно-правового документа в области энергопоставок. Наконец, в сентябре текущего года на очередном форуме Генеральной Ассамблеи Бердымухамедов предложил создать Энергетический совет ООН.

В целом, энергетическая политика Туркмении предусматривает последовательное снижение зависимости от России в поставках газа на европейский рынок. Однако, несмотря на имеющиеся противоречия и возможность вступления двух стран в конкурентную борьбу за этот рынок, к чему, по сути дела, побуждают Ашхабад Евросоюз и США, на сегодняшний день РФ остается важным партнером Туркмении в газовой сфере. В текущем году были возобновлены поставки газа в Россию, хотя и в значительно меньших объемах. Во время недавнего визита Д. Медведева в Туркмению Г. Бердымухамедов заявил: «В топливно-энергетической сфере Россия наш давний партнер, и поэтому на основе существующих договоренностей мы готовы наращивать объемы экспорта туркменского газа в Российскую Федерацию».

Не снят с повестки дня вопрос о строительстве Прикаспийского газопровода, который должен обеспечить увеличение общего объема поставок газа в Россию. Примечательно, что в уже упоминавшемся заявлении МИД Туркмении утверждалось, что ни о каком «замораживании» проекта речь не идет, поскольку РТ, в соответствии с договоренностями от 2007 г., уже приступила к строительству своего участка газопровода.

Таким образом, можно констатировать, что, рассчитывая на переизбыток газа Ашхабад готов поставлять его в различных направлениях, хотя на сегодняшний день республика не располагает необходимыми ресурсами для обеспечения газом всех заявленных маршрутов. По мнению экспертов, для России, не испытывающей сейчас острой потребности в туркменском газе, нужда в нем может возникнуть через несколько лет в связи с послекризисным ростом спроса на энергоносители на мировом и, прежде всего, европейском рынке.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № 4, с. 85–93.*

Алишер Файз,
доктор политических наук, писатель (Узбекистан)
**СОВРЕМЕННЫЙ ТАШКЕНТ:
НЮАНСЫ ВОСТОЧНОГО ГОРОДА**

Город несет в себе модернистские тенденции, создает условия для промышленного и технологического прогресса, стимулирует инновации и изменение образа жизни людей. Так было в древности, так и сейчас. Но современный город – это и новые угрозы, связанные с глобализацией, урбанизацией, скученностью населения, нехваткой ресурсов, экологическими, санитарными и транспортными проблемами, а также столкновением социальных и культурных интересов различных групп людей.

Как живет восточный город в наши дни? Обращаясь к Востоку, многие обычно представляют себе традиционное общество и соответствующий уклад жизни. Но современная городская жизнь требует динамизма, сложных технологических, инновационных и управленческих решений. Как сочетаются эти требования современного города с традиционной культурой Востока, подразумевающей вековые устои, коллективистский дух, тонкую нюансировку способов человеческого общения? С этой точки зрения, Ташкент, на мой взгляд, является интересным объектом для наблюдения и анализа. С одной стороны, это город древний – только что отметил свое 2200-летие, а с другой – он молод и современен, быстро развивается и меняется на глазах.

Город, как живой организм, имеет свой ритм, свои жизненные циклы, время активности и отдыха. У него есть дыхание, энергетика, сознание, идентичность, облик, набор нравов, способы празднования или поминовения каких-то событий и реагирования на чрезвычайные происшествия. Каждый город имеет свое тело, свою личность и свой дух. Порой тело вполне западное, а дух – восточный. Именно к таким относится Ташкент. Хотя в нем и есть довольно много мечетей и других памятников исламской архитектуры, а также колоритных восточных базаров, подавляющее большинство его зданий, особенно в центральной части, имеет характерные для западных городов очертания. Это прежде всего относится к офисным и многоэтажным жилым домам. Тем не менее Ташкент – восточный город. Не так давно он даже получил международное признание как город исламской культуры.

Что же делает Ташкент восточным? На мой взгляд, прежде всего люди. Не индивиды, а социум. Индивиды по отдельности

могут быть совершенно разными, представлять разнообразные культурные, религиозные, идеологические и иные начала, но все они вместе приобретают определенное интегральное качество – общую культуру. Ташкент традиционно является многонациональным и многоконфессиональным городом, и люди, которые приезжают сюда, нередко обращают внимание на большое антропологическое разнообразие лиц его жителей. Но каждое людское сообщество, в том числе ташкентское, имеет свою специфическую культуру, отличную от культуры других сообществ. Мы можем говорить о некоей общей культуре жителей одной улицы, одного поселка, одного района, одного города, одной страны, одного региона, одного континента и, наверное, одной планеты. Общая культура местности и ее жителей имеет свои как открытые, так и скрытые коды. Последние трудно эксплицировать не только извне, но и изнутри. Целое, как известно, не сводится к сумме своих элементов.

Однажды я ехал в такси и заметил, что водитель проигнорировал голосовавшего человека, стоявшего на автобусной остановке.

– А может, ему по пути и стоило остановиться? – спросил я у таксиста.

– Нет, он из другого района, думаю, Чиланзар, – уверенно заметил тот, хотя лишь мельком глянул на потенциального пассажира.

Я удивился и поинтересовался, как же он это с ходу определил? Тем более, как показалось, человек на улице был одет примерно так же, как я, т.е. внешне ничем не выделялся.

– Ну, видите ли, это трудно объяснить, но я двадцать лет за рулем и научился разбираться в пассажирах.

Каким-то образом таксист увидел в том человеке проявление особой культуры определенной местности, культуры, отличной от той, что характерна для места моего проживания. Правда, он сам не мог сказать, в чем же эта особенность заключается, но, по его твердому мнению, человек на автобусной остановке и я жили в разных частях города. Я тогда подумал, что, окажись мы вместе с тем чиланзарцем где-нибудь в другом городе на какой-нибудь вечеринке, нас, наверное, многое объединяло бы и тем самым отличало от остальных. Вспоминается другой случай, когда я зашел в один из букинистических магазинов Ташкента со своим другом из Москвы, русским по национальности. Продащица, заговорив с нами, сразу заметила, что он не местный, а приехал, скорее всего,

из России. Я спросил у нее, как же она догадалась об этом, ведь в Ташкенте живет много русских.

– Не знаю, но ваш друг как-то отличается от наших ташкентских русских, – развела руками продавщица.

Конечно, люди, проживающие в разных местах, могут отличаться формой или стилем одежды, языком или диалектом, цветом кожи или волос, ростом, телосложением, повадками, кухней, характером занятий, развлечений или другими этническими, социальными, политическими, экономическими и культурными признаками. Но город накладывает определенный отпечаток на психологию людей, на их личность и идентичность, создавая модели поведения, общую культуру как некий единый дух.

Каждый город имеет свой дух, и люди, проживающие в нем, так или иначе приобщаются к нему. Этот дух становится частью социальной идентичности городского жителя, влияет на его облик и поведение. Дух города проникает и сквозь призмы разных религиозных, этнических, социальных и профессиональных групп.

Чайхана, например, в Ташкенте у многих ассоциируется с местом мужских посиделок за пловом или неторопливых бесед стариков за пиалой чая. Неудивительно, что в чайхане царит дух мужского братства, мужских разговоров и развлечений. Такой дух кого-то сильно привлекает, а кого-то оставляет равнодушным. Но он есть, и его трудно не ощутить. Чай, чаепитие – заметный атрибут восточного бытия. Здесь с детства учат, как наливать чай, как его подавать, как пить в обществе. Как и во многих других странах Востока, в Узбекистане – свой изощренный церемониал чаепития, выражающий весьма тонкие аспекты человеческих отношений. Подавая подобающим образом пиалу чая другому лицу, человек выражает к нему уважение, подчеркивает свою готовность услужить. Невестки, например, должны уметь подавать пиалу чая не только с уважением, но и с изяществом, грациозно. Ненадлежащим же образом поданный чай сигнализирует об изъянах воспитания, о невнимательности к человеку или даже о сознательном стремлении унижить другого. Люди с детства усваивают подобные нюансированные культурные коды. Разумеется, воспитание, конкретное социальное окружение и образ жизни человека влияют на степень овладения им скрытыми кодами культуры, а также на их субъективную значимость.

В целом социальные связи и отношения весьма консервативны и довольно медленно меняются. Восточные города во многом сохранили традиционный уклад жизни и структуру отношений

между людьми, адаптировав их к современным условиям. Интересно и то, что в условиях урбанизации некоторые элементы социальных отношений стали проявляться на еще более скрытом или символическом уровнях. Так, от соседа по лестничной площадке ты отделен стенами, но хотя бы кивнуть при встрече обязан. Правда, кивок теперь может стать гораздо более многозначным, в зависимости от складывающихся отношений в связи с такими факторами соседства, как уборка мусора, шум, проведение ремонтных работ и тому подобных. Многозначность языка общения позволяет одним индивидам подавать соответствующие сигналы, а другим – сохранять лицо, делая вид, что информация не совсем понята или воспринята иным образом. Чем не дипломатия? На Востоке всем приходится быть дипломатами.

В подобной среде намек более понятен и приемлем, чем откровенные высказывания. Отсюда и огромная роль символики, символического выражения мыслей и чувств в повседневной жизни людей. В Ташкенте, например, многие девушки выражают свое согласие выйти замуж, приняв подарок парня, который ухаживает за ней. Подарок может быть дорогим или дешевым, оригинальным или не очень, но главное тут факт дарения и принятия – символический акт судьбоизъявления.

Многозначность, непрямота, иносказание и использование символов в общении остаются характерными в межличностной коммуникации восточных людей. Восток есть Восток, и неудивительно, что многим он кажется загадочным. Горожане продолжают символически взаимодействовать между собой, даже мало общаясь. Поскольку в современном многоэтажном доме соседи не всегда тесно контактируют, многое выражается посредством тех или иных жестов, иносказательных актов. Например, простая замена перегоревшей лампы на лестничной площадке становится не только выражением стремления обеспечить свет, но и жестом доброй воли по отношению к соседу. Бывает, что соседи специально не меняют перегоревшую лампу на ничейной территории – в пику друг другу.

Жителям восточного города не чужды и прямые, откровенные высказывания, особенно в эмоциональном состоянии. Но выбор у каждого есть. Правда, общество в целом поощряет более щадящие формы общения между людьми. Да и социальная иерархия, например, статусные различия между людьми старшего и младшего поколений, может повлиять на то, как люди поведут себя в отношении друг друга. Но традиционная символически насыщенная

поэзия или изобразительная миниатюра, витиеватые фразы старинных авторов напоминают: жизнь может стать красивее, чем она есть, если мы делаем или хотя бы видим ее таковой. Так что выбор действительно есть.

Истории, анекдоты, мифы, легенды являются существенной частью его живой атмосферы, духа. Даже правдивые истории, став частью фольклора и обыденного сознания, приобретают мифологические элементы или очертания. Тем самым мифология превращается в часть городской реальности. Всем известно, что люди старшего поколения по-особому относятся к прошлому. «Вот раньше было совсем по-другому», – любят говорить они и начинают рисовать несколько идеализированную картину того, что было когда-то, особенно во времена их молодости. На Востоке уважают старших, слушают пожилых людей и учатся у них, а это создает определенную устную, зачастую мифологизированную историю восточного города. И это замечательно, ибо скучен город, который лишен легенд и мифов. Некоторое время назад во время встречи с бывшими соседями и однокашниками разговор зашел об одной маленькой местной речушке, где в детстве мы купались. Заметил, как все стали преувеличивать ее размеры и приукрашивать достоинства, представляя себя юными героями, переплывавшими бурную реку. Многие, оказывается, чуть ли не тонули, но их то ли спасали, то ли они путем невероятных усилий все же doplывали до берега сами. Я, естественно, тоже внес вклад в создание этой героико-романтической картины, добавив какие-то детали. Мы не поправляли друг друга, не говорили о том, что многое было по-другому, даже если и чувствовали, что приукрашиваем. Восток любит мифы и благосклонен к легендам. А терпеливый разговор и взаимная учтивость лишь способствуют рождению и распространению устных мифов и легенд. Мифологическую функцию несут и городские памятники, старинные и новые архитектурные сооружения, фотографические образы, исторические события, слухи, названия улиц, песни и стихи о городе, фестивали и другие культурные мероприятия, спортивные состязания, рекламные щиты, местные блюда, традиции, обряды, церемонии, метафоры, слоганы, уменьшительные имена, официальный логотип и многое другое. Чем эффектнее образ, создаваемый подобными вещами и явлениями, тем более сильным получается миф, поскольку могущественные образы вполне могут существовать сами по себе, без той реальности, которая их породила.

Такие знаменитые национальные кухни, как китайская, японская, корейская, греческая, тайская, индийская, турецкая, французская, итальянская и т.п., давно превратились в элементы мифотворчества многих городов мира. Заговорив на гастрономическую тему, не могу не отметить, что в Ташкенте любят хорошо поесть, а также готовить и угощать. Как французы, затронувшие тему изысканного вина или сыра, шотландцы, смакующие истории о виски, или швейцарцы и бельгийцы, приступившие к обсуждению качества шоколада, узбеки, в том числе жители Ташкента, могут долго говорить о своем главном национальном блюде – плове. При этом обнаружится столько всяких подробностей и историй, что можно только диву даваться. Различные легенды о происхождении этого блюда лишь способствуют расширению мифологии плова.

Город является постоянным объектом мифотворчества, в этом процессе в той или иной степени участвуют все его жители, а также посетители. Некоторые городские мифы создаются или поддерживаются сознательно, потому что они несут очарование и нравятся людям, особенно туристам, другие возникают стихийно и не поддаются контролю. Сейчас многие восточные города делают все возможное, чтобы ассоциировать себя с легендарным Ходжей Насреддином. Так, памятник Ходже Насреддину в центре Бухары призван застолбить в сознании городских жителей и гостей органическую связь этого древнего города с образом знаменитого героя народных преданий и суфийских притч.

Мифы и реальность одинаково сильно оказывают влияние друг на друга, участвуют в создании друг друга. В 30-е годы прошлого века, когда в стране был голод, люди старались приехать в Ташкент, который прославился как «город хлебный». Конечно, в Ташкенте ситуация была не намного лучше, чем в других частях страны, но многие, уверовав в «город хлебный», действительно находили здесь спасение, ибо вера и установки обладают могущественной силой. Другой образ Ташкента складывался вокруг слогана «Звезда Востока». Сейчас, возможно, появилась необходимость найти более современный и привлекательный слоган, отражающий дух Ташкента и одновременно помогающий понять стратегию развития города и его позиционирования. Ташкент, на мой взгляд, мог бы позиционировать себя и как «Город душевной теплоты». Душевность и теплота, как мне представляется, – важные качественные характеристики восточного образа жизни.

Дух и культурная аура Ташкента складывались веками. Здесь проходил Великий шелковый путь, это был важнейший пункт пересечения культур, взаимообогащения народов Востока и Запада. Наши предки веками общались с торговцами, путешественниками и странствующими учеными, с поэтами и мыслителями из различных стран, вырабатывали в себе предприимчивость, разговаривали на нескольких языках. Под влиянием исламской культуры в социальной жизни важное значение приобрело искусство учтивого общения и поведения – муомала и одоб. Появились многие тонкие коды взаимодействия, для овладения которыми требовались соответствующие воспитание, обучение и среда. Выпестованные веками мировоззрение и социальные навыки стали важной частью культуры и современного поколения.

Современный город, несомненно, развивает культуру анонимности, чувство одиночества в толпе. Но в Ташкенте на улице довольно часто можно видеть непосредственное общение между незнакомыми людьми и адресованные друг другу улыбки, а на базарах тут принято торговаться. Здесь не просто любят торговаться, но уважают тех, кто умеет делать это хорошо. Разговорись вы с продавцом по душам, так тот может снизить цену на свой товар до неправдоподобной цифры. Человек на улице, как правило, здоровается с незнакомцем, прежде чем попросит подсказать, как пройти куда-то. Нередко незнакомые люди вступают в разговор и в общественном транспорте. В нем молодые продолжают добровольно уступать место старшим.

Уважение к старшим находит у нас некоторые приложения даже в бизнесе и маркетинге. В последнее время в Ташкенте появились рекламные плакаты с изображениями аксакалов, которые «продвигают» определенные товары или услуги. Использование таких почтительных слов, как «ота» и «бува», т.е. «отец» и «дед» (например, «Чайхана деда Ибрагима»), вызывает доверие к предлагаемому товару или услуге. Вместе с тем использование подобных рекламных приемов с социально значимой нагрузкой накладывает определенные обязательства и на самих бизнесменов: некачественный товар или услуга под такой маркой порождают значительное недовольство и осуждение среди потребителей по отношению к тому, кто этот товар или услугу предлагает.

Тут обычно люди сразу не приступают к деловым разговорам, а начинают беседу издалека, например, с подробного расспроса о семье и делах собеседника. Это, кроме соблюдения приличий, и своего рода психологическое прощупывание состояния

партнера, его готовности начать серьезный разговор. Словом, восточный стиль кодирования и декодирования сигналов в общении.

В Ташкенте популярно устраивать так называемый гап, буквальный перевод слова означает «разговор». Существуют постоянные группы для своего рода посиделок с обильным угощением, организуемым поочередно членами сообщества, в которое могут войти друзья, родственники, соседи, коллеги и другие люди, с кем можно посидеть, вместе поесть и конечно же насладиться беседой. Интересно, что многие люди входят в несколько гапов, каждый из которых может быть создан на профессиональной, родственной или иной социальной основе. Гап, как правило, поощряет откровенные беседы, хотя и тут, конечно, не обходится без принятых форм восточной учтивости. Но мне рассказывали о гапах, куда одновременно входят и некоторые весьма высокопоставленные лица, и совершенно обычные люди – их бывшие однокашники, причем последние вправе позволить себе весьма критические высказывания в адрес первых. Своего рода мини-ячейка восточной демократии. Трудно представить себе нечто подобное в ином месте.

По случаю семейных торжеств или памяти умерших в Ташкенте принято организовывать угощение для близких и друзей национальным блюдом – ош, или пловом, как его еще называют. В большинстве случаев на утренний плов приходят несколько сот человек. Что заставляет этих людей вставать ранним утром и идти на это мероприятие? Не еда, как может показаться неискушенному наблюдателю, а социальные отношения.

Утренний плов – это целая система кодированных взаимодействий, оценки, утверждения или закрепления социальных связей. Здесь имеет значение все: кто приходит и кто встречает, кто с кем приходит и кого как встречают, кого куда сажают и кому какие знаки внимания оказывают. Настоящий театр символической интеракции. Утренний плов – это мощный инструмент поддержки и расширения социальных связей и отношений жителей Ташкента. Здесь можно людей увидеть и себя показать, поговорить кое с кем, да и дела решить.

Расширение и укрепление социальной сети может быть своего рода реакцией на угрозу усиления обезличивания в урбанистической среде, ведь в своем социальном окружении человек всегда имеет определенную идентичность, узнаваемость. Будучи вековой традицией, ставшей культурной ценностью, сильные социальные связи помогают людям выживать и добиваться успехов в современном восточном городе. Широкие и устойчивые межличност-

ные отношения споспешествуют людям мобилизоваться, направлять в нужное русло ресурсы, совместно решать непростые жизненные проблемы. Укрепление межличностных связей является и способом сохранения культуры в целом. Поэтому сама культура поддерживает подобные интенции. Возможно, это одна из причин того, что люди стараются устраивать пышные многолюдные свадьбы, хотя для многих это очень накладно. Они ощущают определенное социальное обязательство («все так делают, поэтому и я должен», «мы обязаны выглядеть не хуже, чем остальные», «необходимо вернуть долг обществу»). Как бы там ни было, в последнее время в Ташкенте построено много дворцов для проведения свадебных торжеств: есть спрос – есть и предложение.

Ташкент, особенно его старая часть, поддерживает тесные социальные отношения между людьми не в последнюю очередь благодаря общинной организации мест компактного проживания, которые называются махалла. В последнее время традиционная махаллинская идентичность укрепились, получила дальнейшее развитие, в то время как, скажем, вузовская идентичность, т.е. ощущение единства со своим университетом или институтом, с однокашниками, еще не столь сильно развита как во многих странах Запада. Жители махалли вступают в довольно тесные социальные связи между собой, образуют плотную сеть человеческих отношений. Они помогают друг другу и хоронить умершего, и возвести или отремонтировать дом (это называется хашар), и решить другие проблемы. А лицо, которое не участвует в совместных мероприятиях, игнорирует похороны или свадебное торжество в доме соседа или в махалле в целом, рискует оказаться в изоляции, печально прославиться как человек, утративший человечность. На Востоке мало кто захочет получить такое «признание». Все это создает взаимную зависимость людей, необходимость учитывать желания и возможности друг друга, последствия тех или иных поступков.

Принято считать, что для Востока характерен коллективизм, а для Запада – индивидуализм. С точки зрения доминирования в общественном сознании групповых или индивидуальных ценностей, это вполне соответствует действительности. Но ошибочно считать, что на Востоке вовсе нет или мало индивидуализма. Дело в том, что восточный индивидуализм проявляется в своеобразной, нередко скрытой форме, так же, как и западный коллективизм представлен в менее приметном виде. Подобные неявные формы коллективизма и индивидуализма люди предпочитают открыто не

демонстрировать или проявлять в той мере, в какой это может сочетаться с доминирующими общественными установками. Во многих восточных странах, например, открыто провозглашается примат интересов общества, и люди в своем социальном поведении стараются не выделяться из окружения, быть лояльными к группам, которым принадлежат, не выпячивать свои личные особенности и интересы. Вместе с тем на Востоке много ярких индивидов, люди ставят личные цели и достигают их, а молодежь, особенно городская, любит одеваться разнообразно, проявлять индивидуальность в прическах, стиле жизни. Внешняя атрибутика не может не влиять на сознание людей, однако пока она не привела к размыванию их восточной идентичности. Вряд ли это может произойти и в будущем, если структура и сила социальных отношений принципиально не изменятся.

Внешние формы восточного индивидуализма часто проявляются в деталях одежды и украшений. Одежда женщины может в целом мало отличаться от общепринятой, но отдельные детали ее наряда, особенно украшения, способны сигнализировать о ее статусе, возможностях и индивидуальном вкусе. Женщины тут любят одеваться в яркие цвета, что в большей мере способствует, а не препятствует раскрытию их индивидуальности. В одежде городских женщин сейчас реже можно видеть национальные узоры, но они еще довольно распространены.

Город вообще оказывает огромное влияние на образ мышления и поведение людей. Городская жизнь заставляет их быть более конкурентоспособными во всем: в учебе, социальной жизни, профессиональной деятельности. Человек, не продемонстрировав индивидуальных способностей и умений, рискует оказаться на обочине жизни. Порой человек даже не может попасть в переполненный общественный транспорт, если не проявит силу и настойчивость и не опередит других. Надо обладать личной эффективностью и для того, чтобы устроить ребенка в хорошую школу, продвигаться по служебной лестнице и даже найти стоянку для своей машины. Все это заставляет людей, особенно молодых, более открыто демонстрировать индивидуализм. Индивидуализм человека проявляется и в использовании предметов престижа: дорогих часов, статусных автомобилей, стильной одежды, эксклюзивных ручек и т.п. Обладатели подобных «аксессуаров», несомненно, могут образовать своеобразную элитную социальную группу, ранее не представленную в обществе. Но в условиях вос-

точного общества вряд ли такие группы могут сильно обособиться от более широкого социума.

Конечно, сейчас многие страны Востока обладают большим и динамично растущим рынком товаров роскоши, а новое поколение среднего класса пытается более открыто проявлять свой индивидуализм посредством обладания дорогостоящими штучными изделиями. Но Восток, как известно, дело тонкое, и восточный индивидуализм все же в целом не обнаруживает себя так откровенно, как западный. Житель восточного города не перестает демонстрировать свою приверженность коллективным ценностям, добываясь при этом, однако, и личных целей, т.е. проявляя индивидуализм. Поэтому его слова и действия нередко кажутся многозначными, а многозначность обладает психотерапевтическим эффектом, позволяя окружающим интерпретировать информацию по-своему, в соответствии со своими ожиданиями.

Культура и дух Востока содержат в себе очень многие скрытые коды. Возьмем, например, такое характерное явление устного народного творчества, как аския — искусство тонкого юмора, зачастую с весьма завуалированным смыслом, проявляемое во время публичных диалогов. Слушая мастеров аския, нередко вопрошаешь себя: «Как вообще можно такое перевести на другой язык или хотя бы передать смысл?»

В Ташкенте, как и во многих азиатских городах, смешалось все: восточная поэзия и западная музыка, монголоидные лица и европейская одежда, нации и религии, культуры и стили, коллективизм и индивидуализм. Но это не хаотическая смесь, а определенная целостность, которая имеет свое единое качество, это цельный дух, обладающий своими скрытыми кодами, сотканными из тонких, но крепчайших нитей социальных взаимоотношений. Эта новая целостность вбирает в себя традиционалистские и модернистские тенденции, позволяя тем самым следовать к очень важной цели: не отрываться от прошлого, но и не отставать от времени. Ибо нарушение баланса между традиционным укладом жизни и готовностью идти в ногу со временем несет в себе риск: либо общество может оказаться отброшенным в прошлое — либо люди могут утратить свою идентичность.

Ташкент, 2010

«Дружба народов», М., 2011 г., № 1, с. 176–184.

Георгий Рудов,

кандидат политических наук (МГИМО (У)),

Салтанат Ташматова,

кандидат политических наук (Киргизия)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА СТАБИЛЬНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Среди значимых внешних факторов стабильности в регионе Центральной Азии (ЦА) исследователи называют три страны – это Россия, США, Китай и такие наднациональные структуры, как НАТО, ЕС, СНГ, ОДКБ, ШОС. В данной статье остановимся подробно на роли РФ, США, ОДКБ и НАТО.

По мнению многих западных аналитиков, Россия возвращается сегодня на большую международную арену. Повод для такого вывода дают экономические успехи страны. Так, ее экономический подъем до начала мирового финансового кризиса впечатлял: после падения ВВП почти на 40% с 1991 по 1999 г., к концу 2006 г. его объем, по оценкам Совета по международным отношениям, должен был вырасти на 65%. Страна быстро богатела, а ее компании осуществляли масштабные инвестиционные проекты за рубежом. Естественно, что по мере улучшения экономического положения России ее влияние на приграничные страны возрастало. Российский бизнес расширял свои позиции в соседних странах, вызывая на Западе опасения по поводу стратегического проникновения в регион. Однако решения об экономических связях с Россией должны принимать сами эти страны, и только они.

Одновременно после расхождений и разногласий, свертывания связей по военной линии, а также ослабления внимания в 1990-е годы России к азиатским и другим республикам бывшего СССР из-за чрезмерной увлеченности идеей установления «стратегического партнерства» с Западом, Москва развернулась лицом к своим соседям по «ближнему зарубежью» и наращивает интеграционные усилия, стремясь консолидировать на этой основе постсоветское пространство.

Стратеги и идеологи Запада обеспокоены также тем, что возникшие на месте СССР новые государства с рыночно ориентированной экономикой во главе с Россией являются мощным и влиятельным фактором, интересы которого объективно мешают установлению США их стратегического главенства. Поэтому действия США и Запада в регионе ЦА имели и имеют первоочередной целью экономическую дезинтеграцию пространства СНГ, ослаб-

ление экономического единства внутри самой РФ, а далее и политическую фрагментацию евразийских государств.

Так, З. Бжезинский предлагает проект необходимого расчленения России и постепенного включения ее частей вместе с другими странами СНГ в три существующие зоны (американскую, европейскую и тихоокеанскую), считая, что таким образом США смогут заметно расширить арену своего влияния. США и Европа едины в желании вытеснить Россию со всех азимутов центральноазиатской политики. Европейцы, например, явно «в пику» России попытались выступить в качестве арбитра в регионе, направив туда своего «спецпредставителя по Центральной Азии». Некоторые западные аналитики, в том числе известный французский эксперт по проблемам ЦА О. Роу, считают, что российское влияние в регионе имеет тенденцию к уменьшению. По их мнению, «Москва не имеет ни средств, ни желания осуществлять неокOLONиальную экспансию в регионе, а также гарантировать военную защиту в случае агрессии извне». И все же, как отмечают российские исследователи, западные аналитики, политические и военные лидеры сходятся во мнении, что ни США, ни другие западные страны, ни НАТО, ни ООН, ни прочие международные организации пока еще не в состоянии поколебать преобладающие позиции России в ЦА и Закавказье.

В целом же трактовка противостояния России и США в ЦА как одной из главных составляющих региональной ситуации в современных условиях контрпродуктивна и настраивает на восприятие всего комплекса международных отношений в духе *Realpolitik*, или силового противоборства. Более актуальным является рассмотрение позиций России в духе развития сотрудничества всех заинтересованных сторон, поиска возможностей взаимодействия и координации усилий по отражению общих угроз. По нашему мнению, принципиальным для формирующейся новой системы международных отношений в Евразии является следующее: будет ли Россия способствовать или, по крайней мере, не станет ли препятствовать укреплению независимости, суверенитета и территориальной целостности постсоветских государств, или она будет стремиться поставить их под свой контроль, используя для достижения этой цели возможности крупнейшей евразийской державы.

В то же время единственная супердержава – США – априори исходит из постулата о том, что особые, «жизненно важные интересы» в любом районе мира может иметь только Америка, всячески препятствуя реализации особых интересов, в том числе обес-

нованных, другими государствами. В Вашингтоне как малозначительные рассматривают факты многовековой совместной истории государств, входивших ранее в состав Российской империи и затем в состав СССР; сохранения многих выгодных аспектов единого хозяйственного механизма; трудовой миграции. Все это замалчивается, не говоря о многих миллионах русских людей, продолжающих составлять важнейшую часть местной интеллигенции в большинстве центральноазиатских стран. Игнорируется и вклад России в практическое обеспечение безопасности в регионе.

Американское руководство тем не менее осознает всю значимость российского фактора в международных делах. Однако особую важность для США представляет стремление России обеспечить мир и стабильность в своем ближайшем окружении, что, прежде всего, выгодно самой Америке. В превращении ЦА в зону стабильности не последнюю роль играет СНГ.

Россия уделяет большое внимание институционализации отношений на пространстве СНГ. Как отмечал К. Косачёв, среди ратифицированных Государственной думой РФ за период с 1995 по 2005 г. международно-правовых актов договоры и соглашения России со странами – членами СНГ составляют 46% от общего количества двусторонних международных договоров и 27% от общего количества многосторонних договоров. Этот факт, несомненно, отражает непрерывный процесс законодательного оформления. Важно и то, что наиболее активно развивается сотрудничество этой группы стран с Россией в сферах обороны и безопасности.

Поскольку главной проблемой, стоящей перед регионом ЦА, является проблема стабильности и обеспечения безопасности, необходимо конкретизировать усилия России и стран региона по созданию эффективной системы коллективной безопасности в регионе. В 1990-е годы заинтересованность в развитии механизмов ДКБ в силу разных причин была слабой, он не нес нагрузки объединяющего фактора, а заседания его органов проходили как «приложение» к повестке дня органов СНГ. Главным стимулом и опорой обозначившейся активизации деятельности ДКБ стало усиление России, ее интеграционного вектора на направлении «ближнего зарубежья» в конце 1990-х годов. К числу внешних причин, способствовавших «ренессансу» ДКБ, отнесем следующие факторы:

– обострение ситуации в Афганистане;

– активизация деятельности поддерживаемых талибами и другими фундаменталистскими центрами в арабо-мусульманском мире бандформирований мусульманских экстремистов – выходцев из стран ЦА (в 1997 г. возникло Исламское движение Узбекистана, поставившее целью свержение режима И. Каримова и создание «исламского халифата»);

– обострение военно-политической ситуации на юге Киргизии осенью 1999 и весной 2000 г.;

– первая «волна» расширения НАТО, приближение Альянса к западным границам СНГ и государств – участников ОДКБ с перспективой последующих «волн», сохранение напряженности на кавказском направлении.

В целом военно-политическое сотрудничество между группой стран бывшего СССР в рамках ОДКБ пошло по традиционному пути: от формального подписания соответствующего соглашения к созданию на его основе организационных структур (таким же путем эволюционировал, например, блок НАТО).

На данный момент ОДКБ представляет собой многофункциональную военно-политическую интеграционную структуру. Организация располагает сложившейся иерархией руководящих, исполнительных и консультативных органов. В ОДКБ сложились компактная и гибкая организационно-управленческая структура, отлаженный механизм внешнеполитического взаимодействия, необходимый инструментарий в вопросах военного и военно-технического сотрудничества и потенциал противодействия современным вызовам и угрозам. Укрепление ОДКБ, повышение ее эффективности отвечает фундаментальным стратегическим интересам России, подтверждением этого стало открытие базы российских ВВС в Канте (Киргизия).

Следующим по значимости после антитеррористической деятельности является борьба с наркоугрозой, исходящей в основном из Афганистана, по периметру северных границ которого планируется создать своего рода «антинаркотический пояс». Российские военные эксперты ставят вопрос о реальных шагах в этом направлении, проведении совместных специальных антиннаркотических операций по выявлению и уничтожению посевов мака, центров переработки и хранения наркотиков, средств их доставки (с использованием сил и средств России, США, НАТО, антиталибской коалиции).

Как свидетельствует мировой опыт и, в частности, собственнo опыт постсоветского пространства, распространению двух вы-

шеназванных угроз, а также росту трансграничной организованной преступности сопутствует, как правило, нелегальная миграция, слабая защищенность границ государства. Поэтому еще одним актуальным вектором деятельности ОДКБ является работа по формированию в рамках ОДКБ единой пограничной и миграционной политики.

Отметим важное значение для ЦА развития связей в рамках Шанхайской организации сотрудничества, особенно с учетом создаваемого в ШОС антитеррористического потенциала, а также заявленной этой структурой заинтересованности и готовности в принятии практических мер по укреплению безопасности и стабильности в Азиатском регионе. Однако усиление тематики безопасности в деятельности ШОС может на данном этапе привести к негативной дипломатической реакции, в связи с чем контакты государств — участников ОДКБ и ШОС по линии миротворчества будут, по всей вероятности, развиваться по линии отработки элементов контртеррористических и миротворческих операций в ходе совместных учений на двустороннем уровне, без перевода этих контактов на регулярную или договорную основу.

В целом пример создания и функционирования ОДКБ свидетельствует: страны Центральной Азии практически сделали свой выбор в пользу формирования собственной региональной структуры безопасности. Этот выбор обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, позицией самих центральноазиатских государств, чье видение путей достижения безопасности в регионе и, соответственно, ее архитектуры отличны от американского, западного.

Во-вторых, проникновение в регион такой мощной державы, как США, делает возможным и ослабление влияния соседних с ЦА стран в их традиционной геополитической сфере интересов, прежде всего России. В связи с этим последняя активизировала усилия по формированию структуры коллективной безопасности, отвечающей интересам и России, и стран региона.

В-третьих, подобная структура предполагает и закрепляет в своих официальных документах полное равенство и равноправие ее участников, а также соответствие существующим нормам международного права (в отличие от НАТО, где командуют США, а сама организация официально утвердила возможность действовать в обход инстанции ООН, Устав которой является основой всей системы современного международного права).

Подводя итог рассмотрению состояния и перспектив ОДКБ, необходимо подчеркнуть, что именно в рамках этой структуры целесообразно полномасштабное сотрудничество стран региона с США и странами Запада, прежде всего с НАТО, на паритетных началах и в качестве звеньев глобальной системы безопасности. На возможность и необходимость такого сотрудничества указывают ряд американских и российских экспертов. Наряду с разногласиями существует и общность интересов. Соединенные Штаты разместили свои базы в Центральной Азии. НАТО взаимодействует с центральноазиатскими государствами в рамках «Партнерства ради мира». Одновременно страны СНГ укрепляют ДКБ и расширяют свои двусторонние военные связи с Москвой. Несмотря на различия между собой, и Россия, и США сталкиваются с одной и той же угрозой – терроризмом, взращиваемым на почве исламистского радикализма. Поэтому их общий интерес – не допустить, чтобы террористические силы обосновались в каких-либо новых регионах СНГ. Другие вопросы на этом фоне выглядят второстепенными.

Однако, к сожалению, между Россией и США нет еще взаимопонимания относительно объединения двусторонних и многосторонних усилий для укрепления безопасности на постсоветском пространстве. Если способность России в сотрудничестве со странами СНГ обеспечить безопасность в сопредельных регионах возрастет, Соединенным Штатам (а также их европейским и другим партнерам) необходимо будет более тесно сотрудничать с Москвой и правительствами регионов. Это сотрудничество могло бы осуществляться в различных многосторонних форматах и включать в себя улучшение обмена разведывательными данными, подготовку региональных сил безопасности на мировом уровне, проведение военной реформы, а также ускорение социально-экономического развития, нацеленного на интеграцию постсоветских государств в глобальную экономику. Такое сотрудничество могло бы снизить вероятность их дестабилизации или превращения в террористические анклавы.

Ясно, что развитие диалога в конечном счете приведет к регулярным контактам между специально назначенными офицерами связи американских и российских вооруженных сил, дислоцированных в Центрально-Азиатском регионе. Оптимальными были бы общая оценка возникающих угроз, проведение совместных учений и выработка стратегии противодействия новым угрозам, исходящим из этого региона. Полезно было бы также проводить нефор-

мальные консультации между посольствами двух стран в регионе по вопросам, грозящим конфликтами и дестабилизацией в Закавказье и Центральной Азии. Россия неизменно подчеркивает свое желание развивать сотрудничество с США по всем возможным направлениям в регионе. Есть положительные примеры. Подводя итог рассмотрению роли российского фактора в формировании и реализации Вашингтоном своей политики в ЦА, следует отметить, что в XXI в. для всех стран региона Россия останется важнейшим по всем параметрам партнером и соседом. Она признанный гарант устойчивого и стабильного развития. Но и для России очень важно, чтобы Центрально-Азиатский регион был зоной стабильности, не отягощенной какими-либо внутренними или сопредельными очагами напряженности, открытым для международного сотрудничества. Россия снова превращается в стратегическую ось для всего постсоветского пространства, снова становится региональным лидером. Она добилась резкого усиления антитеррористической направленности деятельности Шанхайской организации сотрудничества.

Итак, выделим сильные, в сравнении с американскими, стороны российского статус-кво в регионе:

1) ясность декларируемых внешнеполитических целей, ориентированность на развитие интеграционных процессов при наличии общих угроз и однотипности проблем переходного периода;

2) наличие нескольких «продвинутых» структур и механизмов сотрудничества, согласований в военно-политической и внешнеполитической областях, возможность частых регулярных контактов руководителей России и стран региона в рамках этих структур;

3) ведущая роль России как военной державы на пространстве СНГ, восприятие ее как главного гаранта стабильности и безопасности (что подтвердилось, например, при урегулировании конфликта в Таджикистане), широкие возможности для развития военно-технического сотрудничества;

4) социально-историческая близость, сходство менталитета народов России и Центральной Азии, распространение русского языка (де-факто это язык межнационального общения на постсоветском пространстве);

5) наличие тесного экономического сотрудничества, включая реализацию крупномасштабных проектов в ведущих отраслях на основе соседства территорий и исторической связанности народно-хозяйственных комплексов;

6) миграция населения из Центральной Азии в Россию (прежде всего экономическая, временная – с целью сезонных заработков, но также и на постоянное место жительства как в страну с более высоким уровнем жизни);

7) принадлежность России и стран Центральной Азии к одной группе стран с переходной спецификой (при ее включенности в Совет Безопасности ООН, «Большую восьмерку» и ШОС);

8) относительно хорошие отношения с Китаем и Ираном.

В то же время и США имеют ряд преимуществ перед Россией, а именно:

1) значительно превосходящие российские финансово-экономические, технологические и военные ресурсы;

2) гораздо более привлекательный имидж Америки и ее союзников;

3) наличие в России националистических кругов, открыто рассуждающих о возрождении империи, а также сохраняющиеся опасения и подозрительность в отношении к исламу.

В целом РФ необходимо модернизировать свою внешнюю политику, следует проводить более акцентированную и внятную для внешних сил политику в отношении постсоветских государств ЦА. Необходимо и в дальнейшем сосредоточивать внимание на развитии перспективных интеграционных тенденций. Одним из приоритетов должны стать российские экономические интересы, которые надо защищать и отстаивать конкретными действиями через закрепление российского бизнеса и деятельности субъектов Российской Федерации в регионе. Как отмечает С. Караганов, в условиях глобализации и порождаемого ею нового качества международных отношений России в отношении ЦА следует исповедовать не консервацию отсталости, не торжество «евроазиатчины» под видом «самобытного пути», не антизападный курс или отказ от европейского выбора, а движение по пути ускоренной модернизации, без которой не будет ни процветания, ни демократии. Это призыв к реальной многовекторной стратегии, нацеленной на использование в интересах страны новых тенденций мирового развития.

*«Края дуги нестабильности: Балканы–
Центральная Азия», М., 2010 г., с. 200–213.*

Т. Имаков, С. Семедов,
востоковеды
**ХОМЕЙНИЗМ – ИДЕОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА**

В связи с тридцатилетием исламской революции и геополитическими играми вокруг иранской ядерной программы в научных и журналистских кругах опять появился интерес к государственной идеологии современного Ирана – хомейнизму (хотя этот термин не является устоявшимся), который стал основной шиитской политической концепцией. Его идеология была разработана аятоллой Р.М. Хомейни и воплощена им на практике в виде Исламской Республики Иран (ИРИ). Хомейнизм представляет собой современную эклектичную политическую религию, гибко реагирующую на изменения ситуации в мире.

Подробный разбор хомейнизма и доказательство его эклектичной природы представлены Э. Абрахамяном, который пишет, что Хомейни «...заимствовал идеи, слова и лозунги из немусульманского мира... Конечный продукт имел меньше общего с традиционным фундаментализмом, чем с популизмом “третьего мира”». Это неудивительно, учитывая влияние очень популярного в 60–70-х годах XX в. иранского философа А. Шариати на формирование политических взглядов Хомейни. «Ислам – религия непримиримых личностей, стремящихся к правде и справедливости. Это религия тех, кто хочет свободы и независимости. Это школа борьбы против империализма. Но слуги империализма представили ислам в совершенно ином свете. Они создали в умах людей неверное понятие об исламе. Извращенное понятие об исламе, которое они преподавали в религиозных учебных заведениях, было направлено на то, чтобы выбросить из ислама его революционную сущность и помешать мусульманам восстать и завоевать свободу, исполнять обряды ислама, создавать правительства, которые обеспечили бы счастье, процветание и достойную человека жизнь в мусульманских странах», – так писал Хомейни.

Практика исламского государства в Иране сопровождалась введением большого количества новшеств, в том числе западных заимствований, которые, по ранее опробованной модернистами схеме, инкорпорировались в ислам как нечто «имманентное» ему. Статья 2 Конституции Ирана гласит, что государство основывается, среди прочего, на вере в продолжающийся иджтпихад (право и способность компетентного правоведа – факиха самостоятельно

интерпретировать мусульманские законы, решать спорные религиозные, а иногда и политические вопросы на основе Корана и Сунны и руководствуясь методами фикха – мусульманского право-ведения. – *Т.И.*, с.с.). Р.М. Хомейни, следуя учению идеолога египетской организации «Братья-мусульмане» С. Кутба (1900–1966), считает, что необходимо постепенно вытеснять неисламское правительство, создавая сеть альтернативных экономических, социальных, юридических, культурных и других институтов. Он пишет, что необходимо:

- 1) прервать свои отношения с государственными учреждениями;
- 2) не сотрудничать с ними;
- 3) не делать ничего, что могло бы пойти им на пользу;
- 4) создать новые правовые, финансовые, экономические, культурные и политические органы».

Фактически Хомейни призывал мусульман к кампании гражданского неповиновения.

Эта теория была удачно применена на практике. В середине 70-х годов XX в. управляемая Р.М. Хомейни религиозная сеть оказалась единственной политической альтернативой шахскому режиму. В Иране установилось двоевластие; экономическая и политическая жизнь страны была парализована забастовками. В декабре 1978 г. шахиншах Р. Пехлеви принял неожиданное решение: он без всяких консультаций и переговоров предложил Ш. Бахтияру, одному из лидеров Национального фронта, сформировать по своему усмотрению правительство. Борьба шаха с Хомейни подходила к завершающей фазе. Отказываясь добровольно от шахской власти, Р. Пехлеви в то же время отдавал предпочтение оппозиционной умеренной части буржуазии и передавал ей властные полномочия, полагая, что это последний шанс противостоять претензиям политизированного духовенства. 31 января 1979 г. после 15-летнего изгнания аятолла Хомейни из Парижа возвращается в Иран и призывает к новой фазе революции – переходу к исламскому правлению – и создает Высший революционный совет, объявив его правительством. 1 февраля специальным указом Р.М. Хомейни назначил лидера Движения за свободу Ирана М. Базаргана премьер-министром страны. После бурных событий 10–11 февраля 1979 г. (вооруженное столкновение на военновоздушной базе Душан-Тепе в Тегеране, переход солдат на сторону восставших) закончилось двоевластие: назначенный шахом премьер Ш. Бахтияр бежал из страны. В тот же день по нацио-

нальному телевидению было объявлено о победе исламской революции и об установлении исламского правления, а аятолла Хомейни стал первым духовным лидером ИРИ – рахбаром. Так в Иране установилось своеобразное многовластие.

Революция принесла в страну экономическую разруху и политический хаос, межфракционную борьбу и террор. Вооруженные отряды молодежи, разделенной на множество политических и религиозных групп, фактически выполняли роль полиции и армии. Повсеместно возникли революционные комитеты и трибуналы, которые, не утруждая себя формальными правовыми нормами, расстреливали бывших сотрудников шахской организации САВАК, бывших офицеров и государственных служащих. В этих условиях главная задача Хомейни состояла в трансформации стихийно возникших в ходе протестного движения многочисленных органов и подчинении их центральной государственной власти – исламским государственным структурам. Основная стратегия политической деятельности Хомейни сводилась к строгому и неукоснительному соблюдению правил и законов шариата. Идея исламского государства времен пророка проходила практически через все проповеди, выступления и доклады аятоллы.

На референдуме 2–3 декабря 1979 г. более 99% избирателей проголосовали за Конституцию, основанную на шариате. Иранское исламское государство, созданное в конечном итоге, стало обладать парламентскими институтами, которые, однако, действуют под контролем духовенства. По Конституции 1979 г. управление страной лежит на факихе (учителе, знатоке права), которым стал сам аятолла Хомейни, выступивший, по словам иранского профессора Х. Сейфзадэ, как «бескомпромиссный радикальный революционер», установивший «...конституционное религиозное лидерство, поддержанное народом и воплощаемое правящим факихом». С теологической точки зрения, факих «замещает» скрытого двенадцатого имама, тем самым позволяя создать справедливое общество не дожидаясь его «явления». Аятолла писал, что «...долг факихов распространять религию и наставлять людей в подходах, обрядах и институтах ислама, дабы пробить дорогу в обществе для применения исламского закона и установления исламских институтов». Аятолла Хомейни считал, что в период «сокрытия» справедливый факих обладает авторитетом, равным авторитету Пророка и имамов, хотя он уравниен с ними не в святости, а в функциях по руководству страной. Поскольку исламское законодательство неизменно, то факих способен правильно применить его и соот-

ветственно имеет легитимное право на власть. В работе «Исламская власть» аятолла решительно высказался против монархии и престолонаследия как порочного метода правления, противоречащего исламу.

Хомейни не занимал официальных постов, но считался рахбаром (вождем, лидером) Ирана с широкими полномочиями. По ст. 110 Конституции ИРИ он получил широкие права в области законодательной, исполнительной и судебной власти, в решении вопросов войны и мира, в назначении и смещении высших должностных лиц. Кардинальное же отличие шиитской версии исламской демократии от суннитской состоит, таким образом, в том, что высшая власть принадлежит факиху, который, в отличие от президента и парламента, не избирается народом. В Конституции Ирана заложен механизм некоторого влияния народа на выбор факиха: на всеобщих выборах избирается Совет экспертов, в который входят лица, обладающие достаточной компетентностью, чтобы избрать лидера страны. Члены этого Совета назначают лидера и представляют его народу.

Имел ли право Хомейни на власть в Иране с точки зрения шиитского богословия и исламской традиции? Да, имел, так как он является представителем древнего рода сеидов, ведущего свою родословную от седьмого святого имама Мусы Кезима, а следовательно, от самого Пророка Мухаммеда по ветви его зятя Али и дочери Фатимы. Принадлежность к роду Пророка позволяла носить черную чалму, тогда как остальные носили белую. Современный характер хомейнизма проявился в отношении одного из самых болезненных вопросов ислама – положения женщины. Статья 21 Конституции обязывает государство создавать условия для полного содействия развитию женщины как личности и претворения в жизнь ее материальных и моральных прав. Женщины сыграли значительную роль в исламской революции, и в последующие десятилетия в Иране шел процесс «эмансипации женщин по-мусульмански». Однако положение женщины в современном Иране не намного отличается от ее положения в других мусульманских странах.

Экономическая практика хомейнизма основана на понятии так называемой тоухидной экономики. Эта концепция была изложена экономическим советником Хомейни А. Банисадром в книге «Тоухидная экономика», написанной незадолго до революции, где он противопоставлял экономику, базирующуюся на исламских принципах, экономике, сложившейся в шахский период. Тоухидная экономика являлась смешанной, но преимущество признава-

лось за государственной и общественной собственностью, в которую включена собственность вакфов, исламских фондов, общинные сельские земли и др. По Конституции ИРИ (ст. 44), к общественной собственности были отнесены основные отрасли промышленности, внешняя торговля, крупные горнодобывающие предприятия, водопроводы и плотины, банковское дело, страхование, радио и телевидение, почта, телеграф и телефон, гражданская авиация, судоходство, дорожные магистрали и т.п. Конституция закрепила национализацию шахской и крупной частной собственности, связанной с иностранным капиталом, а также банков и страховых компаний

Впоследствии, однако, Ирану пришлось отойти от принципов тоухидной экономики в пользу либерализации и предоставления больших прав частному капиталу. (Саму же концепцию тоухида в экономике мы склонны относить к вариациям социализма, особенно учитывая, что все преобразования производились с целью обеспечить справедливое распределение благ.) Теоретики первой волны исламизма серьезно верили в возможность восстановления халифата. «Все национальные государства... с необходимостью должны быть ликвидированы», – пишет Калим Сиддики. В качестве кандидата на роль лидера глобального исламского движения, а в перспективе и единого имама (халифа) исламисты называли аятоллу Хомейни. Они даже полагали, что другие «люди Книги» (христиане и иудеи) создадут собственные идеократические политии (уммы), чтобы совместно воплощать Царство Божие на Земле. Этот проект напоминает концепцию С. Хантингтона, только «столкновения» между «цивилизациями Книги» не происходит.

В концепциях исламистов можно увидеть аналог того, что в православии называется «реализованной эсхатологией» – некоторые события, доктринально относящиеся к концу времен, оказываются возможными «здесь и сейчас». Например, традиционный шиизм полагает, что справедливое общество может быть создано только после прихода Махди (Мессии). Исламисты понимали, что путь к всемирному халифату будет долгим. К. Сиддики внес значительный вклад в выработку исламистских представлений о «переходном периоде» – промежутке между появлением мусульманского авангарда и установлением халифата. В этот период, полагал он, умма существует в качестве глобального исламского движения, состоящего из групп (иногда очень маленьких), географически расположенных в разных государствах, включая западные. Он

подчеркивает, что между исламом и его врагами нет четкой географической границы. Сиддики пишет о том, что А.В. Митрофанова называет «диффузной» структурой исламского мира, – он выдвинул идею «исламского нетерриториального государства», которое, согласно формулировке А. Ежовой, «...не имеет привязки к определенной территории, имеет сетевую структуру, функционирует внутри неисламского мира параллельно с существующими странами и формируется главным образом из диаспорных мусульман». «Исламская революция – это стадия, на которой исламское движение превращает регион или страну в исламское государство», – писал Сиддики. Российский исследователь Г. Джемаль предполагает, что, хотя К. Сиддики прямо об этом не говорит, из его концепции вытекает, что «...исламское нетерриториальное государство, существующее сквозь и помимо британского общества, войдя в конфликт с институтами куфра, будет защищать себя и соответственно перейдет к контрнаступлению, чтобы вооруженным путем осуществить переворот или разгром противостоящих структур». Как мы увидим ниже, к этим идеям вернутся исламисты второй волны.

На волне ожиданий исламистов, связанных с созданием ИРВ (Иран обозначил себя как идеократическое государство, т.е. государство, которое /в теории/ не преследует во внешней политике эгоистические национальные интересы, а стремится распространить свою идеологию как можно шире), начинаются попытки экспорта исламской революции и появляется понятие «иранская модель», а исламская революция становится образцом для подражания исламистов-оппозиционеров всех стран. «В то время, как у национального государства... нет более высоких ценностей и мотивов, чем его собственные желания и импульсы, исламское государство должно выполнить миссию: сделать Закон Создателя высшей властью над всеми системами государственности», – писал исламский деятель Муртаза Гария. Хомейни подчеркивал, что объектом экспорта революции является весь мир, а ислам защищает не только мусульман, но и всех угнетенных.

В 1982 г. в Тегеране была опубликована карта мира, на которой черным цветом были закрашены США и их союзники, красным – СССР и его союзники, зеленым – территория «Всемирной исламской республики» с центром в Иране, в которую включили все потенциально «мусульманские» страны, в том числе республики СССР. «Мой божественный политический завет, – писал аятолла, – адресован не столько великому иранскому народу, а есть ре-

комендация всем мусульманским народам и угнетенным всего мира всех национальностей и вероисповеданий». Иран декларировал, что будет оказывать помощь в борьбе всем обездоленным мира, в том числе левым повстанцам в Никарагуа и Сальвадоре. Угнетенные, таким образом, зачислялись в число мусульман автоматически. Мусульманские государства разделили в Иране на братские и враждебные. В число братских попали многие светские государства, увлеченные в то время строительством «арабского социализма» (Сирия, Алжир, Ливия, НДРГ) на почве антиимпериализма и антисионизма. Помимо этого, хотя иранский режим провозглашал, что нашел в экономике «третий путь», предложенная Хомейни тоухидная экономика была ближе социализму, чем капитализму. Перед исламистами стояла задача-максимум – обращение в ислам всего мира и превращение человечества в единую умму. Задача-минимум – добиться хотя бы реисламизации регионов с историческим мусульманским населением. Иранская революция обозначала прорыв на этом направлении действий мирового политического ислама.

По мнению А.В. Малащенко, иранская (шиитская) революция принесла в суннитский мир идею победы политического ислама. ИРИ провозгласила политику экспорта исламской революции в другие страны с опорой на шиитские общины. В 1979 г. с этой целью учреждается институт спецпредставителей имама Хомейни в мусульманских странах и Бюро по связям с освободительными движениями, в 1982 г. принят Закон «О защите всемирных исламских освободительных движений». Бюро по связям установило контакты с шиитскими общинами Афганистана, Ирака, Ливана, Эфиопии, Филиппин и некоторых других стран.

Попытки Ирана экспортировать революцию в Ирак привели к тяжелым последствиям: 22 сентября 1980 г. с нападения Ирака (хотя он обвинял Иран в артиллерийских обстрелах иракских городов) начинается ирано-иракская война (она продолжалась семь лет и 11 месяцев, став самой долгой войной в XX в.). Поводом к войне послужили споры о пограничных районах по реке Шатт-Эль-Араб, которая разделяет Иран и Ирак. На самом же деле для Ирака целью являлось свержение режима Хомейни, а для Ирана – установление в Ираке шиитского идеократического правления по собственному образцу. Война велась на истощение военного и экономического потенциала противника. Первоначально Хомейни считал, что сможет выиграть войну, и отвергал все предложения Хусейна о начале мирных переговоров – он выдвинул лозунг

«войны до победного конца». Однако Иран проигрывал войну, поскольку у него не хватало боеприпасов, оружия и военной техники, иностранных военных специалистов. Опора Ирака на зарубежные поставки позволила ему вести длительную войну на истощение. С. Хусейн был в то время «лучшим другом Запада», так как воевал с исламской революцией (Ирак получал от американцев военную помощь, химическое и бактериологическое оружие, которое использовал затем против курдов и шиитов). В итоге ни Ирак, ни Иран не достигли целей, поставленных в начале военных действий, а общие потери сторон убитыми и ранеными составили около 1,5 млн. человек (Иран потерял убитыми 300 тыс. человек, Ирак – 120 тыс.). Тот факт, что СССР и США оказывали в ходе войны поддержку Ираку, для исламистов означал, что они не ошиблись, и обе сверхдержавы представляют мир куфра, неверия. Хомейни в 1980 г. заявил: «Мы боремся не против Ирака. Народ Ирака поддерживает нашу исламскую революцию; наш конфликт – с Америкой, и эту руку Америки можно увидеть высывающейся из рукава иракского правительства». Малоуспешной оказалась и попытка Ирана потеснить и ослабить Саудовскую Аравию. С 1981 г. основные конфликты между двумя странами происходили в основном во время хаджа, когда десятки тысяч иранцев бросали вызов саудовской монархии, выкрикивая антиамериканские и антиизраильские лозунги.

Неудача в войне с Ираком заставила Иран перейти от экспорта военным путем к экспорту исламской культурной революции – пропаганде иранской модели правления, а также созданию благотворительных организаций, строительству медресе, клиник, финансированию религиозных политических партий и пр. Р.Г. Ланда пишет, что Ирану удалось добиться значительных успехов в Ливане, куда были посланы 2,5 тыс. «стражей исламской революции», принявших участие в боях с израильянами на юге Ливана. Но после вступления израильской армии в Ливан и осады ею палестинских отрядов в Бейруте летом 1982 г. иранцы были вынуждены уйти в долину Бекаа (на северо-востоке страны), где создали свою базу в г. Баальбек, населенном в основном шиитами. Здесь были введены исламские нормы быта и поведения, открылись курсы по изучению ислама и опыта иранской революции, иранский госпиталь и центры обучения шиитских боевиков методам партизанской войны. Провозглашение в Баальбеке в декабре 1989 г. «Исламской Республики Ливан» (выпустившей даже свои почтовые марки) носило символический характер и свидетельст-

вовало о желании распространить «исламскую революцию» и на Ливан.

Более успешным оказался экспорт иранской революции в суннитский Судан. Президент страны генерал Омар Хасан Ахмет аль-Башир объявил, что отныне страна будет жить по учению Хомейни. С начала 90-х годов в Судане возрастает иранское влияние. Появляется экономическая зависимость от Ирана; в Судан направляется несколько тысяч солдат и офицеров Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) и около 150–200 сотрудников разведки Ирана. На территории Судана располагаются тренировочные лагеря «Хезболла». Духовным лидером суданской революции стал Хасан ат-Тураби, который начинал свою политическую деятельность в суданском отделении «Братьев-мусульман». Идеология ат-Тураби близка к хомейнизму: в ней сочетаются модернистские элементы (например, ат-Тураби написал книгу «Положение женщины в исламе», которая призывала женщин к активной общественной жизни) с требованием заставить суданцев жить по законам шариата. «Судан ныне – самое исламское государство в мире, более исламское, чем Иран», – заявил в 1994 г. ат-Тураби.

В Судане начали внедряться исламские законы: наказания для тех, кто не молится по пятницам, порка кнутом для не соблюдающих перерыв на молитву с полудня до двух часов дня, раздельный проезд для мужчин и женщин и другие правила, которые характеризуют внутреннюю жизнь исламского государства. Однако суданский проект продержался лишь до 1999 г., в связи с чем Р.Г. Ланда полагает, что важнейшую роль в отказе генерала аль-Башира от сотрудничества с исламистами сыграли суфийские братства, а потому целесообразно использовать опыт Судана в общемировой борьбе с исламским радикализмом: «Судан и в этом плане оказался примером для остального мира ислама, доказав, что суфизм, сохранивший влияние в новых условиях, к которым он смог приспособиться, вполне в состоянии победить исламизм».

Также обращает на себя внимание тот факт, что шиитские улемы упрекали одного из главных теоретиков и идейных вдохновителей исламской революции в Иране, представителя возрожденческого течения в шиизме, сторонника реформации ислама и отца-основателя революционного шиизма Али Шариати (1933–1977) в ереси. Али Шариати родился и вырос в очень религиозной семье – его дед был знаменитым улемом. А. Шариати окончил педагогическое училище в Мешхеде, затем литературный факультет Мешхедского университета, где интересовался историей религий, ре-

форматорским движением в исламе, увлекался западной философией, культурологией, социологией, познакомился с трудами Ф. Фанона, А. Тойнби, марксистских теоретиков. Как один из лучших студентов он продолжил свое образование в Сорбонне, где изучал социологию, философию, религиоведение, историю. Во время своего обучения Шариати слушал лекции Э. Фромма, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Маркузе, Л. Массиньона, Ж.-П. Сартра, А. Лефевра (был близко знаком с Сартром, Фаноном, Массиньоном, которому помогал в исследовании жизни и личности дочери Пророка Мухаммеда Фатимы). Экзистенциализм Сартра оказал существенное воздействие на философию Шариати, а влияние Массиньона проявилось в интересе к теории искусства, исследованиях проблем взаимодействия искусства и религии. Закончив Сорбонну и получив степень доктора истории, А. Шариати вернулся в Иран и преподавал в новом тегеранском теологическом центре «Хусейнийе Иршад», где претворял в жизнь собственную концепцию реформы исламского религиозного образования и стал одним из виднейших идеологов исламского сопротивления монархии. В 1973 г. центр был закрыт властями, а сам Шариати был арестован по обвинению в «антиправительственной пропаганде».

Всю свою жизнь Али Шариати был борцом с шахским режимом, членом нелегальных оппозиционных мусульманских организаций неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. В 1977 г., спасаясь от преследований шахской охранки, Шариати был вынужден покинуть Иран и поселиться в Англии. 19 июня 1977 г. он был найден мертвым в своей лондонской квартире. Хотя по официальной версии смерть Шариати наступила в результате сердечного приступа, имеются все основания подозревать в его гибели сотрудников шахской охранки САВАК.

В созданной Шариати идеологии много откровенных заимствований из марксизма (в интерпретации латиноамериканских партизан). Можно провести аналогии между учением А. Шариати и католической «теологией освобождения»: Шариати считал, что бедняки каким-то образом приравниваются к мусульманам вне зависимости от их религиозных убеждений. Он даже заменял традиционную формулу «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» на «Во имя Бога обездоленных». А. Шариати внес в шиизм революционный дух, считал, что свойственный шиитскому духовенству квиетизм и ожидание Мессии — пассивный протест, не способный изменить существующую систему. Он призывал, по примеру

имамов Али и Хусейна, выступить против современного деспотического правителя. В своем переводе на персидский язык книги Ф. Фанона «Проклятьем заклеянные» А. Шариати передал оппозицию «угнетатели – угнетенные» кораническими терминами мостакибин (надменные) и мостадафин (обездоленные). Тем самым он перенес в исламский лексикон теорию классово-борьбы и отвел ей центральное место. По мнению А. Шариати, шиитские принципы таклид (добровольное следование указаниям духовного авторитета), такие (сокрытие своих истинных убеждений), шехадат (смерть во имя Бога в войне с неверными) соответствуют трем принципам латиноамериканских революционных партизан: соответствие условиям и требованиям партизанской борьбы; безусловное исполнение инструкций руководства; готовность к смерти.

Идеи Шариати, действительно, далеко ушли от традиционного ислама, и его работы запрещались консервативными иранскими улемами. В отклонении от ислама обвиняли и Хомейни, причем не только улемы, но и российские исламоведы. А.А. Игнатенко, в частности, отмечает, что в книге Хомейни «Исламская власть: правление богослова-правоведа» (1970) на 150 страницах Коран цитируется менее десяти раз, т.е. она является результатом самостоятельных рассуждений автора, не подкрепленных авторитетом Корана. И.П. Добаев полагает, что концепция «веляят-е факих» (правления богослова-правоведа) входит в противоречие с шиитским догматом о невозможности справедливого правления в исламском государстве до прихода Махди. По этому поводу можно привести комментарий Дж. Эспозито: «Ирония в том, что ученые-немусульмане иногда высказываются совсем как муллы. Столкнувшись с новыми интерпретациями или применениями ислама, они часто критикуют их с точки зрения традиционной веры и практики».

Мы полагаем здесь уместным заметить, что задача ученого не в том, чтобы указать, где и в чем исламисты отступили от «настоящего» ислама, но в том, чтобы понять, почему исламистские идеи возникают и набирают популярность, так как лишь на этой основе можно будет выработать стратегию сдерживания перерастания теоретического исламизма в терроризм и другие формы вооруженной борьбы. Наш анализ взаимосвязи богословской теории с политической практикой в исламизме позволяет продемонстрировать, как чисто религиозные понятия обретают политический смысл и претворяются в политическую практику.

Итак, исламский режим в Иране, существующий уже 30 лет, позволяет говорить о степени его воздействия на современный мусульманский мир. Это делает весьма актуальным анализ социально-политических и экономических составляющих иранского общества. Идеино-политическая платформа хомейнизма основана на трех основных постулатах.

1. Принцип вelayat-e факих (руководство богослова-законоведа, замещающего или представляющего «сокрытого» шиитского имама), который позволяет создать исламское государство в современном мире даже при отсутствии наследника Пророка.

2. Дихотомическое видение мира, разделенного на угнетателей и угнетенных: интересы последних, причем не только мусульман, защищает исламская революция.

3. Националистический по сути, хотя и панисламистский по форме, призыв к борьбе против сатанинских сил, Запада и Востока (сверхдержав), стремящихся к господству над «третьим миром».

Вышеназванным постулатам Исламская Республика Иран следует до сих пор. Революция в Иране была первой в мире религиозно-политической революцией, главную роль в ней сыграл харизматичный религиозный деятель, великий аятолла Рухолла Хомейни. Иранская революция породила новую политическую идеологию хомейнизм, основанную на принципах шариата – мусульманского права.

Таким образом, хомейнизм – это политическая религия, политический ислам, это революционная идеология, направленная на захват и удержание власти и изменение политической системы Ирана; хомейнизм – это религиозная политическая идеология, изначально ориентированная на весь мир. В то же время хомейнизм – это социальная и экономическая доктрина. ИРИ, выросшая на идеологии хомейнизма, обладает формальными признаками теократии («форма государственного управления, при которой политическая власть осуществляется с позиций религиозной регламентации государственной и общественной жизни»). В то же время у Ирана есть признаки (формально) демократического государства: есть полноценный парламент (маджлис); граждане обладают всеобщим избирательным правом; президент страны избирается на всеобщих выборах; в стране функционирует многопартийная система (правда, цвет у всех близок к зеленому...). Хомейнизм за 30 лет эволюционизировал в сторону умеренности и центра. Явля-

ется ли хомейнизм религиозной идеологией, способной оказать сильное влияние на внешний мир? Скорее всего – да.

«Государство, религия, церковь в России и за рубежом», М., 2010 г., № 4, с. 162–170.

Е. Кузнецов,

кандидат исторических наук

АФГАНИСТАН: НОВАЯ ПОЛИТИКА И СТАРЫЕ БЕДЫ

Выступая 1 декабря 2009 г. в Вест-Пойнтской военной академии, президент США Б. Обама тремя ключевыми пунктами, составляющими новую стратегию по Афганистану, назвал: увеличение американского контингента войск и особенно афганской армии и полиции; обеспечение более эффективного гражданского управления и действенное партнерство с Пакистаном. Эта стратегия нашла свое воплощение в решении направить в восточные и южные районы Афганистана дополнительные военные подкрепления в 30 тыс. американских военнослужащих, а также – в мерах по укреплению кабульского правительства и попытках расколоть вооруженную оппозицию, переманивая на сторону центральной власти «умеренных» талибов.

Важным аспектом новой стратегии стало привлечение Пакистана к активному вооруженному подавлению пакистанских талибов и убежищ «Аль-Каиды» и афганской вооруженной оппозиции в Зоне племен (ЗП) на пакистано-афганской границе. Обама признал, что в последние годы движение «Талибан» (ДТ), пытаясь совместно с «Аль-Каидой» свергнуть афганское правительство, постепенно расширило территории, находящиеся под его контролем, а также усилило террористические вылазки в Пакистане. Отметив, что дополнительные войска дадут возможность «перехватить инициативу и укрепить потенциал Афганистана, позволяющий начать ответственный вывод американских войск из страны», глава Белого дома пообещал, что такой вывод начнется в июле 2011 г. Поставлена цель донести до афганского правительства и народа, что «в конечном счете, они будут нести ответственность за свою страну». Обама обещал поддержать усилия Кабула по привлечению на его сторону тех талибов, которые «откажутся от насилия». До начала вывода планируется подавить основные очаги сопротивления талибов, а территории, безопасность которых обеспечена, передать

под контроль местной армии и полиции. Как американцы, так и их союзники особо подчеркивают, что ближайшая задача Международных сил по содействию безопасности (МССБ) в Афганистане, костяк которых составляют американские и натовские войска, – надломить талибов и создать боеспособную правительственную армию, а реинтеграция колеблющихся талибов представляет собой как бы вспомогательную операцию.

С приходом к власти администрации Обамы в Афганистане находилось всего 32 тыс. американских военнослужащих, весной 2009 г. их численность возросла до 68 тыс. человек, а вместе с дополнительным американским контингентом (30 тыс.) достигнет почти 100 тыс. Численность других иностранных войск, составлявших 10 139 человек, увеличится еще на 9 тыс., т.е. примерно до 49 тыс. Таким образом, контингент коалиционных сил увеличится примерно до 150 тыс. военнослужащих, т.е. возрастет более чем в два раза.

Новая стратегия Обамы в Афганистане наглядно отражает концептуальные различия в подходе американских демократов и правых республиканцев к внешней политике. В предисловии к обнародованной в мае 2010 г. стратегии в области национальной безопасности Обама подчеркнул, что в борьбе с угрозами начала нынешнего века «Америка не может нести бремя только на собственных плечах». Отмечается, что США должны, наряду с укреплением традиционных союзов, «создавать более глубокие и действенные партнерства с другими ключевыми центрами влияния – Китаем, Индией и Россией, а также набирающими вес государствами, такими как Бразилия, Южная Африка и Индонезия».

Выступая на совместной с министром обороны США Р. Гейтсом пресс-конференции в Кабуле 8 декабря 2009 г. президент Афганистана Х. Карзай, в ответ на планы главы Белого дома поэтапно передать афганцам ответственность за безопасность своей страны, выдвинул встречное предложение – обеспечить обучение и оснащение афганской армии, а также взять ее на содержание на грядущие 1520 лет, поскольку Афганистан не располагает собственными ресурсами на эти цели. Глава Пентагона откликнулся на призыв Карзая к международной коалиции, прежде всего США, обещанием продолжить боевые операции и оказание финансовой и иной помощи афганским силам безопасности. Но акценты он расставил по-иному, не связывая себя сроками передачи афганской стороне ответственности за поддержание безопасности и делая упор на постепенность и достаточно высокую динамичность этого

процесса. Планируется по мере усиления афганской армии военные операции коалиционных сил проводить совместно, а затем передавать афганцам основное бремя боевых действий, оставив коалиционным войскам «поддерживающую» роль.

Новая стратегия администрации США получила поддержку международного сообщества 28 января 2010 г. в Лондоне на конференции по Афганистану, в которой приняли участие главы внешнеполитических ведомств из более чем 60 государств, в том числе России и Китая. Конференция поддержала курс на поэтапную передачу ответственности за обеспечение безопасности в Афганистане местным властям с тем, чтобы в течение ближайших трех лет Национальные силы безопасности Афганистана (НСБА) взяли на себя ведущую роль в большинстве операций, а в течение пяти лет – всю полноту ответственности за обеспечение безопасности в стране. Было намечено начать процесс передачи НСБА основного бремени войны с талибами при «поддерживающей роли» коалиционных сил в конце 2010 – начале 2011гг. Со своей стороны, международное сообщество выразило готовность оказать помощь в укреплении боеспособности и увеличении к октябрю 2011 г. численности Афганской национальной армии (АНА) до 171,6 тыс. военнослужащих, а Национальной полиции Афганистана – до 184 тыс. человек. С целью повышения боеспособности афганских сил безопасности планируется отправка дополнительного контингента военных инструкторов из числа опытных офицеров армии США и некоторых других натовских стран.

Карзай заявил, что на обучение и оснащение афганской армии и полиции потребуется 510 лет, а в помощи в средствах на их содержание правительство будет нуждаться в течение 1015 лет. Участники конференции приняли решение предоставить Афганистану дополнительную экономическую помощь на сумму 1,6 млрд. долл., увеличив таким образом ее общий объем до 11 млрд. долл. Они также намерены содействовать разработке правительством Афганистана «дорожной карты» нового плана экономического развития страны. В нем будет сделан упор на ускорение прогресса в сельском хозяйстве, развитие человеческих ресурсов и инфраструктуры на основе усиления их потенциала и структурных реформ. Международное сообщество намерено подготовить к концу 2011 г. 12 тыс. местных гражданских служащих, занимающих ключевые должности в провинциальных и уездных органах власти.

В апреле 2010 г. на неформальной встрече глав внешнеполитических ведомств стран НАТО были выработаны критерии для начала передачи афганским властям ответственности за обеспечение безопасности в ряде провинций на севере и западе уже в ноябре 2010 г. Они предусматривают наличие квалифицированной местной полиции, устойчивого гражданского правления и «признаки» примирения с талибами.

В 90-е годы самые рьяные «ястребы» из числа неоконсерваторов вроде упоминавшегося Болтона вылили немало грязи на ООН и ее миротворческие и миропринудительные операции и особенно – на постконфликтное «государственное строительство». Но после оккупации Ирака в 2003 г. администрации Буша ничего не оставалось, как заняться им всерьез. Впрочем, наученный горьким опытом балканских войн и особенно гибелью американских спецназовцев в Могадишо в октябре 1993 г., Пентагон, пользуясь определенной автономией в боевой подготовке, еще с 90-х годов не упускал эту стадию разрешения конфликтов в рамках «противомятежной стратегии». По классическим канонам ООН и конфликтологической теории, «государственное строительство» наступает на последнем, завершающем этапе конфликта после урегулирования политическими методами или успешного «принуждения к миру». Но в нынешнем Афганистане очередность этапов «принуждения» смешалась.

После нанесения поражения талибам в 2001 г. коалиционным войскам с помощью международного сообщества удалось довольно быстро сформировать временное афганское правительство, а потом провести выборы и избрать законного президента, которым стал Карзай. Но оно-то и его представители на местах стали в немалой степени виновниками обострения внутривнутриполитической нестабильности. Американские «афганцы» и политики частенько сетуют на то, что переворот в 1978 г. (Апрельская революция) и «советская оккупация» разрушили государственные институты страны. Но складывается впечатление, что коррупции в Афганистане такого размаха, какого она достигла при нынешней власти, не было никогда. Речь идет не только и не столько о мздоимстве, сколько о сращивании с уголовным миром и наркомафией, о произволе, убийствах и т.д. И люди предпочли полной безнаказанности официальных властей «мотоциклетное правосудие» талибов и отсутствие школ и больниц. Бригадный генерал Л. Николсон, командир 2-й экспедиционной бригады американских морских пехотинцев, совместно с афганцами выбившей талибов из района

Марджа, прямо заявил, что местное население несколько лет назад вышвырнуло прогнивший местный аппарат кабульского правительства и по доброй воле перешло на сторону «Талибана». «Освободителей», особенно представителей кабульского правительства, многие жители Марджи встретили весьма неприветливо. Не скрывая своей принадлежности к талибам и даже к их лидерам, они пальцем показывали на тех чиновников, из-за чьих нелегальных деяний местное население перешло на другую сторону баррикад. Иначе говоря, в ряде районов решающим фактором усиления талибов стал не террор, не запугивание, не «ночные письма» людям, замеченным в каких-то контактах с представителями правительства или коалиционных сил, а возмущение политикой властей. По словам генерала Николсона, сейчас его подчиненным приходится убеждать местное население в том, что нынешнее кабульское правительство порвало с «позорным прошлым» и намерено стать «белым и пушистым», честным и справедливым «слугой народа».

Прикладным вариантом новой политики Обамы в Афганистане стала новая политикомilitary тактика, ставящая три задачи: «очистить, укрепиться, восстановить». На первом этапе «очистить» населенные пункты от боевиков, на втором – удержать эти города, «укрепиться», и, наконец, помочь афганским властям «восстановить» их функционирование, наладить нормальное управление с тем, чтобы обеспечить лояльность населения правительству. Заместитель министра обороны США по политическим вопросам М. Флорной отметила, что, помимо увеличения численности американского контингента, исправлению ситуации содействует изменение тактики с целью уменьшения жертв среди мирного населения, укрепление партнерства для усиления НСБА и более широкое использование гражданских средств решения экономических и политических проблем на местах. Она отметила, что, помимо увеличения численности американского контингента, исправлению ситуации содействует изменение тактики с целью уменьшения жертв, укрепление партнерства для усиления НСБА и более широкое использование гражданских средств решения экономических и политических проблем на местах.

В свою очередь, командующий контингентами армии США и НАТО в Афганистане С. Маккрystal издал приказ, согласно которому военнослужащим надлежит сфокусироваться на «защите мирного населения» от талибов и от собственных ошибок, делать меньше боевых выстрелов и больше предупредительных, «бра-

таться», не только с «товарищами по оружию» из АНА и полиции, но и идти в «народ». Давая оценку положению в Афганистане на брифинге для прессы в конце апреля 2010 г., высокопоставленные сотрудники Пентагона отмечали, что рост влияния «Талибана» удалось остановить, но говорить о том, что удалось перехватить инициативу, преждевременно. Ситуация находится в неустойчивом равновесии и может покачнуться в любую сторону.

В феврале 2010 г. в рамках новой стратегии по Афганистану была проведена операция Моштарак в районе Марджа уезда Над-Али в южнее провинции Гильменд. Этот район Марджа, где годами хозяйничали талибы и наркобароны, – своеобразный символ длительного бессилия коалиционных войск и НСБА. Операция стала самой масштабной со времени изгнания талибов войсками коалиции в 2001 г. в Афганистане и крупнейшей совместной операцией коалиционных и афганских войск, в том числе 1,5 тыс. солдат и офицеров АНА, а также 600 афганских полицейских.

Марджа – это мало примечательное место с окрестностями – крупнейший в мире производитель и поставщик на мировой рынок опийного мака и героина, а также один из важнейших источников финансирования «Талибана». В апреле 2008 г. морские пехотинцы США организовали аналогичную операцию в г. Гармсер южнее Марджи, который тогда был главным очагом боевиков и наркобаронов. Однако в обоих случаях талибы прибегли к излюбленной тактике, избегая лобового столкновения с крупными силами. Основные отряды ушли, оставив засады и другие очаги сопротивления небольших групп боевиков и наспиговав огромное количество самодельных мин и других взрывных устройств. Местным жителям оставалось удивляться: «Почему вы не можете взять под свой контроль Марджу?» Вопрос, разумеется, риторический. Американские военные ссылаются на нехватку сил. И в этом есть большая доля истины. На самом деле американцы смотрели сквозь пальцы на то, как их ближайший союзник – Исламабад – вскармливал движение «Талибан» с помощью многочисленных партий и организаций пакистанских исламистов-экстремистов. Пакистанский след прослеживается в большинстве терактов, совершенных «Аль-Каидой» и ее поделниками по всему миру, и в том числе в самих США, еще с 90-х годов. По данным правительственных органов Великобритании, 70% терактов, совершенных во всем мире за прошедшее десятилетие, замышлялись в Пакистане.

В последние годы в Афганистане шла игра в «кошки-мышки» между коалиционными силами и «Талибаном». Первые

«освобождали» тот или иной район, но как только «победители» уходили, последние снова брали его под свой контроль. Например, в Мардже, как и во многих других районах, временно очищенных от талибов, американцам пришлось убеждать местное население еще и в том, что они не уйдут, пока не будет обеспечена безопасность с помощью афганской армии и полиции. Впрочем, уже в апреле-мае 2010 г. боевики вновь объявились в Мардже, запугивая и убивая по ночам неугодных им местных жителей. По словам Флорной, партнерство МССБ и НСБА в Мардже – «первая крупномасштабная попытка фундаментально изменить характер сотрудничества и свидетельство того, какие изменения внесла новая стратегия. Подготовка операции в Гильменде включала необычайно высокий уровень гражданско-военного планирования и сотрудничества с афганскими партнерами на всех уровнях». В ходе операции были предприняты титанические усилия, чтобы разрекламировать роль афганской армии в боевых действиях. Символично само кодовое название операции – Моштарак («Вместе»). Таким образом, американские военачальники четко обозначили курс на самое активное привлечение афганских силовых структур к боевым действиям против талибов и к поддержанию порядка в освобожденных районах.

Американские военные продолжают пытаться наладить отношения с племенными авторитетами, в том числе привлекая по их рекомендации в афганскую полицию племенных ополченцев. Они даже стали общаться с местными муллами, стремясь добиться их доверия. По словам Маккрисдала, Гильменд станет образцом, «базисной моделью» для проведения дальнейших операций, в том числе самой длительной и масштабной – в соседней с Гильмендом провинцией Кандагар. Операция в Мардже породила у американцев надежды, что дополнительные 30 тыс. солдат и офицеров помогут «очистить и удержать» контролируемые талибами районы к намеченному Обамой сроку – середине 2011 г. К тому времени соотношение сил будет таково, что на каждого солдата коалиции будет приходиться по два афганских солдата и полицейских. А коалиция собирается поддерживать афганских союзников огневой мощью, минимизируя свое участие в боевых действиях.

Кроме этого, американские военные проводят точечные операции силами спецназа с целью ликвидации талибских вожakov и сбора разведывательных данных. По последним данным, наиболее активная военная фаза перенесена на осень. «Самодетельность» американских военных, пытающихся установить контакт с пред-

водителями и старейшинами племен и даже направить непосредственно им финансовые потоки, встречена в штывы кабульским правительством и его представителями на местах. Визит Карзая в Вашингтон в середине мая 2010 г. помог более или менее сгладить трения по ряду вопросов и внести некоторые существенные уточнения в осуществление новой программы США по Афганистану. Похоже, что, по крайней мере, на уровне обещаний достигнута договоренность о сроках передачи афганскому правительству контроля и ответственности за обеспечение безопасности по всей стране не позднее 2014 г. Более того, Карзай заявил, что уже тогда армия и полиция страны будут содержаться за счет собственных средств. Сейчас численность АНА возросла до 120 тыс. военнослужащих, в течение трех лет вместе с полицией она достигнет уровня 300 350 тыс. Со своей стороны американцы намерены подготовить до конца 2010 г. обновленную декларацию о долгосрочном стратегическом партнерстве двух стран, которое, по словам Обамы, сохранится надолго. Одним словом, впредь Вашингтон не бросит Афганистан на произвол судьбы после вывода своих войск.

По-новому расставлены акценты и в отношении предстоящей кандагарской операции. Стремясь успокоить жителей Кандагара, опасющихся новых жертв среди мирного населения во время планируемой крупной военной операции, Карзай даже назвал ее «процессом», обещая лично участвовать в нем: «Этот процесс означает улучшение государственного управления в Кандагаре и прилегающих к нему районах, привлечение более эффективных ресурсов, более активную и энергичную разведку и только после этого, когда и где это необходимо и по согласованию с местной общиной, – боевые действия... В том районе нет линии фронта. Здесь враг – терроризм, убийства. Это скорее не физическое, а психологическое присутствие террористов и “Талибана”. А Х. Клинтон подчеркнула: «Прежде всего, люди должны понять, что это – не Марджа... В Мардже власть находилась в руках “Талибана”... А Кандагар – крупный, оживленный город... Но имеются очаги мятежников, совершающих различные насильственные действия... Они не могут взять власть в Кандагаре, но они запугивают людей... Это не будет крупная, массированная кампания. Это будут точечные удары... Мы многому научились в Ираке». Коррективы в кандагарский «процесс» могут внести и талибы. Обычно избегая прямых столкновений с крупными подразделениями коалиционных сил, 19 мая 2010 г. они совершили дерзкий налет, сопровождавшийся ракетным обстрелом, на один из крупнейших

американских военных объектов в Афганистане – авиабазу Баграм. Сейчас американские военные не исключают, что ДТ может ввязаться в Кандагаре в настоящую кровопролитную битву.

Осуществление намеченной Белым домом стратегии – дело труднейшее. Но, возможно, не безнадежное. Вспомним, что после вывода советских войск из Афганистана в 1988 г. Наджибулла продержался еще почти четыре года, причем последние полгода без какой-либо поддержки Москвы. Хотя против него ополчились не только моджахеды, но и почти весь мир – мусульманские государства, США и НАТО, Китай. Особенно разрушительную роль сыграл Пакистан, занимаясь подрывной деятельностью с использованием практически открытой границы с Афганистаном в Зоне племен. Вспомним, как большинство экспертов, в том числе многие американские, предрекали, что американцы увязнут в Ираке, а страна развалится. Тем не менее худо-бедно жизнь в Ираке налаживается, началось освоение нефтяных богатств страны иностранными компаниями, включая российские, выводятся чужеземные войска. Многие американские эксперты отмечают сфокусированность нынешней американской администрации на главном террористическом противнике – «Аль-Каиде». Этим нынешний глава Белого дома отличается от неоконсервативной администрации Буша, которая в число международных террористов зачисляла всех, кто ей был особенно не по нраву, начиная от ХАМАС и Хезболлы и кончая Саддамом Хусейном. Обама прямо сказал, что война в Ираке отвлекла внимание и ресурсы от «Аль-Каиды», «ситуация в Афганистане ухудшилась», поскольку там находилось всего 32 тыс. американских военнослужащих Он подчеркнул, что безопасность США «находится на кону в Афганистане и Пакистане. Именно там эпицентр насильственного экстремизма, практикуемого “Аль-Каидой”. Именно оттуда было совершено нападение 9 сентября 2001 г. и именно там замышляются сейчас новые удары».

Тактика передачи афганцам основного бремени боевых действий довольно успешно применялась советскими войсками начиная с 1985 г. Они перешли от активных боевых действий преимущественно к поддержке действий афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями. Советские военнослужащие находились в основном в крупных городах и на базах, выполняющих роль опорных пунктов. При этом моджахедов было несравненно больше, чем талибов, не считая их активной широкомасштабной зарубежной поддержки.

Еще один важный фактор. В отличие от советских времен Вашингтон не только лишил Пакистан возможности грубо и масштабно вмешиваться в афганские дела, но и вынудил воевать с пакистанскими экстремистами – «пятой колонной», оказывавшей всестороннюю помощь афганским талибам, а сейчас ставшей главным союзником «Аль-Каиды». В связи, в частности, с попыткой теракта на Таймсквер США усилили давление на Пакистан, добиваясь проведения военной операции против пакистанских талибов в Северном Вазиристане. Об этом шла речь во время встречи Маккрystalа с командующим сухопутными войсками Пакистана А.П. Каяни в мае 2010 г. Наконец, нельзя не внести уточнение в расхожий тезис со ссылками на «историю» о том, что, свободолюбивый афганский народ нельзя «покорить». Этот тезис особенно популярен среди афгановедов. О нем вспомнили и талибы, отвергая новую программу Обамы. Это правда, но не вся. «Покорить» нельзя, договориться можно. В конце концов еще англичанам в конце XIX – начале XX в. удалось как-то утрясти отношения с наиболее непокорными пуштунами в Зоне племен, предоставив им самоуправление. Более того, в течение 40 лет (1879–1919) сохранялся определенный британский контроль над внешней политикой Афганистана. Сейчас о «контроле» речь не идет, но влиять международное сообщество может не только на центральное правительство в Кабуле, но и на другие политические силы, в том числе в провинциях. В целом новая стратегия США и усилия международного сообщества по урегулированию ситуации в Афганистане кажутся достаточно логичными. Но, как всегда, от планов до их осуществления – дистанция огромного размера. Так, отставной американский генерал Маккаффри полагает, что для создания условий для вывода американских войск, «строительства» дееспособного афганского государства с собственными силами безопасности – потребуется от 3 до 10 лет, 300 млрд. долл. и тысячи жизней американских военнослужащих. С сенсационным заявлением выступил уволенный за «халатность» в связи с нападением на Лойя Джиргу мира и примирения в начале июня 2010 г. директор разведывательной службы Афганистана А. Салех. По его словам, Карзай разуверился в способности американцев одолеть талибов и под флагом примирения вступил в закулисный торг с их непримиримой верхушкой, рассчитывая также и на сделку с Пакистаном. Добавим, что все усилия коалиционных сил может свести на нет и раковая опухоль коррупции, которая, как и мафия, «бессмертна».

Ситуацию осложнил и скандал с архитектором военной стратегии в Афганистане Маккрystalом, который 23 июня 2010 г. был смещен Обамой со своего поста в связи с неллицеприятными высказываниями генерала в адрес Белого дома в интервью журналу «Роллинг Стоун». Новым командующим МССБ был назначен командующий Центральным командованием США Д. Петрэус. Хотя Петрэус превосходит Маккрystalа по многим статьям, в частности, пользуясь авторитетом в Конгрессе США, смена лошадей на переправе дело рискованное.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 8, с. 2–9.

Е. Мелкумян,

ВОСТОКОВЕД

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В КУВЕЙТЕ

Политическое устройство обретшего в 1961 г. независимость эмирата Кувейт определяется принятой в нем в 1962 г. Конституцией. Согласно ее положениям верховная власть в стране принадлежит правящей семье Аль Ас-Сабах. Статья 4 кувейтской Конституции гласит, что власть передается по наследству потомкам Мубарака Ас-Сабаха, рассматриваемого официальной историографией в качестве основателя современного кувейтского государства. В эпоху его правления (в 1899 г.) был заключен договор с Великобританией, заложивший основы будущих взаимоотношений с этой державой, на протяжении длительного периода времени осуществлявшей опеку над Кувейтом. Нахождение у власти представителей правящей семьи Аль Ас-Сабах является, с официальной точки зрения, главным фактором легитимации государства Кувейт. За представителями правящей семьи закреплены некоторые ключевые посты в правительстве – премьер-министра, министра обороны, внутренних дел и иностранных дел.

Совещательный характер саудовской политической системы подчеркивается ссылками на необходимость «следовать примеру Пророка, совещавшегося со своими последователями». Это означает, что Консультативный совет имеет право лишь «высказывать свое мнение в отношении общей политики государства», разрабатываемой Советом министров, включая, в частности, «передаваемые на его изучение законы, международные соглашения, договоры и концессии».

При этом каждое из министерств обязано ежегодно представлять на рассмотрение членов Консультативного совета отчет о своей деятельности. Решения Консультативного совета по тем или иным обсуждавшимся им вопросам передаются королю, который в дальнейшем отправляет их на рассмотрение правительства. Если точки зрения институтов законодательной (Консультативного совета) и исполнительной власти (министерств) по соответствующим вопросам будут идентичны, то эти решения утверждаются королем. В случае же расхождения точек зрения король утверждает ту из них, которую он считает наиболее приемлемой.

Однако саудовская законодательная власть более разветвлена. Положения Закона об управлении провинциями предусматривают создание при губернаторе каждой из провинций местного совета. Главой этого совета является губернатор; в него входят: заместитель, мэры административных единиц провинциального подчинения, главы существующих в той или иной провинции региональных отделений центральных министерств, а также «десять жителей провинции из числа людей науки, знания и умения». Региональный совет имеет право создавать специализированные комиссии для обсуждения проблем, связанных с развитием региона («определение полезных для его жителей проектов»). Каждый член совета имеет право направлять соответствующие запросы губернатору, который включает их обсуждение в повестку дня проводящихся каждые три месяца заседаний консультативного органа провинции. Закон об управлении провинциями предписывает руководителям представленных на провинциальных уровнях государственных учреждений обязательное присутствие на заседаниях совета в том случае, если обсуждаемые на них вопросы затрагивают сферы деятельности соответствующих министерств.

Наряду с этим государственные учреждения, имеющие свои представительства в провинциях, должны принимать во внимание решения региональных советов. В случае же невозможности их исполнения соответствующее министерство должно выступить с разъяснением причин возникающей ситуации.

Политическая система Кувейта основана на принципе разделения трех ветвей власти, осуществляемом при их тесном сотрудничестве в соответствии с положениями Конституции. Законодательная власть принадлежит эмиру и Национальному собранию (парламенту), тогда как исполнительная власть осуществляется эмиром и Кабинетом министров. Судебную власть вершат судьи, действующие от имени эмира и руководствующиеся положениями

Конституции. Эмир является главой государства. Он пользуется личной неприкосновенностью. Прерогативой эмира является назначение премьер-министра и министров, а также снятие их с занимаемых ими должностей. Кандидатуры министров и премьер-министра выносятся на обсуждение парламента. Традиционные представления об обязанностях эмира, который должен заботиться о нуждах граждан своей страны, включая и их защиту от вооруженного нападения извне (кувейтская Конституция, что отражено в ее ст. 68, запрещает ведение наступательных войн), наложились на современные представления о нормативно-правовых основах государственной власти.

В официальной кувейтской идеологии отсутствует идея сакрализации верховной власти. Право эмира и правящей семьи на власть основываются лишь на исторической традиции.

После вступления на престол эмира, не позже чем в течение одного года должен быть назначен его преемник – наследный принц (вали аль-ахд). Его назначение осуществляется на основе эмирского указа и должно быть одобрено большинством депутатов парламента. В том случае если кандидатура, предложенная эмиром, была отвергнута парламентом, эмир должен предложить три новые кандидатуры, одну из которых парламент должен одобрить. В ст. 4 Конституции указывается, что «наследный принц должен быть дееспособным, законным сыном родителей-мусульман».

В выборе преемника эмира большую роль играет Совет правящей семьи, в который входят наиболее достойные и уважаемые ее члены старше 40 лет. Кандидат на пост наследного принца должен быть прямым потомком Мубарака Ас-Сабаха. Кроме того, первостепенное значение имеют его личные качества: способность руководить страной, принять на себя ответственность за ее судьбу, образованность и широкая информированность, умение принимать взвешенные решения.

Процесс формирования власти в Кувейте основывается на исторической традиции, связанной с тем, что правитель страны избирался ее населением и их отношения были закреплены во взаимном договоре (мубаяъа). В современной Конституции Кувейта мубаяъа трансформировалась в присягу, которую эмир приносит перед членами Национального собрания на специальной сессии этого органа законодательной власти. В тексте присяги говорится: «Я клянусь Всемогущим Богом уважать Конституцию и законы государства, защищать свободы, интересы и собственность народа,

обеспечивать независимость и территориальную целостность страны».

Депутаты парламента, со своей стороны, также приносят присягу: «Я клянусь Всемогущим Богом быть верным стране и эмиру, уважать Конституцию и законы государства, защищать свободы, интересы и собственность народа и честно исполнять свои обязанности». Институт мубаяа является важной составляющей государственно-политической системы Кувейта, которая сохраняется, несмотря на эволюционные изменения, связанные как с социально-экономическим развитием страны, так и с повышением ее значения на международной арене. В сегодняшнем Кувейте это дает основание правящей элите утверждать, что форма правления в Кувейте изначально была основана на демократии.

Второй традиционной основой демократии является принцип совещательности (аш-шура), фиксируемый в Коране. Для современных политиков Кувейта он является неоспоримым подтверждением того, что исламская политическая культура по самой своей природе является демократичной. В ней заложен принцип разделения властей, который является одним из важнейших элементов демократии. Создание консультативных и законодательных советов, а затем и парламента стало претворением в жизнь этого принципа в Кувейте. В соответствии с кувейтской Конституцией «система власти основана на демократии, при которой суверенитет осуществляется народом – источником всей полноты власти».

Национальное собрание (Меджлис аль-умма) состоит из 50 членов, избираемых на основе прямого и тайного голосования в соответствии с Законом о порядке проведения выборов. В ст. 82 Конституции определяются требования к кандидатам в члены парламента. Они должны быть кувейтцами по рождению и иметь право участвовать в выборах. Кандидату должно исполниться не менее 30 лет на момент проведения выборов, он должен уметь хорошо читать и писать по-арабски. Парламент страны формируется из кандидатов, которые принимают участие в выборах на индивидуальной основе. Однако это не исключает того, что в ходе парламентской деятельности могут создаваться политические блоки, которые формируют группы, оказывающие политическое давление. Эти блоки ведут свою политическую агитацию и выдвигают кандидатуры будущих депутатов парламента, способных отстаивать интересы соответствующих политических блоков.

В 2005 г. был принят закон, согласно которому женщины получили право участвовать в выборах и выдвигать свои кандидатуры в парламент. Это стало результатом длительной борьбы, которую вели женские организации и другие политические силы страны, выступавшие за демократизацию общественно-политической системы Кувейта. Министры, которые не избраны в Национальное собрание, считаются его членами на основании занимаемой ими должности.

Парламент, начавший свою работу в 1963 г., оказывает все возрастающее влияние на политический курс страны. Статья 79 Конституции гласит, что «ни один закон не может быть издан без его утверждения Национальным собранием и одобрения эмиром». Эмир может отправить на повторное рассмотрение законопроект, одобренный Национальным собранием и направленный к нему для ратификации. В то же время законопроект автоматически приобретает силу закона, если он получает одобрение двух третей состава Национального собрания на следующей после его утверждения сессии или же одобрение простого большинства на последующих сессиях. Национальное собрание может заявить о своем недоверии любому министру, и тогда министр обязан подать в отставку. Кувейтский парламент не обладает, тем не менее, полномочиями отправить в отставку премьер-министра, однако имеет право обратиться с запросом к эмиру, который должен в этом случае отправить в отставку премьер-министра или же распустить парламент.

Кувейтская Конституция вобрала в себя ряд традиционных элементов, характерных для раннего этапа формирования государства. Однако она была составлена на основе европейских конституций, поэтому в ней содержатся разделы, посвященные фундаментальным принципам кувейтского общества, правам и обязанностям кувейтских граждан, прерогативам судебной, исполнительной и законодательной властей, а также разделы, в которых говорится о финансовом регулировании и военных вопросах.

Новым эмиром страны в январе 2006 г., после смерти Джабера Аль-Ахмеда Ас-Сабах, стал не наследник престола Саад Аль-Абдалла Ас-Салим Ас-Сабах, а премьер-министр Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах. Впервые в истории эмирата парламент не утвердил кандидатуру эмира, а выступил с инициативой избрания нового правителя государства в связи с тем, что наследный принц был болен и не мог выполнять свои обязанности. Утверждение кандидатуры нового эмира произошло путем голосования в пар-

ламенте. Повышение роли парламента стало свидетельством серьезных изменений в политической системе Кувейта. В то же время та роль, которую сыграл парламент в процессе назначения эмира, подтвердила, что порядок распределения власти между правящей семьей и парламентом меняется. Конечно же, пока рано говорить о том, что правящая семья становится формальным институтом власти. Однако некоторые подвижки в распределении полномочий между различными ветвями власти уже произошли.

Новый эмир, кандидатура которого была предложена парламентом, по своим личным качествам и опыту политической деятельности отвечал всем требованиям, предъявляемым к кандидатам на пост главы государства. В течение 40 лет (с 1963 по 2003 г.) он исполнял обязанности министра иностранных дел. В 2003 г. Сабах Аль-Ахмед возглавил кувейтское правительство. Он – наиболее сильный и влиятельный политик современного Кувейта. Его отличительные черты – гибкость и взвешенность. Благодаря этим своим качествам он завоевал авторитет и признание в стране.

Сабах Аль-Ахмед – представитель одной из ветвей правящей семьи Аль Ас-Сабах – Аль Джабер. Согласно традиции эмирами Кувейта становятся поочередно представители двух ветвей – Аль Джабер и Аль Салем. В данном случае традиция была нарушена. Для кувейтского парламента более существенным стала компетентность нового эмира и его преданность избранному страной курсу на развитие демократии и проведение реформ.

После вступления в должность нового эмира и назначения им правительства во главе с Насыром Мухаммедом Ас-Сабахом в стране произошла череда политических кризисов, связанных с противоречиями между правительством и парламентом. 21 мая 2006 г. эмир Кувейта Сабах Аль Ахмед Ас-Сабах издал указ о роспуске парламента и проведении новых выборов. Причиной роспуска парламента стало то, что он выступил против решения правительства об изменении закона о выборах и о создании 10 избирательных участков вместо существовавших ранее 25. 29 июня 2006 г. состоялись выборы в Национальное собрание Кувейта. Одним из главных результатов июньских выборов стала победа противостоящих правительству сил. Оппозиция получила большинство депутатских мандатов, среди них – представители исламистских организаций. Это организации, представляющие суннитскую часть населения страны, и несколько депутатов от немногочисленной шиитской общины. Причем среди суннитов –

члены двух противостоящих друг другу направлений: салафиты (исламские фундаменталисты) и Исламское конституционное движение, близкое по идеологии движению «Братья-мусульмане». Кроме того, в оппозиции находятся сторонники либеральных реформ.

Значительное представительство исламистов в парламенте Кувейта не может рассматриваться как новый феномен в политической жизни этой страны. Исламисты, прежде всего Исламское конституционное движение, представляют собой наиболее хорошо организованную и сплоченную силу, которая активно влияет на политическую жизнь Кувейта начиная с середины 1970-х годов. После свершения Исламской революции в Иране в 1979 г. их популярность и влияние возросли. Светские политические группировки, представленные либералами, левыми демократами и технократами, смогли оттеснить исламистов лишь в годы ирано-иракской войны и террористической деятельности ряда радикальных исламистских группировок в Кувейте.

В годы иракской оккупации исламистские группировки стали главными организаторами сопротивления, и их популярность необычайно возросла. Они получили значительное число мест в парламенте, избранном в 1992 г. и последующих созывов. Депутаты, представляющие исламистские группировки, в январе 2006 г. объявили о создании первой политической партии в Кувейте – партии «Аль-Умма» (Нация). Она не была официально зарегистрирована, потому что, согласно Конституции страны, создание политических партий запрещено. Однако общественно-политические организации фактически исполняют роль партий.

Во второй половине марта 2008 г. в Кувейте разразился очередной политический кризис. Министры кувейтского правительства подали премьер-министру страны Насеру Аль-Мухаммеду Ас-Сабаху прошение об отставке. Их заявление об отставке было изложено первым заместителем премьер-министра, министром обороны шейхом Джабером Аль-Мубараком Ас-Сабахом. В заявлении говорилось, что правительство подвергается постоянным нападкам и давлению со стороны парламента, который противодействует принятию решений, вносящихся правительством. Последним примером было решение об увеличении заработной платы кувейтских граждан, которое не удовлетворило депутатов, а также снятие ограничений на государственную собственность, против чего возражала часть депутатов.

Состав кувейтского правительства был сформирован в марте 2007 г., однако уже в октябре того же года он был в значительной степени обновлен под давлением парламента. Два министра прежнего правительства – министр информации и министр торговли подали в отставку. Затем из его состава были выведены еще два министра: министр информации и министр здравоохранения. Третий состав правительства подвергся серьезным изменениям, когда уже четыре министра были вынуждены подать в отставку, а один министр был снят со своего поста. В отношении всех министров, покинувших правительство, были направлены парламентские запросы.

Постоянные смены состава правительства свидетельствуют о том, что политическая система Кувейта находится на стадии корректировки и приведения в соответствие с возросшими требованиями со стороны тех политических сил, которые получили легальную возможность через парламент выражать свое мнение и отстаивать свои интересы. Они стремятся к тому, чтобы в деятельность исполнительной власти также были внесены изменения, что должно способствовать дальнейшему поступательному развитию страны и укреплению ее внутренней стабильности.

Парламент страны выдвигает предложения, направленные на то, чтобы кувейтская политическая жизнь соответствовала принципам универсального характера. Среди них центральное место отводится соблюдению прав человека, в том числе его политических прав.

Одним из подтверждений этого стал проект закона о предании гласности деятельности политических партий, который был предложен в ноябре 2008 г. группой депутатов либерального направления кувейтского парламента. Депутаты-либералы уже вносили на рассмотрение парламента аналогичный проект закона в декабре 2007 г. Однако этот проект не был обсужден парламентом, который в марте 2008 г. из-за очередного политического кризиса, вызванного столкновениями между парламентом и правительством, был распущен, в результате чего были назначены досрочные выборы в парламент.

Депутаты, которые внесли новый проект закона о партиях, утверждали, что в кувейтской Конституции, принятой в 1962 г., не содержится прямого и ясного указания на то, что деятельность политических партий в стране запрещена. Отказ от практики партийной деятельности, по их мнению, объясняется опасением правительства Кувейта в отношении того, что может быть повторен

печальный опыт Ливана, где в середине 70-х годов прошлого века вспыхнула гражданская война, или опыт Ирака, раздираемого межконфессиональными противоречиями, а также опыт Йемена, где в политике главенствуют племенные отношения.

В марте 2009 г. в Кувейте разразился новый политический кризис. Правительство страны, возглавляемое прежним премьер-министром, ушло в отставку. Отставка была принята эмиром. Причиной отставки правительства стала невозможность для него взаимодействовать с парламентом. Об этом было официально заявлено правительством.

За последнее время три депутата парламента, кстати, все они представляли исламистские фракции, направляли запросы о деятельности премьер-министра. В них поднимались проблемы, связанные с замедлением темпов экономического развития Кувейта, отсутствием программы экономического развития, а также финансовыми хищениями. Такие запросы стали традицией в деятельности кувейтского парламента. Кроме того, мировой экономический кризис оказал воздействие на развитие событий в Кувейте. Предприниматели страны выступили за роспуск парламента, который не поддержал антикризисные меры правительства, направленные на спасение банков и предприятий, не способных выплатить свои долги. Депутаты, возражавшие против программы правительства, заявляли о том, что те 20 млрд. долл., которые были выделены правительством, являются общим достоянием кувейтского народа и что отсутствует необходимая в данном случае прозрачность и объективность принимаемых решений.

Этот кризис стал продолжением подобных же столкновений между исполнительной и законодательной властью Кувейта. Правительство смогло проработать всего 64 дня после его формирования. Прежнее правительство ушло в отставку по тем же причинам, что и нынешнее. Шейх Насыр уже возглавлял пять составов правительства, после того как он был впервые назначен премьер-министром в феврале 2006 г. Его кандидатура остается неизменной, несмотря на то что ему не удалось противостоять нападкам со стороны парламента и наладить с депутатами конструктивное взаимодействие.

В кувейтской истории были примеры неконституционных решений в отношении высшего органа национальной законодательной власти. В 1976 г. парламента был распущен и были отменены некоторые статьи Конституции, гарантировавшие свободу слова, собраний и митингов. Парламент был вновь избран в

1981 г., когда началась ирано-иракская война, потребовавшая консолидации кувейтского общества. В 1986 г. парламент был вновь распущен на неопределенный срок. В период иракской оккупации (декабрь 1990 г), состоялся Конгресс кувейтского народа в Джидде. Он проходил на территории Саудовской Аравии, где находились кувейтское правительство и эмир страны. На конгрессе было принято решение о неукоснительном соблюдении Конституции. В 1992 г. деятельность парламента была воссоздана.

В марте 2009 г. эмир Кувейта огласил свое решение о роспуске парламента и назначил проведение новых выборов. Выборы должны были пройти в течение двух месяцев. Шейх Сабах Аль-Ахмед не пошел на нарушение Конституции, что весьма показательно. На Конгрессе кувейтского народа в Джидде обещание неукоснительно следовать всем положениям Конституции было дано от имени правящей семьи Аль Ас-Сабах. Поэтому все представители этой семьи несут ответственность за исполнение этого обещания. В тот период правителем страны был предшественник Сабаха Аль-Ахмеда. Однако это обстоятельство никоим образом не меняет ситуацию. Философия власти в Кувейте традиционно отводит правителю роль «отца нации». Идея о «единой семье всех кувейтцев», которая была выдвинута в период создания национального государства, не утратила своей актуальности и сегодня. Не случайно в речи главы кувейтского государства шейха Сабаха, с которой он обратился к кувейтским гражданам, подчеркивалось, что он обращается к своему народу, как отец. Он говорил о той ответственности, которая лежит на правителе страны за ее будущее и будущее ее народа. В выступлении эмира была подчеркнута необходимость сохранения стабильности и единства кувейтского народа. Шейх Сабах сказал, что «Бог дал народу Кувейта процветание, и народ обязан защитить свои завоевания, сохранить все то, что им достигнуто, сохранить стабильность в обществе и обеспечить безопасность своей страны».

Парламент Кувейта, включая оппозицию, не ставит под сомнение право семьи Ас-Сабах на власть. Речь идет лишь о том, что правящая семья утратила свое монопольное положение и стала одной из ветвей власти, что должно найти отражение в политической практике Кувейта.

* * *

Политические события в Кувейте в последние годы отражают те изменения, которые постепенно происходят в распределении

власти в стране. Традиционные институты, хотя и сохраняют свое значение, но подвергаются определенной корректировке. В то же время Кувейт – один из крупнейших производителей нефти в мире, и его включенность в мировые экономические процессы оказывает воздействие на его политическую жизнь, активное участие в которой принимают социальные группы, не связанные с традиционной элитой и стремящиеся к более активному влиянию на принятие основополагающих политических решений.

*«Вестник РГГУ. Сер. Политология»,
М., 2010 г., с. 99–107.*

А. Брагин,

журналист

НАРАСТАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОМАЛИ

На проходившей в мае 2010 г. в Стамбуле международной конференции Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал ситуацию в Сомали «крупнейшим кризисом в мире». Эта страна уже давно и прочно удерживает первенство среди «недееспособных государств» (failed state). Первые сообщения о возможной крупномасштабной военной операции войск Переходного федерального правительства (ПФП) Сомали против исламистов появились еще в конце 2009 г. Летом прошлого года поддерживаемому международным сообществом ПФП с большим трудом удалось остановить наступление основных экстремистских оппозиционных группировок «Аль-Шабаб» и «Хизб уль-Ислам» на столицу страны – Могадишо. С января 1991 г. после падения режима Сиада Барре в Сомали идет непрекращающаяся гражданская война. Государство с населением около 10 млн. человек фактически расколото на несколько враждующих между собой клановых образований. В настоящий момент ПФП при поддержке миротворцев Африканского союза (АС) контролирует лишь 7 из 15 районов столицы. Юг и практически все центральные районы Сомали находятся под контролем формирований радикальных исламистских движений «Аль-Шабаб» и «Хизб уль-Ислам».

На севере страны с 1991 г. существует непризнанная Республика Сомалиленд, руководству которой удалось наладить относительно стабильную и мирную жизнь. В восточной части Сомали в 1998 г. объявил о своем суверенитете Пунтленд. Много-

численные сомалийские группировки, сформированные на кланово-племенной основе, в большинстве случаев имеют противоположные взгляды по вопросу объединения под власть Могадишо. В результате наступления ПФП планирует полностью отвоевать у «Аль-Шабаб» и «Хизб уль-Ислам» Могадишо и другие стратегически важные города на юге Сомали. Установление контроля, по крайней мере над столицей, позволило бы создать физические условия для работы правительства, большинство членов которого по соображениям безопасности в настоящее время подавляющую часть времени находятся за границей.

Основная роль в планируемом наступлении отводится Национальным силам безопасности Сомали (НСБС), численность которых увеличивается за счет постоянно прибывающих военнослужащих ПФП из Кении, Эфиопии, Уганды и Джибути, где они проходят подготовку. Ожидается, что численность НСБС, по разным оценкам, в скором времени должна достигнуть 10 тыс. человек. ПФП также рассчитывает на поддержку Миссии АС в Сомали (АМИСОМ). Общая численность миротворческого контингента, состоящего из военнослужащих Бурунди и Уганды, достигла 5,5 тыс. человек. До конца года в Сомали планируется направление еще 1700 солдат. Военнослужащие АМИСОМ на фоне своих сомалийских коллег выглядят значительно лучше подготовленными в профессиональном плане. Однако мандат АМИСОМ подразумевает только защиту ключевых объектов инфраструктуры ПФП и обеспечение работы гуманитарных миссий. Миротворцам Афросоюза запрещено принимать прямое участие в наступательных операциях, но в то же время они имеют право осуществлять превентивные действия в целях недопущения нарушения работы ПФП по стабилизации обстановки и восстановлению порядка в Сомали. Это значит, что окончательный выбор о характере и масштабе участия АМИСОМ в наступлении остается за Афросоюзом.

Помимо этого, ПФП рассчитывает на существенную помощь со стороны умеренного исламистского движения «Ахлю Сунна валь-Джамаа» (АСВД), с которым 15 марта 2010 г. при активном содействии Африканского союза, Лиги арабских государств, Евросоюза и США было подписано соглашение о сотрудничестве и разделе власти. Документ предусматривает интеграцию 2 тыс. бойцов АСВД в ряды НСБС под единым командованием для борьбы с боевиками радикальной группировки «Аль-Шабаб», а также вхождение представителей от АСВД в состав пяти министерств сомалийского правительства.

Интеграция в ПФП этого влиятельного движения могла бы стать переломным моментом в раскладе сил противоборствующих сторон и изменить ситуацию в Сомали. Так, согласно докладу ООН, боевые формирования АСВД в большинстве случаев сражались более эффективно с радикальными исламистами из «Аль-Шабаб», чем вооруженные силы, подконтрольные правительству. Известно, что созданное в 1991 г. приверженцами суфийского течения в исламе движение взялось за оружие в 2009 г. только после того, как боевики «Аль-Шабаб» разрушили гробницы-мавзолеи суфийских святых. «Аль-Шабаб» под руководством ее лидера Абу Зубейра контролирует северный и северо-восточный районы Могадишо. Согласно большинству оценок, численность группировки составляет около 5 тыс. человек, включая иностранцев. По некоторым данным, на стороне «Аль-Шабаб» воюют от 800 до 1100 ветеранов военных действий в Афганистане, Ираке и Пакистане. По мнению наблюдателей, исламисты получают кадровую и материальную поддержку от международной террористической организации «Аль-Каида».

Основной тактической единицей «Аль-Шабаб» является отряд, состоящий, как правило, из 30–40 бойцов. В структуре группировки существуют подразделения для проведения спецопераций, в том числе бригады взрывников, отряды смертников и группы, совершающие покушения на отдельных лиц. Боевики проходят интенсивные курсы обучения в тренировочных лагерях на юге страны. В преддверии наступления войск ПФП «Аль-Шабаб» предприняла ряд шагов. Во-первых, произвела перегруппировку своих сил, значительно увеличив численность боевиков в Могадишо. Во-вторых, исламисты усилили обстрелы позиций ПФП и АМИСОМ с целью провоцирования преждевременных полномасштабных военных действий. В-третьих, для оказания психологического воздействия на сомалийское население лидеры экстремистов сделали ряд заявлений о том, что планируемое наступление полностью инспирировано США и Великобританией, которые стремятся получить контроль над Сомали для размещения своих военных баз.

Второй главной целью операции ПФП может стать исламская группировка «Хизб уль-Ислам», тактика нападений которой отличается от «Аль-Шабаб» только тем, что ее боевики не используют смертников при организации терактов. До недавнего времени группировке удавалось успешно противостоять войскам ПФП в центральных районах Сомали и в Могадишо, но в настоящее время

«Хизб уль-Ислам» находится на грани распада. Две из четырех фракций, составляющих основу группировки, объявили о своем выходе из ее состава. Таким образом, «Аль-Шабаб» теряет ценного союзника, с которым боевики тесно сотрудничали при подготовке и осуществлении атак на позиции ПФП и АМИСОМ. Текущее состояние отношений между обеими группировками вряд ли можно охарактеризовать таким же дружественным, как ранее. В октябре 2009 г. Абу Зубейр предложил лидеру «Хизб уль-Ислам» шейху Хассану Дахиру Авейсу присоединиться к «Аль-Шабаб», но последний решил остаться независимым. В марте 2010 г. на рынке Бакара в Могадишо был застрелен один из полевых командиров Баре Али Баре, известный своими критическими высказываниями в адрес «Аль-Шабаб», причастность которой к этому убийству практически ни у кого не вызывает сомнений.

Несмотря на то что дата начала наступления войск ПФП против исламистов постоянно откладывается по различным причинам, крупномасштабные военные действия, по-видимому, неизбежны. Гражданское население Могадишо в спешном порядке покидает районы заметно участвовавших в последнее время боестолкновений. Согласно докладу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, только с февраля по март 2010 г. свои дома покинули более 33 тыс. сомалийцев. Благоприятный исход для любой из сторон не кажется очевидным, а само сомалийское наступление может растянуться на долгие месяцы кровопролития, усугубив тем самым и без того катастрофическую гуманитарную ситуацию в стране. Но каков бы ни был результат этого противостояния, он будет иметь значительные последствия для ситуации на всем Африканском Роге. Победа войск ПФП повысила бы легитимность признаваемого мировым сообществом правительства и укрепила веру сомалийского народа в существование альтернативы законам шариата, вводимых «Аль-Шабаб» в подконтрольных ей регионах Сомали, а также создала бы условия для нормализации ситуации в Могадишо и возобновления работы гуманитарных миссий стране. Их работа была приостановлена в начале этого года в связи с невозможностью обеспечить безопасность их персоналу. Вытеснив экстремистов из столицы, ПФП могла бы сделать Могадишо оплотом для проведения операций НСБС по освобождению других районов от исламистских группировок.

Однако вероятность успеха военной операции войск ПФП в Могадишо находится под большим вопросом. В мае с.г. экстреми-

стам удалось вытеснить правительственные войска еще из двух районов столицы, полностью захватить всю северную часть города и вплотную подобраться к стратегически важным объектам, таким как президентский дворец «Вилла Сомали» и порт Могадишо. От полного поражения ПФП в очередной раз спасли военнослужащие АМИСОМ. Неспособность действующего правительства, поддерживаемого международным сообществом, обуздать эскалацию насилия и наладить даже минимальное функционирование государственных институтов все больше вызывает сомнения у стран-доноров в целесообразности дальнейшего предоставления финансовой помощи, до 80% которой, по некоторым данным, разворовывается. По мнению экспертов ООН, национальные силы безопасности Сомали представляют собой «эффективные, дезорганизованные и коррумпированные военизированные образования, лояльность которых ограничивается отдельными высокопоставленными липами и офицерами, преследующими свои личные цели получения финансовой прибыли от войны и поэтому всячески препятствующими установлению единого командования. Более того, в последнее время участились случаи дезертирства среди военнослужащих ПФП из-за более полугодичной задержки выплаты зарплат. Причем в большинстве случаев бежавшие солдаты прихватывают с собой оружие и вливаются в ряды исламистов.

На этом фоне отмечается рост пиратской активности в районе Африканского Рога. Усилия международного сообщества по борьбе с этим явлением привели пока лишь к значительному расширению зоны возможных нападений: захваты судов все чаще происходят в сотнях километров от берегов Сомали. По данным Международного морского бюро, с января по март 2010 г. сомалийские пираты совершили 35 нападений, высаживались на 26 судов, обстреляли 18 и похитили 11 судов, взяли в заложники 194 моряка. По мнению многих аналитиков, успешная военная операция не избавит ПФП мгновенно от таких пороков, как коррупция, nepotизм и политическая неэффективность, в то же время она определенно способствовала бы созданию условий для стабилизации обстановки в Сомали и развитию институтов, необходимых для решения ряда проблем в будущем. В случае провала наступления ситуация, скорее всего, будет развиваться по одному из двух возможных сценариев, лучший из которых подразумевает сохранение статус-кво. В худшем – за вытеснением ПФП за пределы Сомали последовало бы установление полного контроля над Югом страны и формальное объявление о создании исламского

государства. Именно ради этого «Аль-Шабаб» ведет непримиримую войну с «иностранными войсками» и «марионеточным» правительством и именно под этими лозунгами собирает немало своих сторонников и обеспечивает себе как внутреннюю, так и внешнюю поддержку. Совершенно очевидно, что военная операция вряд ли сможет освободить страну от многолетнего хаоса, насилия и страданий простого народа, но, безусловно, окажет воздействие на общую ситуацию.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 8, с. 60–62.

В. Ахмедов,

кандидат исторических наук (ИВ РАН)

ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В последние годы под влиянием процессов глобализации и модернизации население ближневосточных государств становится все более политизированным. Вместе с тем актуализируются групповые интересы. Внутренние противоречия ярче всего проявляются в углубляющихся этноконфессиональных конфликтах. Последнее обстоятельство обусловлено ростом влияния внешних факторов на происходящие в регионе процессы. Столкновения на этнической или религиозной почве представляют серьезную угрозу безопасности и целостности ближневосточных стран, что предопределяет необходимость задействования армии в урегулировании этноконфессиональных конфликтов. Сейчас во многих государствах Ближнего Востока (БВ) религиозные деятели заметно влияют на формирование идентичности, характер власти, межобщинные отношения, решение проблемы прав человека и роли женщины в обществе, они расширяют правоприменительную практику религиозного законодательства в ущерб светскому судопроизводству. В арабо-мусульманских государствах БВ армия продолжает оказывать значительное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства и жизнь общества. Характер отношений власти и религии, армии и власти определяет роль религиозных институтов в вооруженных силах. Именно армия, в конечном счете, используется властью для разрешения этноконфессиональных конфликтов. Таким образом, роль армии в обществе возрастает. Недавний опыт ряда арабских стран показывает, что, лишь обладая дееспособными вооруженными силами и орга-

нами безопасности, а также решимостью применить их в гражданском конфликте, государство может приостановить политическую экспансию исламизма.

Жесткая линия военного руководства Алжира в 1992–1999 гг. позволила не только ослабить волну террора, развязанного экстремистским крылом Фронта исламского спасения (ФПС), но и принудить экстремистов к переговорам о национальном примирении. В Египте попытки дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию, предпринятые в 1990-х годах рядом исламских организаций экстремистской направленности, были пресечены светским режимом Х. Мубарака благодаря опоре на армию и силы безопасности.

Этнический национализм и религиозный экстремизм разрушительны и для самой армии. Проникая через организационные структуры в воинские формирования, они способны нарушить сплоченность армейских рядов, ведь, подпав под влияние идей радикального ислама, некоторые командиры боевых подразделений могут направить боевую технику против собственного командования, властей и соседних народов. Большинство ученых, изучавших офицерские корпуса армий полиэтнических и поликонфессиональных стран, приходят к выводу, что военная служба, социализация военнослужащих, их профессиональный опыт ослабляют связи с традиционной общиной. Армия в этих странах является «плавильным котлом», в котором офицеры обретают общенациональную секулярную идентичность.

Немалое влияние на укрепление светской составляющей в современных институтах, в том числе армии, в ряде государств, особенно в Турции, наряду с чисто внутренними факторами, оказал опыт стран Европы и России. Светские национально ориентированные офицеры менее подвержены влиянию политических течений конфессионального и этнического характера и одновременно влиятельны в деле интегрирования армейских рядов. Приверженность таких офицеров армии как гаранту национального суверенитета и национальная (а не общинная) самоидентификация снижают вероятность несанкционированного вмешательства армии в политику и процессы, спровоцированные этноконфессиональными факторами. Благодаря этому армия может служить действенным регулятором такого рода конфликтов, поскольку она способна выступать сравнительно беспристрастным арбитром и посредником.

Согласно исследованиям, с задачей обеспечения национальной интеграции неплохо справлялись именно военные режимы, а также те страны, где у власти находилась коалиция военных и гражданских руководителей, опиравшаяся на сильную секулярную армию. Так, в Сирии во второй половине 1970-х годов, когда организация «Братья-мусульмане» перешла от политической и просветительской деятельности к вооруженной борьбе с правительством, поставив страну перед угрозой раскола на религиозной почве, власти смогли принять весьма жесткие меры и пресечь деятельность этой организации. Финалом стала войсковая операция в г. Хама в 1982 г. Тогда ценой многочисленных жертв среди жителей этого города был ликвидирован вооруженный оплот «Братьев», а само движение в стране окончательно разгромлено.

Бытует представление, что военные, занимающие доминирующее положение в институтах власти, определяют характер принимаемых решений. Однако нельзя не учитывать того, что армия – это слепок общества. Поскольку в офицерском корпусе представлены основные группы общества, он не избавлен от внеармейских противоречий. После 1945 г. и до начала 1970-х годов в странах БВ и Северной Африки (СА) было отмечено, по крайней мере, девять острых конфликтов на этой почве. Внутри вооруженных сил этих государств складывались сообщества, противоборствовавшие на идеологической и этноконфессиональной основе. Военные перевороты там были результатом противостояния различных этнических, религиозных, классовых и земляческих группировок. В одной только Сирии за 22 года (1949–1971) произошло восемь военных переворотов. В первые годы после обретения политической независимости из-за принятой ранее французами системы рекрутирования офицерский корпус сирийской армии отличала высокая степень конфессионального дисбаланса.

Так, офицеры – выходцы из этноконфессиональных меньшинств, как правило, становились активными участниками военных переворотов. Хусни Аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишкекли, организаторы трех переворотов 1949 г., представляли курдское меньшинство Сирии. В тех странах, где офицеры принадлежали к одной из групп населения, светский характер и национальная ориентированность офицерского корпуса также могли быть весьма ограниченными. Единство в родах войск складывалось не в результате усвоения секулярных и общенациональных ценностей, а на основе чувства исключительности той или иной группы.

В Ираке времен С. Хусейна элитные части формировались в основном из представителей суннитских племен, проживавших в тех местах, откуда был родом иракский лидер. Такая же практика была в Сирии, где эти части комплектовались из алавитов клана Асадов. Когда такие офицеры вмешиваются в политику, они способствуют разжиганию этноконфессиональных конфликтов, действуя в интересах своей конфессии или этнической группы, а придя к власти, не могут погасить их. События в Судане, Пакистане, Ираке свидетельствуют, что эта практика приводит к дезинтеграции государства по этноконфессиональному признаку. С момента своего создания в 1947 г. Пакистан постоянно сталкивался с проблемой поддержания национального единства. Несмотря на этнические, религиозные и языковые различия, потенциально чреватые столкновениями, в 1947–1958 гг., в период правления гражданских властей, конфликтов удавалось избегать. В годы правления военных (1958–1971) традиционные разногласия вылились в открытое противостояние, переросшее на востоке Пакистана в гражданскую войну, которая закончилась образованием из восточных районов независимого государства Бангладеш.

В качестве примера рассмотрим также суданские события. Когда в результате военного переворота 17 ноября 1958 г. к власти в Судане пришло правительство генерала Ибрагима Аббуда, традиционные противоречия уже перешли в острый конфликт, спровоцированный шовинистической политикой правительства Абдаллаха Халиля и разразившийся на фоне провалов в экономической деятельности. В нем участвовали мусульмане-северяне, составлявшие около 70% населения, которым противостояли темнокожие южане, частью исповедовавшие христианство, а частью – традиционные верования. В последние годы правления гражданских властей противоречия на расовой и религиозной основе приобрели в Судане ярко выраженный характер. На Юге были отмечены спорадические вспышки насилия против «северян» – представителей власти, а в армейских частях – мятежи выходцев с Юга против их начальников – офицеров-северян. Однако именно при военном правительстве этот конфликт перерос в открытую гражданскую войну. Представленный исключительно «северянами» офицерский корпус наотрез отказался выполнять требования жителей Юга о более справедливом представительстве в органах власти и пропорциональном выделении бюджетных средств на развитие южных районов страны. Военные в большей мере, чем гражданское правительство, действовали в интересах экономически и полити-

чески господствовавшего Севера. Эти мероприятия проходили под лозунгом «суданизации» Юга. Христианские школы и миссии закрывались, иностранные миссионеры изгонялись. В южных районах началось широкое строительство мечетей и медресе, а управление по делам религий занималось пропагандой ислама. Арабский язык был объявлен единственным и в системе образования, и в управлении. Эти мероприятия, преследовавшие цель укрепления национального единства, произвели обратный эффект. Спустя два года после прихода к власти военных большинство южан переселились в соседние страны. Однако после того как военные решили, что единственным решением задачи национальной интеграции является усиление репрессий и проведение силовых акций, началась гражданская война. Когда в 1964 г. военное правительство Аббуда пало, Судан оказался политически дезинтегрированным. Второе правительство военных, пришедшее к власти 25 мая 1969 г., было сформировано новой политической силой – «свободными» офицерами, представлявшими младших и средних офицеров – выходцев из мелкобуржуазных слоев. Оно извлекло ряд уроков из провала своих предшественников. Военные стали проводить компромиссную линию и демонстрировать более гибкие подходы в вопросах обеспечения национального единства. Южанам была предоставлена большая самостоятельность на федеральном уровне, они получили места в местных органах власти и даже заняли ряд постов в армии и правительстве; на развитие Юга стали выделяться ассигнования. Пришедший к власти в ходе июльских событий 1971 г. Джафар Нимейри заключил соглашение с лидерами повстанцев о прекращении вооруженного противостояния. Согласно Аддис-Абебскому соглашению от 28 февраля 1972 г. Юг получил определенную автономию в рамках единого Судана.

Следует отметить, что и в тех случаях, когда офицерский корпус имеет «смешанный» характер, солидарность военных невысока. Приниженное положение отдельных общин, их ревность по отношению к «привилегированным» конфессиям, взаимное недоверие и фракционность могут привести к расколу офицерского корпуса. Провоцирующей часто становится практика назначений и продвижений по службе, которая в армии с присущей ей дисциплиной и принципом единоначалия воспринимается более остро, чем в гражданской среде. Сейчас в большинстве армий арабских стран практически невозможно добиться того, чтобы продвижение по службе зависело не только от выслуги лет, но и от учета лич-

ных качеств и профессиональных достоинств, и чтобы при этом обеспечивалось пропорциональное представительство в офицерском корпусе различных этносов и конфессий. Многогое определяется и уровнем образования. Имеющие среднее и высшее образование как основу назначений по службе поддерживают, как правило, принцип меритократии (букв. «власть достойных». – В.А.). Те же, чей образовательный статус ниже, выступают за систему представительства, считая, что должности следует распределять пропорционально численности конфессиональных групп. Повышение одного из офицеров затрагивает интересы других и общины в целом. Поэтому военные поддерживают тот или иной принцип исходя из общинных представлений: повышение в звании за личные заслуги офицера привилегированной религиозной общины может быть расценено представителями иных конфессий как ущемление их общинных интересов. В конце 2007 г. в Сирии в ряде военных училищ, расположенных в г. Хомс и его пригородах, произошла серия мятежей, на подавление которых власти вынуждены были бросить элитные части Управления военной контрразведки (УВКР) и Управления контрразведки ВВС и ПВО. Основной причиной недовольства поднявших мятеж курсантов и преподавателей, в большинстве своем – офицеров-суннитов, стало привилегированное положение их коллег – алавитов, в частности, преимущества, которыми те пользовались при получении отпусков, продвижении по службе и поощрениях. В конфликт был вынужден вмешаться сирийский президент Б. Асад, который отдал приказ начальнику Генштаба ВС САР Али Хабибу временно закрыть эти учебные заведения. Начальнику УВКР Асефу Шаукату было дано поручение тщательно разобраться в этом инциденте и провести дополнительное расследование в отношении всех курсантов и преподавателей. Б. Асад также рекомендовал Шаукату в дальнейшем решительно отклонять заявления на обучение в военно-учебных заведениях всех офицеров, с которыми на этапе предварительной проверки возникали малейшие сомнения в их благонадежности.

Жизненные ценности офицеров, сформировавшиеся в детстве и подростковом возрасте, связаны с их локальным этническим и религиозным происхождением. У взрослых эти ценности несколько ослабевают под воздействием новой самоидентификации, которая, однако, не способна полностью заместить приверженность традиции. Когда в стране возникает этнический или религиозный конфликт, связи с традиционным сообществом, актуализируясь,

способны перевесить профессиональную сплоченность офицерского корпуса и чувство национального единства. Например, в Ливане, где мусульманское население на рубеже 1970-х годов по численности стало превосходить христианское, офицерский корпус был практически весь представлен выходцами из христианских общин. В годы гражданской войны (1976–1991) армии, занявшей позицию невмешательства в межобщинные споры, удалось избежать участия на чьей-либо стороне. Это не помешало мусульманам создать собственные вооруженные формирования наподобие христианской милиции. Армия же в период острых внутривластных разногласий предпочитала отсиживаться в казармах.

Управленческий стиль военных, приходящих к власти или имеющих на нее влияние, показывает, что они не всегда адекватно воспринимают политические реалии. Они нередко считают, что острые этнические или религиозные конфликты можно решать так же, как военные и технические вопросы – силовым путем. Игнорирование политических, экономических, социальных и культурных параметров не позволяет военным обеспечить урегулирование этих конфликтов. Так, осенью–зимой 2007 г. армия наводила порядок на севере Ливана, в местечке Нахр аль-Барид, штурмуя палестинские лагеря, в которых обосновались вооруженные формирования воинствующих исламистов. Победа вооруженных сил Ливана над повстанцами из Фатх аль-Ислам, несомненно, укрепила в стране авторитет ливанской армии и ее командующего М. Сулеймана, который в мае 2008 г. был единодушно избран на пост президента Ливана. Однако проблемы остались. Ливанским военным удалось «зачистить» район Нахр аль-Барид от мятежников. Однако на севере Ливана (на границе с Сирией) существуют подземные убежища и там могут скрываться, дожидаясь своего часа, уцелевшие повстанцы. Это беспокоит сирийские власти, ибо ливанские власти заняты острой внутривластной борьбой. С похожими проблемами сегодня сталкиваются и другие арабомусульманские страны БВ. В Йемене армия, которая когда-то способствовала объединению Юга и Севера в одно государство, сегодня может стать косвенной причиной раскола страны в результате войны с исламской оппозицией.

Как правило, военные оценивают компромиссы, сделки и сотрудничество с оппозиционными группировками отрицательно. Скорее они склонны устанавливать искусственный этноконфессиональный баланс, как это было сделано Х. Асадом в Сирии. Но

отличительной особенностью режима Асада была хрупкость возведенной им властной конструкции, основу которой составляли сложные сочленения межобщинных, клановых и семейных блоков, построенных, в свою очередь, на взаимных внутриэлитных и межличностных обязательствах.

На протяжении трех десятилетий только недюжинная воля и политическая прозорливость Асада, его упорство, гибкость и способность к маневрированию позволяли сохранять найденный баланс сил. Коалиционная поддержка власти была действенной только при соблюдении ряда непеременимых условий: участия членов коалиции в управлении государством, удовлетворении основных социально-экономических потребностей различных групп населения и сохранении баланса сил между различными частями этой коалиции. Реальная опасность заключалась не столько во внешних врагах, сколько в нарушении целостности созданной Х. Асадом конструкции, которая стала подвергаться эрозии после его кончины. В нынешних условиях активизации исламской идеологии на БВ прежнее понятие светского национально ориентированного офицера эволюционировало и носит скорее условный характер.

Светское мировоззрение и чувство общенациональной самоидентификации, с одной стороны, и приверженность традиционным ценностям – с другой, мирно сосуществуют в военной среде лишь до тех пор, пока этнические и религиозные различия не перерастают в острые конфликты. Вероятность того, что военные по-прежнему будут привержены светской идеологии и национальным идеалам и с этих позиций выступят в роли арбитра, серьезно снижается. В лучшем случае боязнь утратить собственные привилегии может заставить офицерский корпус выступить гарантом единства страны и выразителем идеи общенационального согласия.

В условиях нарастающей исламизации арабских стран, с одной стороны, и усиливающегося стремления различных политических сил к переустройству общества с использованием элементов либерализма и демократии – с другой, действия военных будут во многом определяться характером правящего режима и его отношением к присутствию религиозных институтов в армии. Так, в Турецкой Республике времен Ататюрка, где религия была отделена от государства, в условиях радикального республиканского режима власти достаточно терпимо относились к добровольному соблюдению солдатами в частном порядке ритуалов и некоторых базовых норм ислама. Светский характер турецких Вооруженных

сил рассматривался как одно из важных завоеваний республиканского строя.

Таким образом, армия выполняла интеграционную роль, объединяя людей из различных районов, разного происхождения и социального уровня в единую нацию. Турецкие военные оказались настолько решительны и непримиримы к исламизму, что смогли заставить премьер-министра Н. Эрбакана, лидера исламистской партии, уволить своих сторонников из армии. Военные внимательно следили за попытками Партии национального порядка установить в стране шариатское правление. Партия трижды (в 1971, 1980 и 1998 гг.) запрещалась военными или под их давлением, хотя затем снова возрождалась под другими именами. Одновременно армия боролась с исламистами в собственных рядах. Так, только в 1994–1996 гг. из нее были уволены 556 офицеров как сторонники «шариатского правления». Однако в 2002 г., после победы на парламентских выборах в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), чья идеология во многом базировалась на принципах ислама, и прихода к власти премьер-министра Р.Т. Эрдогана, ситуация стала постепенно меняться. Эрдоган (без нарушения Конституции) сумел существенно ослабить влияние военных на политику страны, что вызвало серьезную обеспокоенность турецкого генералитета. При всем том армия все еще сохраняет секуляристский характер.

В государствах, где религия не была так решительно отделена от государства, религиозные ритуалы могли включаться в официальные воинские церемонии. Однако религия не определяла лояльность армии правящему режиму. В Сирии власти на официальном уровне декларировали свою приверженность исламу, но на деле стремились искоренить религиозные институты в армейской среде. Сирийское командование ограничивалось тем, что по праздникам присутствовало вместе с президентом в мечети Омейядов. Приход к власти в Сирии нового президента Б. Асада несколько изменил отношение руководства к политическому исламу, в том числе к роли ислама в армии и обществе. В 2003 г. был издан указ, согласно которому военнослужащим срочной службы разрешалось молиться в военных лагерях.

Рост политического ислама в САР ставил перед сирийским руководством вопрос о неизбежности допуска представителей патриотического исламского движения к участию в государственных делах. Однако подходить к решению этого вопроса власти намеревались очень осторожно и избирательно. В этой связи об-

ращает на себя внимание трехдневная конференция «Сирия и международные вызовы», которая прошла в Высшей военной академии САР в конце марта 2006 г., в которой принял участие министр обороны САР Х. Туркмани. Наряду с военной верхушкой Сирии на этом форуме было достаточно широко представлено сирийское духовенство: шейх Ахмед Хасун, архиепископ Исидор Батыха, шейх Мухаммад Хабаш и др. Стержневой темой дискуссий стала проблема политического ислама в Сирии и его взаимоотношений с армией. Сам факт организации подобной конференции, ее повестка дня показали принципиально новый подход военного руководства Сирии к проблемам политического ислама. Очевидно, что сирийские военачальники готовы тщательнее разбираться в позициях представителей разных религиозно-политических течений по вопросу политической роли исламских движений и их влияния на национальные вооруженные силы. Наибольший отклик вызвал доклад депутата сирийского парламента М. Хабаши под названием «Сирия противостоит вызовам. Миссия исламской улицы». Докладчик, в частности, критиковал поведение отдельных командиров армейских частей, которые, как он считает, демонстрируют пренебрежительное отношение к религии и в морально-воспитательной работе с личным составом делают упор на факторе личного мужества. По мнению Хабаши, это может отрицательно сказаться на моральном и боевом духе сирийских солдат и офицеров. Речь идет, прежде всего, о выходцах из традиционных, малоимущих слоев общества, составляющих более половины личного состава сирийских Вооруженных сил. Умаление роли религии в воспитательной работе, считает Хабаш, может подтолкнуть военных на путь экстремизма. Пока в регулярных армейских частях сохраняется запрет на совершение молитв и упоминание призыва «Аллах Акбар» во время боевых тренировок, вероятность этого будет расти.

В последние десятилетия отношение властей к исламским организациям в большинстве современных арабо-мусульманских стран БВ было неоднозначно. Сегодня политические элиты многих государств региона трансформируют авторитарную модель государственного управления, делая ее более либеральной. Без этого достаточно сложно обеспечить стабильность существующих режимов, особенно в условиях мирового финансового кризиса и падения цен на нефть. Правительства большинства стран региона признали актуальность фактора политического ислама и пытаются адаптировать его умеренное крыло к действующей государствен-

ной системе (преимущественно в социальной и интеллектуальной сфере), жестко противодействуя любым попыткам исламистов влиять на политические решения.

Многие режимы в арабо-мусульманских странах БВ оказываются сегодня в непростом положении. Вовне они поддерживают палестинское движение «Хамас», ливанскую партию «Хизбалла», отряды исламского сопротивления Ирака и Афганистана, однако внутри собственных стран нередко проводят жесткие репрессии против исламской оппозиции (даже умеренной). Естественно, такое двойственное отношение к исламу оказывает определенное воздействие на умонастроения в армиях, в которых многие офицеры весьма сочувственно относятся к действиям исламского сопротивления в Палестине, Ливане, Ираке и Афганистане и даже завидуют его победам в условиях полного бездействия своих армий перед лицом внешних угроз. Подобное положение вряд ли удастся поддерживать долго. Возросшая в последнее время религиозность многих солдат и офицеров со временем может из «частного дела» превратиться в политическую идею и дать импульс к поиску новой коллективной идентичности, сделав их союзниками исламской оппозиции действующей власти. Нельзя исключать и возможность того, что власти, стремясь сохранить свои позиции, спровоцируют столкновение с умеренными исламистами армии и спецслужб.

Очень скоро арабским руководителям придется решать, что для их власти и стабильности в стране представляет большую угрозу – политический диалог с умеренным исламом при спорадических (возможно, неизбежных) вспышках насилия со стороны исламских радикалов или подавление умеренного ислама и война с радикальными исламистами с участием армии и спецслужб. Последствия такой войны могут оказаться абсолютно непредсказуемыми и для самих режимов, и для региона в целом. Если же удастся сгладить существующие расхождения между отношением власти к исламу, с одной стороны, и его восприятием в обществе и армии – с другой, то угроза этноконфессиональных конфликтов, возможно, отодвинется на второй план.

«Восток (Oriens)», М, 2010 г., № 3, с. 80–87.

VII СЪЕЗД РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Съезд проходил в сентябре 2010 г. в Звенигороде. Его подготовка была осуществлена Обществом востоковедов, Институтом

востоковедения РАН, Отделением историко-филологических наук РАН, Институтом стран Азии и Африки МГУ при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Программой съезда предполагалось также проведение Ассамблеи востоковедов Евразии, с целью восстановления научных связей, обмена информацией и определения возможностей сотрудничества представителей когда-то общей научной школы отрасли, представляющей собой целый комплекс гуманитарных научных дисциплин. В работе съезда приняли участие около 200 ученых из научно-исследовательских, высших учебных и культурно-просветительных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Красноярска, Барнаула, Владивостока, Липецка, Челябинска, Читы, Алтая, Башкортостана, Бурятии, Дагестана, Калмыкии, Северной Осетии, Тувы, Хакасии, Якутии. Востоковеды из независимых республик постсоветского ареала представляли Украину, Белоруссию, Армению, Казахстан, Киргизию, Литву, Узбекистан.

Дату своего создания Общество востоковедов отсчитывает от приказа, подписанного министром финансов С.Ю. Витте 29 февраля 1900 г., «Об утверждении Устава Российского Общества Востоковедения» с центральным управлением в Петербурге и с отделениями в других городах. Целью РОВ в Уставе определялось «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью: устройство выставок, лекций, курсов, библиотек, экспедиций, издание работ». В Петербурге в составе РОВ были учреждены три отдела: торгово-промышленный, образовательный, научно-культурный. Председателем последнего был назначен востоковед-монголист и тибетолог А. Позднеев. Следующей важной вехой стал изданный 10 февраля 1910 г. Указ Николая II «О присвоении Российскому Обществу Востоковедения названия Императорского». За короткий отрезок времени были созданы многие региональные отделения РОВ. В 1918 г. оно прервало свою деятельность. В 20-е годы XX в. предпринимались попытки возродить РОВ, но оно просуществовало лишь несколько лет. Постановлением Президиума АН СССР от 28 июня 1979 г. создана Всесоюзная ассоциация востоковедов АН СССР, ставшая преемницей Общества востоковедов. 9 октября 1980 г. по инициативе директора Института востоковедения АН СССР академика Е.М. Примакова было проведено собрание представителей более чем 70 научных и учебных заведений, ведомств, издательств, журналов, музеев СССР на Секции общественных наук Президиума АН СССР, на котором были утверждены президиум и структура

Всесоюзной ассоциации востоковедов. В ее состав вошли 11 отделений в республиках, восемь региональных групп, коллективными членами стали 39 научных, высших учебных и культурно-просветительных учреждений, число индивидуальных членов составило более 2 тыс. человек. Одна из основных задач Ассоциации, обозначенных Уставом, – представлять отечественное востоковедение в международных востоковедных организациях. В определенной степени эта задача выполняется с тех пор через Международный союз по восточным и азиатским исследованиям, центр которого находится в Париже.

С 1983 г. Президиум РОВ регулярно формирует делегации для участия в международных конгрессах востоковедов: в городах Токио, Гамбург, Гонконг, Будапешт, Монреаль, Москва, Анкара. В 1993 г. РОВ при РАН было зарегистрировано с правом юридического лица. И несмотря на трудный для страны период, Общество востоковедов начало свою деятельность. Из числа известных российских ученых-востоковедов на двухлетний срок избираются президенты Общества и один раз в два года проводятся его съезды. Всего было проведено семь съездов: в 1997, 1999, 2002, 2004, 2006, 2008, 2010 гг.. На открытии VII Съезда с программными докладами выступили директор ИСАА МГУ профессор М. Мейер, зам. академика-секретаря ОИФН РАН академик В. Тишков, директор Института Дальнего Востока академик М. Титаренко, директор Института Африки чл.-корр. РАН А. Васильев, чл.-корр. РАН Г. Чуфрин, директор Института востоковедения АН Армении профессор Р. Сафрастян. Директор Института востоковедения профессор В. Наумкин в своем выступлении коснулся изменений, происшедших в востоковедной науке, и стоящих перед ней проблем. Среди главных проблем назвал трудности в привлечении в науку молодых кадров, особенно в специальности «классического цикла», требующие длительной подготовки и больших трудовых затрат, а также в финансировании публикаций, обеспечении иностранной научной литературой, современной техникой и развитии международного сотрудничества. Были зачитаны приветствия вице-президента РАН А.Л. Некипелова, члена Совета Федерации Федерального собрания РФ М.В. Маргелова, старейших востоковедов: академиков С. Тихвинского, Е. Челышева, В. Мясникова, ректора РГГУ чл.-корр. РАН Е. Пивовара, а также коллег-востоковедов из Украины, Казахстана, Литвы.

На трех секциях были заслушаны доклады, в том числе профессор И. Галяутдинова и С. Семенова из Башкортостана. Профес-

сор В. Белокреницкий (ИВ РАН, Москва) изложил концепцию и основные задачи работы Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. Говоря об актуальности изучения региона, включающего Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан и область традиционного расселения курдов, докладчик назвал пять основных научно-аналитических направлений исследований: историческое; социально-экономическое; современную экономическую динамику и перспективы развития; социокультурное; политическое. Декан восточного факультета СПбГУ профессор Е. Зеленев представил доклад «Современная парадигма востоковедного научного знания»; А. Аликберов (ИВ РАН, Москва) в докладе «Возвращение к истокам: Приоритеты российской ориенталистики в изучении регионов постсоветского Востока» рассказал о деятельности недавно образованного Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Среди других выступающих были востоковеды, приехавшие практически из всех регионов России. Все доклады сопровождались дискуссиями и комментариями коллег из различных научных подразделений.

На заключительном пленарном заседании, кроме отчетного доклада о деятельности ОВ РАН за истекшие два года, были заслушаны доклады руководителя БНЦ СО РАН чл.-корр. РАН Б. Базарова о перспективах и значении для региональной науки деятельности Общества востоковедов и тех мероприятиях, которые были подготовлены и проведены совместно. Директор ИВР РАН профессор И. Попова рассказала о крупных международных проектах по изданию письменных памятников и о проблемах сохранности восточных рукописей. Директор издательской фирмы «Восточная литература» С. Анисеева сообщила о планах издательства и фундаментальных трудах, изданных в последнее время. В связи с тем, что в Уставе РАН произошли изменения, заключительное пленарное заседание съезда стало по существу учредительным собранием востоковедов, где было принято решение о реорганизации Общества востоковедов при РАН в самостоятельную общественную организацию. – Общество востоковедов России, Участникам был роздан проект нового устава Общества, в который были внесены поправки и добавления. Президентом Общества востоковедов России был избран директор ИВ РАН В. Наумкин, которому собрание коллег поручило провести необходимые организационные мероприятия по регистрации и оформлению нового общественного объединения востоковедов России.

«Проблемы востоковедения», М., 2010, № 3 (49), с. 91–100.

Роберт Ланда,
доктор исторических наук (ИВ РАН)
НОВАЯ ТРИБУНА ИСЛАМОВЕДОВ
(по материалам первых номеров
журнала «Современный ислам»)

Изучение ислама в нашей стране становится все более многообразным и разноплановым. Это объясняется целым рядом причин: небывалой ранее политизацией ислама и мощным подъемом под его флагом многочисленных массовых движений в афроазиатском мире, в том числе там, где мусульмане большинства не составляют. Но рост интереса к исламу во всем мире порожден также и тем, что в наши дни, на грани XX–XXI вв., Восток и Запад стали ближе друг к другу во многих отношениях – экономическом, политическом, социальном, научном, одновременно ощутив потребность в более глубоком и детальном практическом знании друг друга. И поскольку из всех цивилизаций Востока именно ислам наиболее долго и успешно сопротивляется «вестернизации», он, естественно, привлекает к себе наибольшее внимание. Не говоря уже о том, что количество его приверженцев непрерывно возрастает и ныне составляет примерно 1,5 млрд. человек.

Новый, как его называют во многих странах ислама, «возврат к истокам» в наши дни вызван, помимо целого ряда исторических причин, в первую очередь продолжением в рамках так называемой глобализации экспансии Запада на Восток в хозяйственной, технологической, финансовой, военной, духовной и иных сферах. Модернизация быта, нравов, общественных связей между людьми, их повседневной жизни на деле слишком часто оборачивается подрывом авторитета ислама и его традиций, деморализацией общества, болезненной ломкой его экономических и социальных связей, а также менталитета и вековых обычаев мусульман. Прямым результатом приспособления мусульманских социумов к требованиям модернизации и законов мирового рынка часто являются высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов города катастрофически быстро увеличивающейся массой сельских маргиналов. Более половины их навсегда остаются безработными, что превращает города мусульманского Востока в социальный пороховой погреб.

Это оборачивается не только ростом политической и прочей напряженности в самих странах ислама, но и бурным взлетом численности мусульман на Западе (за последние полвека в четыре

раза в Европе, в 20 раз – в США и Канаде). Основная их часть – трудовые мигранты с Востока. Но к ним постоянно присоединяются десятки тысяч европейцев и афроамериканцев, принимающих ислам в поисках социальной справедливости, равенства и убежища от пороков «западного образа жизни».

Уже сказанного (а сказать можно гораздо больше) достаточно, чтобы составить представление о неуклонно растущем значении ислама в мире и обилии тем, связанных с его изучением, которому всецело посвящен новый журнал «Современный ислам». Редакция характеризует его как «научно-аналитический, религиозно-философский, историко-филологический и просветительский». Вышедшие из печати первые номера журнала вполне оправдывают эту самохарактеристику.

«Общим местом всех западных исследователей, – пишет в статье “Будем дружить”, открывающей первый номер журнала, его главный редактор Р.Р. Гайсин, – их традиционной темой является попытка понять: почему мусульмане так жизнестойки? Что такое исламская цивилизация? Какие у нее недостатки и преимущества по сравнению с Западом? Благодаря чему мусульмане безоговорочно поклоняются Корану и всем сердцем приняли Ислам?» Далее Гайсин вполне логично продолжает: «А разговор об Исламе невольно приводит нас к вопросу взаимодействия Востока и Запада и к истокам религии, науки и политики». В этом тезисе – суть программы нового издания. Уже давно понятно всем, что ислам – не только религия, но и философия, мировоззрение, кодекс поведения и свод правил жизни. Поэтому понимание Корана, толкование той или иной его суры важны как для мусульман, так и для живущих среди них или рядом с ними представителей других религий, ибо они «сделают облик мусульман понятнее и ближе». И это же относится к научным исследованиям в области истории, политологии и социологии мира ислама, которые запрограммированы, а некоторые уже и опубликованы редакцией журнала.

Наиболее характерна в этом отношении большая статья директора Института истории Академии наук Республики Татарстан и Казанского института федерализма Р.С. Хакимова «Истоки». Свою статью он посвятил ответам на поставленные Гайсином вопросы, прежде всего о причинах жизнестойкости мусульман. Я не буду пересказывать содержание статьи, в которой многократно цитируется Коран, даются ссылки на сочинения таких известных исламских богословов, как Абу Ханифа, Муса Бигиев, Габдулла Буби, Мухаммад Икбал, Юсуф аль-Кардави и даже Сейид Кутб,

отмечу лишь умение автора показать то общее, что объединяет ислам и современную цивилизацию, которую мы по привычке называем «западной», забывая, что в ее основе – не только архитектура и мифы античной Греции или римское право, но и достижения арабских врачей, математиков и философов, персидских поэтов и художников, индийских мыслителей, китайских изобретателей бумаги, пороха, паруса и многих других вещей, без которых современная цивилизация не могла бы развиваться так, как ей это удалось, благодаря неповторимому и весьма весомому вкладу Востока.

Р.С. Хакимов подчеркивает, что многое из того, что внесли в современную цивилизацию мусульмане, теперь уже не считается «собственно мусульманским», поскольку эти вклады «шли за рамки мусульманской уммы и давно стали общечеловеческими». «Человечество прошло длительный путь в своем развитии. За столетия просвещения, распространения ислама, христианства и других религий изменилась природа человека. Он уже не дикарь аравийских пустынь. Полагать, что за 1400 лет ислам не смог оказать благотворного влияния на природу человека и облагородить его инстинкты, было бы равноценным признанию бессилия ислама». Вообще, роль просвещения в истории мусульман наряду с изложением основных положений Корана может считаться лейтмотивом статьи: «Вселенная нуждается в людях творческих... Личность сама стала равной общине, религия из социального феномена становится духовным, сугубо личностным... Восток благодаря исламу стал средоточием высших знаний и мудрости. Мусульмане не только молились, глядя на Мекку, но и ориентировались на культуру Востока». Выход из нынешнего упадка мира ислама, в котором «не развиваются науки и технологии», автор видит в иджитхаде, т.е. в выработке своего свободного мнения на основе самостоятельного изучения Корана по образцу времен раннего ислама. И можно лишь согласиться с автором: «Нельзя отсталость оправдать праведностью».

Вполне логично, что за статьей Р.С. Хакимова в первом номере журнала следует статья «Противостояние с терроризмом», автор которой Б.В. Долгов давно разрабатывает тематику противостояния мусульманских обществ и терроризма. Он отмечает, что с терроризмом на Западе (а кое-где и у нас) не только «желтая» пресса, но и отдельные вполне серьезные ученые (Х. Даун, Б. Льюис) пытаются отождествить весь мир ислама, якобы оспари-

вающий у христианства «мировое господство» (Б. Долгов). Автор подробно и основательно анализирует исторически сложившиеся экономические и социокультурные условия в таких странах, как Алжир, Тунис, Марокко, Египет, где «наиболее ярко проявилось противостояние с экстремистскими силами, использующими исламские лозунги для достижения своих целей», и убедительно показывает, что отнюдь не религиозный фактор или тем более какой-либо конфессиональный фанатизм лежит в основе радикального экстремизма, достаточно устрашающе вспыхнувшего в последние десятилетия XX в. в указанных четырех странах. Причины этого прискорбного явления в сфере экономики, политики, социальных неурядиц, «демографического взрыва» (от которого, кстати, страдает весь Восток), небывалой ранее поляризации классово-общественных сил, ошибок местных правительств, особенно в области образовательной и молодежной политики.

Б.В. Долгов опровергает попытки американского политолога С. Хантингтона представить деятельность террористов, использующих исламскую риторику, как проявление неизбежного межцивилизационного конфликта между исламом и христианством. Великолепное знание автором конкретной ситуации в каждой из исследуемых им стран чувствуется во всем. Поэтому приводимые им цифры, даты, имена собственные, названия организаций, их программы и связанные с их деятельностью интересные факты, нисколько не утомляя, выполняют свою задачу. Любой прочитавший статью уже не позволит себе повторять мифы о «тотальном исламском терроризме» и якобы «извечной агрессивности ислама», ибо арабский мир подвергается агрессии экстремистов и противостоит им в такой же, если не в большей, степени, чем страны Запада.

В первых номерах журнала, так же как статья Р.С. Хакимова, печатается с продолжением статья известного специалиста по социальной экологии мира ислама А.Ш. Ниязи «Исламская и социально-экологическая альтернативы глобализму» (№ 1, с. 25–29, № 2–3, с. 24–28). Автор стремится, на мой взгляд, вполне справедливо и своевременно разобраться с понятиями «глобализация» и «глобализм», четко их разграничив и научно объяснив, а заодно выявив их значение для мира ислама. По его классификации, «глобализация» – объективный процесс формирования новых общемировых институтов и механизмов, определяющих взаимосвязь и взаимозависимость человечества, а «глобализм» – это неолиберальный вариант глобализации «всемирного свободного рынка»,

своего рода «политический проект». Иными словами, «глобализм» – это попытка использовать «глобализацию» в эгоистических целях наиболее развитых стран, господствующих на просторах «всемирного свободного рынка». Ниязи подробно, с опорой на источники, прежде всего документы ООН, вскрывает многочисленные (и во многом неизвестные широкой публике) негативные аспекты глобализма, особенно «глобального неравенства» доходов и вообще жизненных благ, их крайне несправедливое распределение, при котором 16% населения планеты потребляют 80% ее ресурсов, в то время как 1,2 млрд. человек живут ниже определенной ООН черты абсолютной бедности, т.е. на 1 долл. в день, а еще 2 млрд. ухитряются существовать на 2 долл. в день. И хотя в некоторых странах Запада начали понимать опасность такого положения и обращать внимание на социальную роль государства, применяя, по удачному выражению Ниязи, «социалистическую практику развитого капитализма» (иногда это стыдливо и несколько туманно именуют «посткапитализмом»), острота социальных противоречий продолжает возрастать, принимая глобальный характер.

Возникает, таким образом, новая биполярность мира, делящая его не по государственным границам, а «на противоположные мировоззрения, мироощущения и образы жизни». В этих обстоятельствах ислам оказывается естественным «лидером религиозного антиглобализма», отвергая неолиберальные рекомендации (чаще всего губительные или несостоятельные для мусульманских государств), «рыночный фундаментализм» (я бы даже назвал его рыночным фетишизмом или фанатизмом) и внедряемые западным глобализмом радикальный материализм, индивидуализм (не присущий общинной жизни мусульманского Востока), вседозволенность и эгоизм «без берегов», противоречащие исламскому принципу справедливости. Очень своевременно звучит напоминание автора (не только Западу, но и многим нашим доморожденным «западникам»), что «произрастает все в конечном счете не из рынка, а из культуры». Конечно, «ислам не против рыночной экономики, но против рыночного общества». Мусульмане торговали всегда, а в их старинных городах от Рабата и Феса до Бухары и Самарканда базар часто был центром не только хозяйственной, но и общественной жизни. Однако «в исламской экономической модели социальное, нравственное измерение превышает личной мотивации», а шариат, признавая частную собственность, запрещает ее использовать «в ущерб интересам мусульманской общины». Более того, в исламе «во имя достижения баланса личных и общественных ин-

тересов государственное социально-экономическое управление и планирование являются важнейшими элементами».

Вместе с тем автор за «третий путь», т. е. сближение Востока и Запада, против крайностей любого толка, признавая разрушительными и неконструктивными как агрессивный глобализм Запада (вернее США и их сателлитов), так и воинствующий экстремизм радикальных халифатистов Бен Ладена, который «сам начинает превращаться в своеобразный глобализм, претендующий на мировое господство». Считая их противостояние борьбой «с последствиями глобального раздора, но не с причинами, его порождающими», автор видит выход в «социально-экономической альтернативе», т.е. в следовании «основополагающим установлениям жизни мусульман: справедливому порядку, коллективизму, солидарности, взаимопомощи, ответственности за настоящее и будущее, трудолюбию, заботе о семье и нуждающихся, осуждению алчности, корысти и паразитизма». Универсальные культурные и правовые устои ислама, по его мнению, «органично вписываются в новую цивилизационную перспективу развития».

Из других статей, определяющих направление исследований журнала и круг его интересов, отмечу работу Тауфика Ибрагима, известного и лично мне знакомого высококвалифицированного историка и религиоведа, «Классическая арабо-мусульманская культура». Для его подхода к теме характерны широта и непредвзятость исторического видения, культурологический плюрализм и многоаспектность. С точки зрения автора важно, что Арабский халифат, «впервые после эпохи Александра Македонского объединивший эллинистическое Средиземноморье с индо-иранским миром, стал новым центром взаимодействия и взаимообогащения различных культурных традиций». И он совершенно прав, утверждая, что цивилизация, развившаяся на этой почве, «стала определять уровень мировой культуры, как материальной, так и научно-философской». И не только, добавлю от себя. Ибо далее речь в статье идет о происхождении, особенностях и роли ислама, его социально-этических принципах и теократическом идеале, сути и значении суфизма, об идеологическом многообразии арабо-мусульманского общества, о преимущественно городском характере культуры этого общества, формировавшейся из различных вкладов и под воздействием многих традиций, тенденций и течений.

Тауфик Ибрагим обращает внимание на «культ знания» в арабо-мусульманской среде времен Халифата IX–XII вв. (чему и

нам сегодня, через 800–1000 лет, неплохо было бы поучиться), на сотни тысяч книг в арабских библиотеках (при всего 1720 книгах в библиотеке Сорбонны в 1340 г.!), на удивительное разнообразие и обилие научных достижений арабов, чему содействовала и высокая культура переводов с древнегреческого, латыни, персидского, санскрита. Интеллектуальная жизнь процветала во всех крупных городах Халифата, а чуть позднее – и в отделившихся от него Магрибе и Аль-Андалусе, в таких городах, как Тахерт, Кайруан, Фес, Севилья, Кордова (в которой книг тогда хранилось больше, чем во всей остальной Европе). Не буду перечислять все достижения арабских ученых в философии, математике, физике, химии, астрономии, медицине, географии. Тауфик Ибрагим не только назвал важнейшие из них, но и рассказал об их роли в свое время и их значении в наши дни.

Продолжая эту тему в следующем номере статьей «Геология калама», автор подробно останавливается на наиболее близкой ему религиозно-философской мысли в культуре классического ислама – явлении «восточного аристотелизма», суфийской теософии ас-Сухраварди и Ибн аль-Араби, художественных традициях арабской поэзии, литературы и фольклора. По его мнению, искусство каллиграфии у арабов представляло собой «альтернативу христианской иконографии». Читая статью, можно узнать немало интересного о том, что такое арабеска, арабская и иранская миниатюра, архитектурный стиль арабо-мусульман, производивший «магическое впечатление на чужеземцев, особенно западных европейцев». Любопытен и раздел об арабской музыке классического периода. Думаю, не всякий читатель знает о том, что европейские названия нот произошли от арабских букв, игравших роль нот в Средние века.

Не только пересказать, но и просто перечислить публикуемые в журнале материалы представляется делом не совсем простым. В журнале есть разделы «Ислам и мир», «Хроника научной жизни», «Подготовка персонала» (о религиозном образовании мусульманской молодежи), «Культура, искусство», «Народное творчество» (о музыкальном фольклоре татар), «Исламская философия», «Письма», «Исламская экономика» и др.

В разделе «Дискуссионный клуб» опубликована статья А.А. Степанова «Исламский терроризм: Мифы и реальность». Автор опровергает три мифа: об изначально присущем исламу насилии, о подпитке террора «Аль-Каиды» доходами от наркобизнеса и о том, что исламскими террористами руководит «Аль-Каида». Ес-

ли первый миф опровергнут достаточно давно, а относительно второго есть сомнения, то опровержение третьего – дело явно не простое. Не отрицая самого наличия террористической деятельности радикальных экстремистов из числа исламских фундаменталистов А.А. Степанов, считает, что они действуют совершенно самостоятельно, своего рода ячейками из добровольцев, опирающихся «на тесные родственные и общинные связи, а также на узы личной дружбы». Что же касается «Аль-Каиды», то это – «транснациональная сетевая, т.е. лишенная организационного центра, исламская террористическая структура», цель которой «отрицание политической власти вообще и создание “на земле царства божьего”». Иными словами, «Аль-Каида» вовсе не штаб террористов, а в лучшем случае их ведомство пропаганды.

С А.А. Степановым можно поспорить, ссылаясь на обильную отечественную и зарубежную литературу. Кроме того, находясь в январе–феврале 2008 г. в Алжире, я слышал от самих алжирцев, что сражающаяся в горах на северо-востоке страны салафитская группировка джихадистов в 2007 г. официально вступила в «Аль-Каиду», причем не по идейным соображениям (идейно они с ней едины еще с 1990-х годов), а по вполне практическим – с целью получения денег, оружия и «опытных кадров», в качестве которых в Алжир и были направлены боевики, прошедшие закалку в Ираке и умеющие обращаться с новыми видами оружия (например, взрывсредствами с дистанционным управлением). При этом со многими положениями статьи А.А. Степанова можно согласиться, особенно с его характеристикой социокультурных и ситуационных истоков радикального экстремизма и причин низкой эффективности борьбы с ним, а также с его рекомендациями по поводу способов противодействия терроризму.

Интерес вызывают и другие публикации журнала. В частности, обращу внимание читателей на интервью посла Алжира в Москве Смаила Шерги, статью Ю.Н. Зинина «Россия и исламский мир через призму стратегического видения», посвященную заседанию 27–28 октября 2008 г. в Джидде группы стратегического видения «Россия – исламский мир», статью Ю.Н. Халиуллина «Мусульманский мир как центр геополитического притяжения», трактующую важные проблемы межкультурных отношений. Самого серьезного прочтения заслуживает солидная работа талантливого молодого востоковеда России В.О. Бобровникова «Исламофобия и религиозное законодательство в постсоветском Дагестане». На его выводы следует обратить внимание всем, в том

числе живущим далеко от Дагестана. И конечно, я не могу не рекомендовать статью одного из моих бывших учеников С. Серёгичева «Создание исламского государства в Судане: Основные этапы и результаты», в которой, помимо прочего, содержится предупреждение о том, что, несмотря на трехкратную неудачу, построение исламского государства «остаётся важной составляющей частью» политики этой огромной многоэтничной поликонфессиональной страны.

В заключение можно сказать, что с выходом в свет первых номеров журнала «Современный ислам» мусульмане России, да и вся российская общественность, получили новое, очень интересное и многопрофильное издание, которое отличает достаточно широкий спектр публикаций по истории, религии, политической жизни, экономике, культуре, социальным, психологическим и иным проблемам мира ислама в целом и российской уммы в частности.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 5 (227)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 26/IV-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 500 экз. Заказ № 72

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

